

история / география / этнография

ANN ARBOR DISTRICT LIBRARY

3 1621 21429 5327

Андрей Дёмкин

И

стории
русских фрейлин

ages

in. A. V.

Ломоносовъ
издательство

Андрей
Дёмкин
Истории
русских
фрейлин

В этой книге рассказывается о судьбах девяти фрейлин. Мария Гамильтон закончила жизненный путь на плахе. Юлиана Менгден провела лучшие годы в ссылке. Елизавета Воронцова имела шанс стать императрицей. Екатерина Нелидова искренне любила Павла I, но оказалась в опале, а пришедшая ей на смену расчетливая Анна Лопухина устроила дело так, что государь осыпал ее милостями и выдал замуж за любимого человека. София Тизенгаузен (Шуазель-Гуфье), Роксандра Стурдза (Эдлинг), Анна Тютчева (Аксакова) и Александра Россет (Смирнова) обладали литературным даром. В оставленных ими мемуарах — описание важнейших событий русской истории, портреты императоров Александра I, Николая I и Александра II, их жен и членов семей, подробности придворной жизни. Объединяет всех этих женщин одно — они, натуры незаурядные, были близки к трону, а некоторые из них, возможно, даже влияли на решения верховной власти.

Андрей Дёмкин — ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

ISBN 978-5-91678-371-1

9 785916 783711

Ш7-ВТУ-384

Андрей Дёмкин

И стории русских фрейлин

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2017

УДК 94(47)05-08
ББК 63.3(2)46-47
Д30

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

При Петре I русский двор стал походить на монаршие дворы Западной Европы. В придворном штатном расписании появилась должность фрейлины (более высокий чин камер-фрейлины жаловался очень редко). На нее назначались незамужние молодые дворянки. Будучи на придворной службе, фрейлины жили во дворце. Основной их обязанностью было присутствовать при официальных придворных церемониях, приемах и балах. Кроме того, две дежурные фрейлины постоянно находились в комнате императрицы или великой княгини (жены наследника престола), сопровождали их на прогулках, церковных службах, различных увеселительных мероприятиях. Фрейлина, вышедшая замуж, лишалась должности.

Мы предлагаем вниманию читателя повествование о судьбах девяти фрейлин. Фрейлины, бывшие при русском дворе в XVIII столетии, не писали мемуаров. В то время это еще не стало явлением обычным, да и наши героини не обладали развитым интеллектом. Судьбы их сложились по-разному. Мария Гамильтон закончила свой жизненный путь на плахе. Юлиана Менгден разделила судьбу своей подруги — принцессы Анны Леопольдовны, отправилась в двадцатилетнюю ссылку и лишь с восшествием на престол Екатерины II обрела свободу. Елизавета Воронцова (Полянская) имела шанс стать императрицей, но этого не случилось — может быть, даже к счастью для нее. Выпускница Смольного института Екатерина Нелидова выступала «ангелом-хранителем» Павла I, а получив у императора отставку, так и не устроила собственную семейную жизнь. Пришедшая ей на смену Анна Лопухина (Гагарина) не любила государя и смогла устроить дело так, чтобы без всякого ущерба для себя да еще и при его живейшем участии выйти замуж.

Наши героини, служившие при императорских особах в XIX веке, были личностями неординарными. Они оставили мемуары и, следовательно, обладали литературным талантом. Помимо рассказов о придворной жизни, зарисовок характеров императоров Александра I, Николая I и Александра II, их жен и членов семей они так или иначе дали характеристику своей эпохе. София Тизенгаузен (Шуазель-Гуфье) немало времени провела в обществе Александра I и, сложись обстоятельства иначе, могла стать его фавориткой. Роксандра Стурдза (Эдлинг) и Анна Тютчева (Аксакова) весьма близки были к императрицам — первая к Елизавете Алексеевне, вторая — к Марии Александровне и, возможно, даже каким-то образом влияли на решения верховной власти. Тем более это можно сказать об Александре Россет (Смирновой), которая часто и подолгу общалась с Николаем I. Все эти героини XIX века благополучно вышли замуж и устроили свою семейную жизнь. Пора фрейлинства для них совпала с юностью и молодостью, на которые они по большому счету пожаловаться не могли.

Страшная судьба фрейлины

Начнем наш рассказ с событий, происходивших в конце царствования императрицы Елизаветы Петровны. Здоровье государыни ухудшалось. Остро встал вопрос о ее преемнике на российском троне. Объявленный таковым племянник Елизаветы Петр Федорович, сын ее сестры Анны Петровны и представитель Гольштейн-Готторпской династии, большинству из «столпов отечества» был ненавистен. У императрицы была еще и дочь, рожденная от тайного брака с фаворитом, графом Алексеем Григорьевичем Разумовским. Но и брак по любви, и плод этой любви находились под покровом тайны.

Для определения истинного наследника Елизаветы на троне, как гласит легенда, решили прибегнуть к мистике. Все началось с того, что фавориту императрицы Ивану Ивановичу Шувалову пригрезился разговор с Яковом Вилимовичем Брюсом, выходцем из шотландского королевского рода и сподвижником Петра Великого. То, что Брюс к моменту этого разговора (осень 1758 года) уже тридцать лет как отошел в мир иной, не смутило Шувалова.

Брюс рассказал Ивану Ивановичу о том, что в Петербурге, в Кунсткамере, на втором этаже, в определенном шкафу и на определенной полке стоят два сосуда с заспиртованными головами, которые принадлежат Марии Гамильтон и Вилиму Монсу. Шувалов выказал крайнее удивление. Он, ближайший к императрице человек, куратор Московского университета, покровитель Ломоносова, хорошо знающий научную и околонаучную среду, ничего об этом не ведал!

Головы этих преступников, продолжал Брюс, Петр Великий обрел на вечное хранение совсем не в назидание потомкам и не в качестве пособий для анатомических штудий. В преддверии смерти очередного российского государя головам назначено пророчествовать о преемнике. С этой целью сосуды с головами следует вынести на крышу здания во время грозы, и, когда молния ударит в особый металлический многоугольник (Брюс вручил его Шувалову), положенный между сосудами, ток пройдет через головы, и те начнут пророчествовать. Участники таинства в это время должны окружить сосуды и произносить магические заклинания.

И вот в грозную ночь высокопоставленные елизаветинские вельможи лично появились в Кунсткамере и, хотя и не без труда, нашли заветные сосуды. На крыше Кунсткамеры и разыгралась мистерия. Во время сильнейшего удара молнии головы ожили и на вопрос, кто станет новым государем, стали выкрикивать сначала по очереди: Вилим Монс — «Мужчина!»; Мария Гамильтон — «Женщина!». Затем в той же последовательности: «Петр», «Екатерина». А в конце вместе: «Сначала мужчина, потом женщина», «Мужчина ненадолго, женщина до конца века». Таким образом, согласно легенде, головы напороочествовали сначала короткое царствование Петра III, а затем долгое царствование Екатерины II. Верить или не верить всему этому — решать читателю.

Дальнейшая судьба вышеупомянутых голов такова. В 80-х годах XVIII века княгиня Е. Р. Дашкова, назначенная императрицей Екатериной II директором Академии наук, обнаружила по хозяйственным бумагам, что подозрительно мно-

го расходуетсЯ спирта. Выяснилось, что спирт предназначен для хранения в особом сундуке в сосудах двух голов. Наблюдавший за этими предметами сторож не знал, чьи головы были вверены его надзору. Приложили немало усилий, чтобы из документов академического архива выяснить, что это головы Гамильтон и Монса. Дашкова сообщила об этом Екатерине II. Та заинтересовалась, и сосуды принесли во дворец. Удовлетворив любопытство, императрица повелела предать останки современников Петра Великого земле: их зарыли «в погреб». То ли Екатерине II никто не сообщил о символическом значении голов, то ли, наоборот, ей было об этом известно, и она не стала искушать судьбу.

Обратимся теперь к героине нашего повествования, камер-фрейлине Марии Гамильтон. Эта фамилия очень древняя. Она восходит к IX веку, а в Англии ее представители появились с Вильгельмом Завоевателем (то есть в XI веке). В России Гамильтоны оказались еще при Иване Грозном. Так образовалась российская ветвь известного рода.

В XVII столетии Гамильтоны породнились с боярином Артамоном Сергеевичем Матвеевым. Этот товарищ детских игр царя Алексея Михайловича женился на Евдокии Григорьевне Гамильтон. Родившийся от брака Андрей Артамонович Матвеев стал сподвижником Петра Великого, графом, видным вельможей и дипломатом. Отец нашей героини, Вилим Гамильтон, был двоюродным братом А. А. Матвеева. Имя Вилим было заменено на более привычное русскому уху — Даниил. Так вот, его дочь Мария Даниловна Гамильтон приходилась племянницей петровскому сподвижнику, что имело решающее значение для устройства ее судьбы: она вошла в число придворных дам царицы Екатерины Алексеевны. Произошло это не ранее 1713 года. Очень скоро Мария сумела войти в доверие государыни. Да и сам царь Петр обратил на нее внимание. Мария Гамильтон обладала красивой внешностью и подходящими для двора манерами. Словом, она быстро сделала карьеру: в 1715 году у нее уже появились при дворе свои горничные.

Петр I не просто обратил внимание на нашу героиню, но и сделал ее своей любовницей. Правда, таких, как Мария Гамильтон, рядовых фавориток у государя в то время было немало: Матрена Балк (сестра «товарища» нашей героини, чья голова также томилась в сосуде), Авдотья Чернышева, княгиня Кантемир, одна из горничных Гамильтон — Анна Крамер и другие. Причем царица Екатерина Алексеевна не просто вынужденно мирилась с увлечениями мужа. Она обязана была выказывать всяческое расположение любовницам Петра, дарить им подарки (что, впрочем, делали и придворные), удовлетворяясь тем, что царь после каждого короткого амурного приключения неизменно возвращался в ее объятия.

Общеизвестно, что придворные Петра должны были обладать приятной внешностью и отменным здоровьем. Ведь царь вкладывал всю силу своей страстной, необузданной натуры и в работу, и в досуг. Придворные также должны были участвовать и в протокольных мероприятиях, и в многочисленных увеселениях и пирах. Петр I, наделенный от природы недюжинной физической силой, далеко не всегда принимал во внимание более скромные возможности окружающих. И очень часто им приходилось и танцевать, и пить горячительные напитки в прямом смысле до упаду. И хотя женскому полу делалось некоторое снисхождение, все равно на долю придворных дам выпадали серьезные испытания. Особенно любил государь разные «курьезные» церемонии, когда присутствующие одевались в маскарадные платья, а то и вовсе в шутовские наряды. Тогда происходили смешные, а иногда и малопристойные действия. Тем не менее царя Петра неизменно сопровождала царица Екатерина, а ее, в свою очередь, фрейлины, среди которых была и Мария Гамильтон. И даже обряженная в крестьянский полушубок либо в нечто еще более диковинное, а часто и с дурацкой дудочкой в руках, Мария блистала красотой.

Женская страсть к нарядам неизменна во все эпохи. Но в XVIII столетии она приобрела прямо-таки гипертрофированные формы. А законодателем мод был, разумеется, фран-

цузский Версаль. Подражая французам, русский двор начал жить на широкую ногу. И Мария Даниловна пристрастилась к туалетам и драгоценностям. Да так, что стало не хватать подарков самого царя и других кавалеров. С ведома или без разрешения царицы фрейлина начала пользоваться ее вещами. Связь с Петром была кратковременной, а затем наша героиня стала довольно легко вступать в интимные отношения с придворными служителями. Позднее выяснилось, что Мария «дважды вытравливала детей лекарствами». Придворным лекарям она говорила о проблемах с желудком. Конечно, такого рода «аборты» сопровождалась болезнями. А болезни, как известно, женщину не красят. Поэтому их следы нужно было прятать разными косметическими средствами, а также украшать себя драгоценностями, которые наша героиня буквально воровала у императрицы. Благо у нее имелся к ним доступ.

Остановимся на любовной связи Марии Даниловны с одним из государевых денщиков, Иваном Михайловичем Орловым. При кажущейся современному человеку ничтожности этой должности в то время она сулила самые радужные перспективы. Из денщиков Петра I вышли и светлейший князь, фельдмаршал Меншиков, и генерал-прокурор Сената Ягужинский, и многие другие высокопоставленные персоны. Осенью 1716 года Мария Гамильтон и Иван Орлов вошли в состав свиты царя Петра I и царицы Екатерины во время их вояжа за границу. Целью поездки было прежде всего участие в брачной церемонии: племянница Петра, царевна Екатерина Ивановна, выходила замуж за герцога Мекленбургского. Русская монаршая чета со свитой побывала в Либаве (современная Лиепая в Латвии), Данциге и Штеттине (современные Гданьск и Щецин в Польше), Копенгагене и Шверине. Затем пути царя и царицы разошлись. Петр поехал по северонемецким городам до голландского Амстердама, а Екатерина, бывшая на исходе беременности, прибыла в город Везель. Здесь у царицы случились неудачные роды: на другой день младенец умер, и она некоторое время болела.

Пока свиты царя и царицы путешествовали вместе, Мария имела возможность видеться с Орловым. Она его страстно любила, несмотря на то что царский денщик часто бывал пьян, грубо бранил и оскорблял ее и даже поколачивал. А она не только дарила ему украшения и предметы туалета, но и позволила себе «запустить руку» в кошелек императрицы Екатерины — украденные деньги фрейлина отдавала ненасытному Орлову. Так уже в самом начале этой любовной связи Мария стала вязнуть в трясине злоупотреблений и преступлений. Да еще приходилось — не без основания — ревновать царского денщика к Авдотье Чернышевой, с которой во время беременности и болезни царицы Екатерины, как поговаривали, спал и сам Петр.

Но вот государыне стало лучше, и в феврале 1717 года она со свитой приехала к Петру в Голландию. Наши любовники встретились вновь, и снова начались ссоры, взаимные упреки, ревность. Причем не только фрейлина ревновала денщика, но и денщик — фрейлину. Будучи пьян, Орлов не раз прилюдно сквернословил в ее адрес. Дальше русская монаршая чета путешествовала то порознь, то снова вместе: царь один ездил во Францию, в Берлине он уже был с женой, но в Россию осенью 1717 года они вернулись по отдельности. В этой продолжительной поездке Мария Гамильтон забеременела — от Орлова, как позже утверждала она сама. Орлов об этом, судя по всему, ничего не знал, но начал что-то подозревать. Но фрейлина, как всегда, сослалась на проблемы с желудком. И беспечный денщик успокоился.

Между тем беременность Марии становилась все очевиднее. Необходимо было скрывать этот факт, так как в браке наша героиня не состояла. Внебрачные же дети порочили репутацию девицы из хорошей дворянской семьи да и камерфрейлины царицы. Приходилось сказываться больной, жить взаперти в отведенных ей во дворце комнатах и, главное, надеяться на преданность своей прислуги: чтобы, не дай Бог, не проболталась кому-нибудь о причинах «болезни». На этот раз Мария не смогла почему-то прибегнуть к «лекарствам»

и родила, а затем, как свидетельствовала впоследствии ее горничная Екатерина Терновская, своими руками младенца задушила. Муж горничной унес мертвое тело, но не захоронил его, а положил завернутым в простыню у дворцового фонтана.

Грустно рассказывать о страшных деяниях нашей героини. Конечно, она была не первой и не последней женщиной, совершившей подобное преступление. Не случайно законодательство XVII—XVIII веков карало смертной казнью мать, убившую свое дитя. Подобных случаев было немало. Имели место они и при дворе: нет-нет да и находили мертвых младенцев недалеко от дворцовых покоев. Видимо, беспечность мужа горничной этим и объяснялась: мол, посудачат и забудут. Фрейлина щедро одарила горничную, да и та была весьма довольна своей службой, — словом, свидетели молчали.

Вскоре в Петербург вернулся отсутствовавший Иван Орлов. До него дошли подозрительные слухи, и денщик поспешил поделиться ими с Марией. На прямой вопрос любовника фрейлина ответила рыданиями. Она всячески отводила «клевету» и, между прочим, сказала, что детей любит, и если бы родила, то могла бы тайно пристроить дитя. И действительно, почему Мария Гамильтон не пристроила младенца в какую-нибудь семью? Ведь средства у нее были — за хорошие деньги можно было бы найти в Петербурге простых людей, согласившихся растить незаконнорожденного младенца. Да и при желании время от времени их контролировать. Видимо, в нашей героине не проснулось материнское чувство. Родить-то она родила, а матерью своему ребенку не стала. Потому что какая мать своими руками убьет дитя?! Однако угрызения совести все же Марию Гамильтон мучили.

В декабре 1717 года фрейлина должна была в составе свиты царицы ехать в Москву. Петр I с женой направился из новой столицы в старую: предстояло следствие по делу его сына от первого брака — царевича Алексея. К делу привлекли десятки людей. Допросы велись с пристрастием, царь активно

участвовал в дознании. Застенки были переполнены, пытали днем и ночью. Может быть, в другое время Марии Гамильтон ее преступление сошло бы с рук, но не в 1718 году, когда страшная следственная машина работала на полную мощь. Во-первых, слухи о том, что наша героиня умертвила собственного ребенка, не прекращались. Во-вторых, по одной версии, Иван Орлов признался царю в любовной связи с Гамильтон, и подозрительный Петр соединил этот факт с найденным телом младенца. При этом денщик ссылаясь на свою неосведомленность относительно преступления. И здесь он не лгал. В-третьих, сама Мария Гамильтон, сильно ревновавшая Орлова к Авдотье Чернышевой, чтобы очернить соперницу, будто бы стала рассказывать разным людям, что Авдотья судачила «с одним денщиком», как царица ест воск и потом у нее на лице появляются угри.

Вскоре при дворе пришли к выводу, что этот «один денщик» — Орлов. Иван Михайлович струсил и бросился в ноги царице, что-де напраслину на него возводят. Так как источником пересудов была Гамильтон, Екатерина ее призвала к ответу. Фрейлина призналась в том, что виновница сплетни — она. К тому же у Марии Даниловны нашли принадлежавшие царице драгоценности. Ее тут же посадили под замок. Конечно, царю Петру в разгар розыска по делу царевича Алексея было недосуг заниматься еще и делом Гамильтон. Хотя дело было нешуточное: фрейлине могли инкриминировать не только кражу драгоценностей государыни, но и оскорбление ее достоинства, что обычно влекло за собой публичное наказание плетьюми и ссылкой.

Последний акт драмы разыгрался в Петербурге, куда арестованная Гамильтон была доставлена из Москвы. В ходе следствия был арестован и Иван Орлов. К допросам привлекли прислугу фрейлины и так узнали об убийстве младенца. Сама Мария на допросах повинилась в краже у царицы Екатерины драгоценностей и денег, а также подтвердила, что инициировала сплетню об угрях Екатерины Алексеевны. Она уточнила, что из краденого дала 300 рублей Орлову.

В убийстве же младенца призналась не сразу. Допрашивали и Орлова. Он подтвердил, что был любовником Гамильтон и брал у нее деньги, но не знал, что они краденые. Об убийстве же ребенка — знать не знал, ведать не ведал. И Мария, и Иван неоднократно подвергались пыткам. Но наша героиня нигде не сослалась на Орлова, чем облегчила его участь. Он же всячески себя выгораживал и поведал о своих подозрениях «в легком поведении» подружки, попытках разузнать о ее беременности и т. д., то есть представлял Марию Гамильтон как развратную и абсолютно безнравственную женщину. 27 ноября 1718 года вышел царский указ, повелевавший Марию Гамильтон за все преступления казнить. Ивана Орлова предписывалось освободить, поскольку он в ее преступлениях («вытравливании» двоих детей, убийстве одного младенца и кражах вещей и денег у царицы Екатерины) не участвовал.

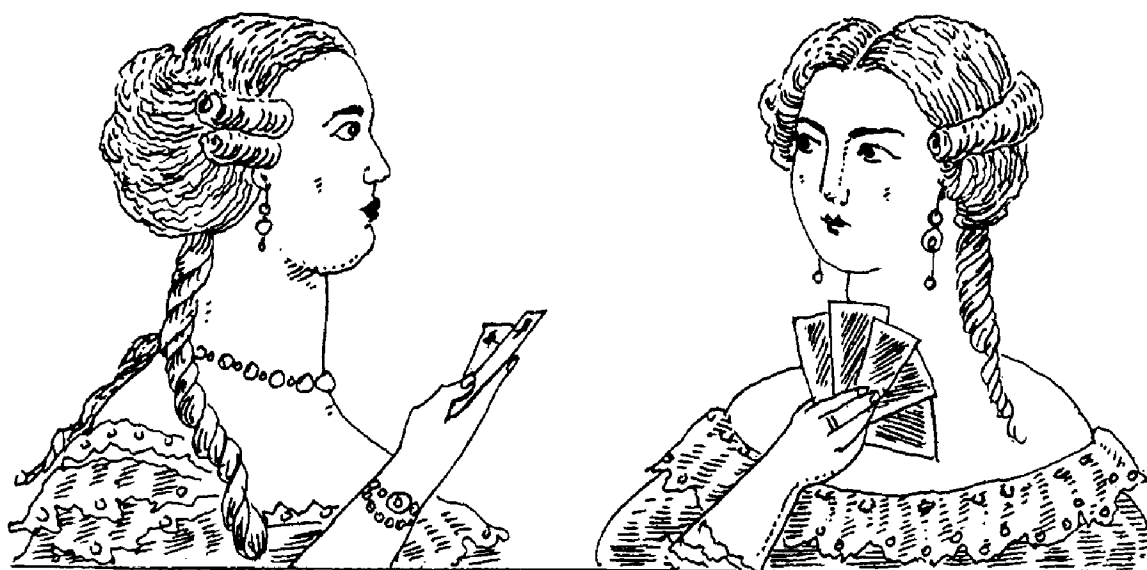
Царица Екатерина Алексеевна, вдовствующая царица Прасковья Федоровна (жена соправителя Ивана V) и ряд сановников просили Петра I отменить казнь. Но никакие ходатайства не помогли. Это сильно удивило не только современников, но и историков, занимавшихся делом Гамильтон. Ведь мы знаем, что после подобного заступничества по не менее тяжким преступлениям государь проявлял милосердие. Почему царь был столь строг к женщине, которую хорошо знал и которой какое-то время был увлечен? Мемуарист Гельбиг, например, решил, что царь посчитал, что отцом убитого младенца мог быть он сам. Проверить этот факт нет никакой возможности. Так или иначе, Петр Великий решил поступить в этом деле в соответствии с буквой закона. Может быть, и в назидание некоторым придворным дамам.

14 марта 1719 года состоялась публичная казнь. Только что отрубленную голову царь поднял и поцеловал. И, как свидетельствовали очевидцы (зрелище не для слабонервных!), долго объяснял окружающим анатомические особенности строения головы и шеи, используя голову своей любовницы как учебное пособие. Затем Петр еще раз поцеловал голову, бросил ее на землю и ушел с места казни. Как мы уже знаем,

голова Марии Даниловны Гамильтон по его приказу была за-спиртована и помещена на вечное хранение в Академию наук. Иван Михайлович Орлов позже стал офицером гвардейского Преображенского полка. Трагедия, к которой он имел отношение, не сильно повлияла на его карьеру. Вообще же и общественное мнение, и законодательство за прелюбодеяние более сурово карали женщину, нежели мужчину.

Конечно, Мария Гамильтон не была исключением — ее поведение вполне вписывалось в общую картину обычаев и нравов петровского двора. Можно сказать, что столь суровый приговор по ее делу — это стечение обстоятельств. Впрочем, это не умаляет всей тяжести совершенного ею преступления.

Самый близкий человек

Двух женщин, о которых пойдет рассказ, их современники считали особами со странностями. Очевидно, что и сегодняшнему человеку отношения между правительницей России, матерью императора-младенца Ивана VI Анной Леопольдовной, и ее фавориткой, баронессой Юлианой фон Менгден, также покажутся далеко не ординарными. Волею судеб эта пара оказалась втянутой в политический водоворот и должна была отвечать за жизнь великой империи. Но политика этих дам не очень интересовала. Им бы жить где-нибудь в поместье и коротать дни и ночи во взаимном приятном общении.

Но пора сообщить читателю, каким образом Анна Леопольдовна стала правительницей России. Мы уже упоминали, что в 1716 году Петр Великий устроил свадьбу своей племянницы, царевны Екатерины Ивановны, с герцогом Мекленбургским Карлом-Леопольдом. Царь хотел путем династических браков упрочить свое влияние в небольших северонемецких государствах. Ранее он выдал замуж за курляндского герцога другую племянницу, царевну Анну Ива-

новну, а позже — за герцога Голштинского — и свою старшую дочь, царевну Анну Петровну. Надо отметить, что потомство царя Ивана V и царицы Прасковьи Федоровны пользовалось уважением русской знати. Не случайно в 1730 году члены Верховного Тайного совета остановились именно на кандидатуре герцогини Курляндской Анны Ивановны, и она, в обход дочери Петра Великого, царевны Елизаветы Петровны, десять лет была российской императрицей.

Анна, официально бывшая вдовой и не имевшая законного потомства (о незаконнорожденных детях от связи с фаворитом Бироном ходили разные слухи), объявила своим наследником ребенка, который родился у ее племянницы, тоже Анны, — дочери Екатерины Мекленбургской. Появившаяся в 1718 году девочка поначалу носила имя Елизавета-Екатерина-Христина и как дочь герцога Мекленбургского исповедовала лютеранство. Ее папаша Карл-Леопольд был настоящим тираном. Он не только изводил жену всевозможными придирками, не представляя ей положенного по брачному контракту содержания, но и доходил до рукоприкладства в выяснении супружеских отношений. Однако Екатерина Ивановна была женщина не робкого десятка. В молодости она славилась веселым нравом, страстью к танцам и пирам и увесистую оплеуху в ответ могла вlepить без стеснения. Тихие немецкие подданные Карла-Леопольда называли его русскую жену «дикой герцогиней». Но даже такая, умевшая постоять за себя женщина не выдержала и в 1722 году уехала с дочкой от мужа в Россию.

С восшествием на престол в 1730 году сестры Анны герцогиня Мекленбургская из захудалой приживалки при русском дворе превратилась во влиятельную особу. Правда, она недолго пользовалась своим положением: в 1733 году ее не стало. Но ее дочка Елизавета-Екатерина-Христина на правах самой близкой родни императрицы должна была продолжить пребывание потомства Ивана V на русском престоле. В том же году она приняла православие и получила новое имя — Анна. В исторической литературе за принцессой Ан-

ной закрепилось отчество Леопольдовна, но некоторые современники называли ее Анной Карловной по первому имени отца.

Мемуаристы из числа близких к ней лиц (Эрнст Миних и неизвестный автор примечаний к мемуарам Х. Г. Манштейна) явно приукрашивали и образ, и характер принцессы: по их описанию она обладала «хорошим умом, добрым сердцем и возвышенной душой», поступки ее «были откровенны и чистосердечны», для нее были характерны «великодушие и скромность» и т. д. Это была статная, выше среднего роста, приятная на вид молодая женщина с темно-каштановыми волосами.

Со временем для государыни Анны Ивановны важной задачей стало замужество племянницы. В конце концов подходящий жених для Анны Леопольдовны нашелся. Им стал принц Антон-Ульрих из немецкой Брауншвейгской династии. В 1739 году брак был заключен. Императрица от этого брака ожидала потомства, хотя ей вполне могла наследовать племянница, а ее муж — в случае, если бы Анна Леопольдовна заняла престол, — получил бы статус лишенного государственной власти принца-консорта.

Впрочем, с престолонаследием не все было так просто. На место правителя Российской империи метил фаворит Анны Ивановны Эрнст Бирон, ставший к тому времени герцогом Курляндским. Тут уместно, как ни странно, процитировать исторического романиста. Валентин Пикуль в романе «Слово и дело» так описывает скандал, произошедший на одном из придворных «выходов»:

«Биронша “взяла шаг” раньше принцессы (Анны Леопольдовны. — *А. Д.*).

— Тетушка! — завопила Анна Леопольдовна. — Ах как мне все это уже опротивело. До каких еще пор издеваться будут?

— Чем ты недовольна? — спросила Анна (императрица. — *А. Д.*) племянницу.

— Эта горбунья старая “взяла шаг” раньше меня.

Биронша надменно выпрямилась.

— Но я герцогиня Курляндии и Семигалии, — прошипела она.

Анна Леопольдовна в исступлении закричала:

— Вот там и “бери шаг” перед кем хочешь!

В ссору вмешался и принц Антон Брауншвейгский.

— В самом деле. Моя невеста как принцесса крови двора здешнего вполне имеет право на первый шаг».

Если «Биронша» (жена Э. Бирона. — *А. Д.*) на официальной придворной церемонии позволяла себе опередить наследницу престола, то понятно, что ей, этой наследнице, не оставалось ждать ничего хорошего от Бирона после того, как ее тетушка-императрица отойдет в мир иной.

Брак Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха Брауншвейгского был следствием политического расчета. Принц Антон состоял в близком родстве с австрийским правящим домом, а союз с Римской империей был в то время краеугольным камнем внешней политики Российской империи. Принцесса не просто не любила своего жениха, но не раз закатывала истерику, даже когда ей о нем просто говорили. Своей антипатии к нему Анна не скрывала.

Конечно, принц Брауншвейгский, молодой человек невысокого роста и невзрачной наружности, не мог прельстить Анну. Поэтому-то она задумалась о любовнике. И такой мужчина нашелся еще до замужества. Им стал польско-саксонский посланник в России граф Мориц Карл фон Линар — весьма красивый кавалер. Анна Леопольдовна страстно в него влюбилась, но связь их продлилась недолго. Любовные отношения наследницы русского престола и посланника не укладывались в политические расклады Бирона и императрицы, и Линара выслали из России. Впрочем, не только саксонец занимал воображение принцессы. Не меньшим, а, может быть, еще большим ее расположением пользовалась героиня нашего повествования — фрейлина Юлиана фон Менгден.

Как Юлиана фон Менгден оказалась при русском дворе? С воцарением Анны Ивановны, по образному выражению

историка В. О. Ключевского, «немцы посыпались на Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забились на все доходные места в управлении». Императрица, русская по происхождению, от своих родителей никак не могла набраться германофильских симпатий. Но посланная волей царя-дядюшки Петра Великого в немецкую Курляндию, она постепенно адаптировалась к среде своего обитания. Взойдя на российский престол, Анна Ивановна привела с собой целую вереницу курляндских и лифляндских немцев во главе с фаворитом Бироном, который, хотя и не занимал официальных государственных постов, сделался влиятельнейшим человеком в империи. А еще были: вице-канцлер и кабинет-министр граф А. И. Остерман (правда, доставшийся императрице Анне «в наследство» от дядюшки), обер-гофмаршал граф Р. Г. Левенвольде, фельдмаршал граф Б. Х. Миних (тоже петровский выдвиженец) и другие, менее влиятельные персоны.

В отечественной историографии XIX—XX веков нередко звучали сентенции о полном засилье немцев во время правления Анны Ивановны. Конечно, их влияние и на государыню, и на внешнюю и внутреннюю политику страны было велико. Но высшие посты занимали и русские: кабинет-министр А. П. Волынский (правда, погибший на плахе в результате начатой Бироном интриги), канцлеры и кабинет-министры Г. И. Головкин и князь А. М. Черкасский и другие — они также в полной мере ответственны за проводившийся при императрице Анне политический курс.

Христофор Герман фон Манштейн, в то время служивший в России в качестве адъютанта фельдмаршала Миниха, отмечал в своих «Записках», что «в царствование императрицы Анны при дворе желали иметь фрейлинами лифляндок, и семейство барона Менгдена... пользовалось большим расположением герцога Курляндского (то есть Бирона. — А. Д.)». Ко двору пригласили сразу трех сестер Менгден. Старшая из них, Доротея, позже стала женой сына фельдмаршала Миниха. Средняя сестра — Юлиана и есть героиня нашей новел-

лы. Младшая звалась Якобиной. Позже появилась при дворе и четвертая сестра — Аврора, впоследствии жена влиятельного приближенного и личного врача царевны Елизаветы Петровны (позже императрицы) И. Г. Лестока.

Как видим, Манштейн определенно говорит о протекции всесильного Бирона, благодаря которой Менгдены, древний, но провинциальный остзейский дворянский род, стали влиятельными персонами при русском дворе. Между прочим, баронский титул этот род получил только в 1736 году — разумеется, благодаря стараниям Юлианы. Но не только женская часть Менгденов продвинулась к властным рычагам. Двоюродный брат фаворитки Карл-Людвиг стал камергером и президентом Коммерц-коллегии.

Но вернемся к «Запискам» Манштейна. Весьма нелицеприятную характеристику он дает сестрам Менгден: «Девушки эти, мало видевшие людей, не обладали умом, необходимым для ведения дворцовых интриг, поэтому три не вмешивались в них. Но Юлиана, любимица правительницы, захотела принимать участие в делах, или, лучше сказать, от природы ленивая, она сумела передать этот порок своей повелительнице». Здесь мемуарист говорит не просто о большом влиянии фаворитки на принцессу Анну Леопольдовну, но и о том, что первая воспитывала вторую по своему образу и подобию. Трудно сказать, кто на кого влиял больше. Но то, что обе эти женщины сошлись весьма близко потому, что у них было много общего, не вызывает сомнения.

Юлиана Менгден родилась в 1719 году, то есть была всего на год моложе Анны Леопольдовны. Мало сказать, что они были подругами. Анна и Юлиана могли сутками не выходить из комнаты, находясь там «неубранными», то есть непричесанными и неодетыми, с косынками на растрепанных волосах, в нижних юбках и кофтах. Подруги судачили о пустяках и предавались безделью. И когда Анна Леопольдовна стала правительницей России, привычки эти сохранились, приводя в неистовство государственных мужей, которые подолгу не могли добиться аудиенции и получить от матери младенца

Ивана VI необходимую подпись на важных государственных бумагах. Фаворитка вообще во многом определяла круг лиц, допущенных к правительнице. Даже муж последней, принц Антон-Ульрих, вынужден был ждать своей очереди, чем он был крайне недоволен — неоднократно он громко, но безуспешно выражал свое возмущение.

Мемуаристы смогли придать скандальный характер отношениям между подругами. К Юлиане — «пригожей смуглянке, благотворительной и кроткого нрава», бесконечно преданной своей госпоже, — Анна Леопольдовна, по словам английского посланника в России Э. Финча, испытывала страсть, похожую «на самую пламенную любовь мужчины к женщине». Было доподлинно известно, что подруги часто спали в одной постели. Не исключено, что между фавориткой и правительницей действительно имели место, как сейчас принято говорить, «нетрадиционные отношения», но, возможно, подобные высказывания — не более чем необоснованные сплетни. Ведь были же еще и горячо любимый Анной Леопольдовной Линар, и не любимый ею же муж Антон-Ульрих, и пять детей от этого брака.

24 августа 1740 года у Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны родился мальчик, названный Иваном. Уже тяжело больная императрица Анна Ивановна с радостью приняла эту весть — она усердно молилась о здравии наследника. А вот герцогу Бирону младенец мешал, так как затруднял путь к власти после смерти своей многолетней любовницы-императрицы. Имея огромное влияние на государыню, Бирон сумел выклянчить у нее «Устав о регентстве», по которому правителем при императоре-ребенке Иване Антоновиче должен был стать именно он.

Императрица Анна Ивановна скончалась 17 октября 1740 года. На престоле оказался двухмесячный мальчик, провозглашенный Иваном VI, а Бирон — до его совершеннолетия — сделался регентом. Его поддержало большинство не только немцев, но и русских вельмож. В пользу Бирона, с их точки зрения, говорило то, что знали они его давно, и это ка-

залось гарантией от резких перемен в политике и во властной верхушке.

Еще не став правителем, Бирон крайне бесцеремонно обращался с родителями нового императора. Анну Леопольдовну и Антона-Ульриха по его приказу не пустили проститься с умирающей Анной Ивановной, а их сын был на какое-то время от них изолирован. Герцог даже подумывал о том, чтобы выслать их из России в Австрию.

Разумеется, родители Ивана VI проявляли крайнее недовольство, но они не пользовались влиянием и не имели серьезной опоры ни при дворе, ни в гвардии. Положение же Бирона представлялось весьма прочным, однако на поверку оказалось иллюзорным. Вскоре против правителя составилась заговор, движущей силой которого стал фельдмаршал граф Бурхард Христофор фон Миних. Поначалу Миних поддерживал Бирона, рассчитывая получить доступ к реальным рычагам власти. Но этого не произошло. Крайне амбициозный, считавший себя великим полководцем, склонный к авантюре фельдмаршал смириться с таким положением дел не пожелал. Он понимал, что легитимность его антибироновским действиям придаст соглашение с Анной Леопольдовной.

В ночь с 7 на 8 ноября 1740 года произошел переворот, который сверг Бирона. Регентшей при Иване VI стала Анна Леопольдовна. Наиболее полно эти события описаны в мемуарах их непосредственных участников: уже упоминавшегося Х. Г. Манштейна, самого фельдмаршала Б. Х. Миниха, его сына Эрнста Миниха, а также автора примечаний к мемуарам Манштейна. Из этих документов мы узнаем, что фельдмаршал Миних тщательно скрывал свой замысел, продолжая быть любезным с Бироном. Но вот 7 ноября он посещает Анну Леопольдовну, и та встречает его с рыданиями и жалобами на регента. Миних предлагает ей свои услуги, и она сразу же соглашается. Примечательно, что накануне переворота фельдмаршал, его сын с женой и Юлиана Менгден были на ужине у Бирона. Миних, как уже отмечалось, породнился с Менгденами: его сын был женат на сестре Юлианы.

Все мемуаристы утверждают, что фаворитка ничего не знала о готовившемся перевороте, — этого потребовал фельдмаршал, когда обо всем договорился с Анной Леопольдовной. Однако вряд ли принцесса утерпела и утаила все от самой лучшей подруги. Кроме того, ей была необходима помощница во дворце.

Почему Миних выбрал для переворота именно ночь с 7 на 8 ноября? Он прямо объяснил это Анне Леопольдовне: на дворцовых караулах тогда стоял Преображенский полк, которым командовал фельдмаршал — а в своих солдатах он был уверен. Миних предупредил принцессу, что ночью приедет к ней. Анна Леопольдовна, в свою очередь, попросила Юлиану Менгден ее разбудить, когда приедет фельдмаршал.

Миних вместе со своим адъютантом Манштейном подъехал в карете к Зимнему дворцу, где жила Анна Леопольдовна с сыном и мужем, в третьем часу утра. Ворота были предусмотрительно оставлены открытыми; в покои принцессы Миних и Манштейн вошли через «гардеробную» комнату.

В ту ночь Анна Леопольдовна спала вместе с мужем. Принц ничего не знал, и принцесса не хотела, чтобы он вышел к заговорщикам. Но Антон-Ульрих спал чутко и проснулся. И хотя появившаяся в опочивальне фаворитка жены не внушила ему какого-либо беспокойства, принц заинтересовался: зачем супруга так рано встала? Та его успокоила, сказав, что ей нездоровится и она скоро снова ляжет в постель.

Мемуаристы отмечают, что Анна Леопольдовна беседовала с Минихом одна. Юлиана при этом не присутствовала. Вероятно, она следила за тем, чтобы никто не нарушил конфиденциальности ночной встречи. В ходе короткой беседы фельдмаршал убеждал Анну Леопольдовну поехать вместе с ним арестовывать Бирона. Принцесса наотрез отказалась. Но к просьбе Миниха, по крайней мере, вызвать к себе караульных офицеров-преображенцев и отдать им приказ следовать за фельдмаршалом и арестовать регента — Анна Леопольдовна прислушалась. За офицерами был послан

Манштейн. Пока он выполнял поручение, принцессе надо было привести себя в порядок, то есть одеться «для выхода». Выйти к офицерам в ночной сорочке она не могла — сие способно было нанести ущерб величию власти. Но надеть платье без посторонней помощи принцесса бы не сумела — требовалась одна камеристка. Эту роль в ту ночь исполнила Юлиана, поскольку лишние свидетели были не нужны. Да и выйти к офицерам Анна Леопольдовна по этикету также не могла в одиночестве. Естественно, ее сопровождала все та же Менгден.

Принцесса произнесла речь, в которой подчеркнула, что надеется на их верность сыну-императору. Она коснулась и оскорбительных для родителей государя выходок Бирона и призвала офицеров вместе со своими солдатами следовать за фельдмаршалом и выполнять все его приказы. Затем Анна Леопольдовна обняла Миниха и «допустила» офицеров к руке. Последние, а также солдаты сразу же выказали готовность исполнить приказ матери императора. Манштейн пишет, что во дворце были оставлены офицер и сорок солдат, то есть одна смена караула. А восемьдесят солдат с остальными офицерами во главе с Минихом отправились в Летний дворец, где проживал Бирон. Как только Миних уехал, Анна Леопольдовна вместе с Юлианой Менгден пошла в комнаты, где спал малютка Иван VI. Всем уже было не до сна, а вскоре о случившемся сообщили и Антону-Ульриху.

Итак, 8 ноября 1740 года Анна Леопольдовна стала правительницей при сыне-императоре. Современники отмечали, что известие об аресте Бирона и его семьи народ и войска встретили с ликованием. Анна Леопольдовна наградила вдохновителя переворота Миниха, сделав его первым министром и президентом Военной коллегии. Правда, милости правительницы удостоились и не ударившие палец о палец ради ее прихода к власти граф Остерман, князь Черкасский, граф Головкин и прочие. Ловкий интриган Остерман сумел склонить на свою сторону Анну Леопольдовну и забрал основные рычаги управления страной в свои руки.

Славой Миниха-заговорщика тяготились многие, в том числе и принц Антон-Ульрих. Сама правительница явно побаивалась решительного и амбициозного фельдмаршала: а вдруг он организует еще один переворот уже в пользу, скажем, царевны Елизаветы Петровны? Между тем Миних был убежден, что не получил достойную награду за свои труды. К тому же сразу определились разногласия между ним и Остерманом по внешнеполитическому курсу. Фельдмаршал демонстративно потребовал у Анны Леопольдовны отставки, надеясь в душе, что ее не примут. Но правительница отставку приняла. Более того, как пишет Манштейн, Остерман и принц Антон-Ульрих советовали ей сослать строптивого фельдмаршала в Сибирь. И им бы удалось ее уломать, если бы не Юлиана Менгден, и в этом нет ничего удивительного: Юлиана помогала родственнику. Фаворитка вступилась за Миниха, и фельдмаршал избежал самого худшего. К «громадным», по словам Манштейна, имениям, которыми Миних располагал, Анна Леопольдовна добавила еще и ежегодную пенсию в 15 тысяч рублей. Все, разумеется, оценили возможности любимой подруги правительницы.

А как же правительница отблагодарила саму Юлиану? Фаворитке были отданы лучшие кафтаны опального Бирона, богато отделанные золотым шитьем. По-немецки рачительная Юлиана прокалила их на противне: ткань выгорела, а золото осталось! Его якобы хватило на отливку четырех «шандалов» (подсвечников), шести тарелок и двух шкатулок. Но помимо этих «мелочей» Менгден получила еще кое-что посущественнее. Ей было пожаловано поместье в Ливонии, которое, как говорили, приносило огромный доход. Кроме того, Анна Леопольдовна неоднократно выдавала подруге крупные денежные суммы — до нескольких десятков тысяч рублей! Не были обделены солидными денежными суммами и члены семьи фаворитки, а ее двоюродному брату и сестрам были пожалованы видные должности при дворе.

Теперь уже никто не мог помешать правительнице вести тот образ жизни, который она предпочитала. Фаворитка за-

нимала во дворце комнаты, смежные с комнатами Анны Леопольдовны. Вечера они обычно коротали вместе. Правда, иногда приглашались избранные люди поиграть в карты. В их числе были родственники Юлианы и иностранные посланники: английский — Финч и имперский — маркиз де Ботта. В то время политика делалась за картами! И конечно, Юлиана Менгден могла влиять на выбор приглашенных персон в своих интересах.

Особенно рада правительница была польско-саксонскому посланнику графу Линару, который примчался в Россию, как только в Саксонии стало известно о перевороте в пользу Анны Леопольдовны. Юлиана Менгден была поверенной в их отношениях. Приходилось строго соблюдать конфиденциальность, поскольку Антон-Ульрих проявлял явное раздражение. Фельдмаршал Миних в своих записках так рассказывает о встречах Линара с Анной Леопольдовной вне дворца: «Она (правительница. — *А. Д.*) имела частые свидания с графом Линаром в третьем дворцовом саду, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии, пользовавшейся там минеральными водами. Когда же принц Брауншвейгский (Антон-Ульрих. — *А. Д.*) тоже намеревался проникнуть в сад, для него ворота были всегда заперты и часовым было приказано никого туда не пускать. Так как Линар жил возле ворот сада, принцесса приказала построить поблизости дачу». То есть свидания могли происходить не только в саду, но и на даче. Фельдмаршал словно смакует любовные похождения правительницы. Он присовокупляет, что «летом она (Анна Леопольдовна. — *А. Д.*) приказывала ставить свою кровать на балкон Зимнего дворца, выходящий на реку; хотя при этом ставились и ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов, соседних ко дворцу, можно было все видеть».

Современники отмечают, что с приездом Линара и без того натянутые отношения правительницы с мужем окончательно расстроились. Как видим из сообщения Миниха, принца даже могли не пускать туда, где находилась Анна Леополь-

довна. Более того, супруги уже спали отдельно. Манштейн и неизвестный автор примечаний к его «Запискам» утверждают, что вина в разрыве супругов лежит на Юлиане, которая, имея огромное влияние на Анну Леопольдовну, якобы настраивала ее против мужа. Манштейн далее присовокупляет: «Великая княгиня (принцесса. — *А. Д.*) думала гораздо более о том, как бы пристроить свою любимицу, нежели о прочих делах империи».

То, что Анна Леопольдовна особо не утруждала себя делами по управлению страной, хорошо известно. Государственная политика была отдана на откуп Остерману и его клике. Так чем же было ей заниматься? Какое найти лекарство от скуки? Конечно же, устраивать судьбы фаворитки, Линара и свою собственную, с ними прочно связанную. Юлиана Менгден платила подруге безусловной верностью и выполнением всех ее прихотей. Царевна Елизавета Петровна (будущая императрица), как говорили, называла Юлиану «Жулькой» (от французского произношения ее имени — Жюли) — на манер собачьей клички. То ли дочь Петра Великого просто хотела унижить фаворитку, то ли подчеркивала ее собачью преданность правительнице.

Мемуаристы передают, что в конце концов Анна Леопольдовна решила выдать Юлиану Менгден замуж за графа Линара. Этим она, с одной стороны, хотела как-то погасить слухи о своей с ним связи, а с другой — придать любовнику официальный статус при дворе. Юлиана согласилась, Линар тоже не сопротивлялся. Он был пожалован чином обер-камергера (который в свое время имел Бирон), награжден орденами Андрея Первозванного и Александра Невского. В августе 1741 года состоялась пышная помолвка, после которой саксонец отбыл на родину для устройства семейных дел. Ходили слухи, что правительница якобы подарила своему любовнику напоследок «мешок» необработанных драгоценных камней, а также ссудила его большими деньгами. Вообще же, забегаю вперед, скажем, что только Линар, уже в Россию не возвратившийся, вышел из этой истории «сухим из воды».

Если амурная связь Анны Леопольдовны с Морицем Линаром вполне очевидна, то отношения последнего и Юлианы Менгден описываются по-разному. Современные авторы склонны рассматривать согласие фаворитки на брак с Линаром как жертву. Даже проводится параллель с фиктивным браком Бирона, который был нужен императрице Анне Ивановне, чтобы также придать ее отношениям с фаворитом некоторую благопристойность. Однако не все так просто. Например, Манштейн утверждает, что Линар «снискал» благосклонность со стороны и правительницы, и ее фаворитки. Анонимный автор примечаний к его труду высказывается еще более определенно: «Что касается обвинений, будто она (Юлиана. — *А. Д.*) содействовала великой княгине в делах любовных, то кто поверит, чтобы обрученная молодая девица, влюбленная в жениха, стала вспомоществовать сопернице своей?» То есть здесь прямо говорится о любви Юлианы Менгден к Линару.

Однако вряд ли стоит сомневаться, что Юлиана выступала в качестве наперсницы правительницы в ее амурных встречах с саксонцем. Это как раз в духе нашей героини: и выполнять прихоти подруги, и воздыхать о ее любовнице. Вполне возможно, перед нами — своеобразный любовный треугольник, где обе, Анна Леопольдовна и Юлиана Менгден, влюблены в Морица Линара, однако был ли он влюблен хотя бы в одну из них — это большой вопрос. Ловкий и опытный дипломат, красивый и обаятельный мужчина, Линар вполне мог притворяться ради собственной выгоды и каждый раз обводить вокруг пальца правительницу и ее фаворитку.

Между тем над Анной Леопольдовной начали сгущаться тучи. Дело в том, что в период ее правления в России практически ничего не изменилось. Продолжалась политика времен императрицы Анны Ивановны. Наверху — тот же круг лиц, за исключением Бирона и Миниха. Хитрейший из хитрых, остававшийся во власти при пяти государях, начиная с Петра Великого, граф А. И. Остерман и в правление

Анны Леопольдовны находился в зените своего могущества. Однако политика двора и, как бы сейчас сказали, непропорционально большое представительство немцев во власти вызывали ропот основной части русского дворянства и гвардии.

Осенью 1741 года зловещее напряжение ощущалось всеми. Положение правительницы осложнялось тем, что буквально у нее «под боком» имелась соперница, способная заменить ее у кормила власти. Царевна Елизавета Петровна, «дщерь Петрова», была весьма популярна в гвардейской среде. Она могла запросто встречаться с рядовыми гвардейцами, жаловать им деньги «на водку», крестить их детей, за что ее за глаза называли «кумой». Остерман имел достоверную информацию, что окружение Елизаветы готовит переворот. Кроме того, были известны контакты царевны через ее врача Лестока с французским послом маркизом де ла Шетарди.

И бироновская, и остермановская Россия во внешней политике ориентировалась на Римскую империю и Англию. Франция не располагала влиянием при русском дворе. Исправить этот недостаток и должен был, по замыслу французского правительства, Шетарди. Французы сделали ставку на приход к власти Елизаветы, и французский посланник должен был стать щедрым «кошельком» заговора. Саму Елизавету и ее окружение подталкивало к решительным действиям существовавшее в верхах мнение, что царевну следует нейтрализовать: либо выдать ее замуж за какого-нибудь захудалого немецкого князька, либо просто заточить в монастырь. Ни та, ни другая (особенно последняя) перспектива Елизавету Петровну не устраивала. Кроме того, шла война со Швецией, и шведы также вели тайные переговоры с царевной: они обещали ей поддержку, а в обмен требовали ревизии Ништадтского мирного договора 1721 года. Все это становилось известно противоположной «партии» и сообщалось Анне Леопольдовне. Приближенные правительницы — от Остермана до Линара — советовали поступить с «тетушкой» как можно решительнее.

Но Анна Леопольдовна медлила. С одной стороны, она не до конца верила, что Елизавета Петровна, эта мотовка, любительница праздности и всевозможных развлечений, способна решиться на такой отчаянный шаг, как переворот. С другой стороны, перед отъездом в Саксонию Линар, как об этом сообщает неизвестный мемуарист, поссорился с Остерманом и очернил его, а заодно и Антона-Ульриха в глазах правительницы. Та, слепо доверявшая любовнику, перестала «благоволить» Остерману, а уж мужа-то она и так ни в грош не ставила.

Не известно, что по этому поводу могли говорить друг другу Анна Леопольдовна и Юлиана Менгден. Вероятно, фаворитка, по обыкновению, принимала сторону подруги. Не надо забывать, что обе они были молоды и неопытны: Анне шел двадцать третий, а Юлиане — двадцать второй год. 23 ноября 1741 года у Анны с Елизаветой Петровной состоялся откровенный разговор. Анна «раскрыла карты» — сказала, что ей известно о контактах с Шетарди и о планах переворота. Елизавета со слезами на глазах уверяла правительницу в своей невинности, в том, что ни о каком перевороте она не помышляет. Анна Леопольдовна настолько поверила, что запретила удваивать дворцовый караул. После этой встречи и окружению Елизаветы Петровны, и ей самой стало ясно, что медлить нельзя.

В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года царица в окружении своих сторонников и во главе гренадерской роты Преображенского полка явилась в Зимний дворец. Караул никакого сопротивления не оказал. Как утверждают Шетарди и Миних, Елизавета Петровна будто бы лично появилась в спальне Анны Леопольдовны. Миних даже привел первую фразу, брошенную царевной, которая потом стала хрестоматийной: «Сестрица, пора вставать!» Но это восклицание разбудило не только правительницу, но и спавшую с ней в ту ночь Юлиану Менгден. Так обе подруги оказались под арестом. Впрочем, не все мемуаристы и современные исследователи разделяют эту версию. Некоторые считают, что правительницу аресто-

вали ближайшие сторонники царевны: врач Лесток и секретарь Воронцов.

Прежде всего Анна Леопольдовна обратилась с просьбой к победившей Елизавете не разлучать ее с Юлианой. И, по свидетельству Шетарди, такое обещание было дано. Елизавета Петровна решила выслать бывшую правительницу с мужем и семьей (в том числе и со свергнутым Иваном VI, которому тогда еще не было и полутора лет) за границу. Причем Юлиана Менгден добровольно согласилась разделить судьбу подруги. Сестра Юлианы Якобина, тоже фрейлина, также оказалась в числе ссыльных. Брауншвейгское семейство и обеих Менгден повезли в Ригу, чтобы они могли отплыть из России. Но вскоре, сообразив, что за границей Иван VI, повзрослев, может стать ей опасен, Елизавета отказалась от первоначального плана и решила не выпускать арестованных из страны.

Вначале их содержали в крепости Динамюнде под Ригой, затем в городе Ранненбурге в Воронежской губернии. В 1744 году императрица решила разделить арестантов. Иван VI был изолирован от родителей. Было также предписано разлучить Юлиану Менгден и Анну Леопольдовну. Здесь в полной мере проявилась способность императрицы Елизаветы к изощренной мести. Ведь она-то хорошо знала, что значила фаворитка для ее племянницы. Барон Корф, выполнявший приказ, сообщал, что обе подруги были крайне опечалены, плакали и «вопили». Бывшая принцесса с мужем, детьми и Якобиной Менгден была отправлена в Холмогоры. Здесь Анна Леопольдовна прожила до 1746 года и скончалась после рождения пятого ребенка. Судя по всему, в ссылке она как-то помирилась с Антоном-Ульрихом. Юлиана Менгден осталась в Ранненбурге.

В ссылке у Юлианы испортился характер: она стала учинять скандалы, вела себя вызывающе и «путалась» с охранниками. Что же в том странного? Ссылка меняет человека, да и неудивительно, что молодая, свободная женщина проявляла интерес к мужскому полу. В 1762 году вступившая на пре-

стол Екатерина II разрешила Юлиане выехать в Ригу. Прожившая бывшая фрейлина и фаворитка до 1786 года, то есть шестьдесят семь лет.

В отечественной, да и не только в отечественной истории преданность, подобная той, что выказала фрейлина, баронесса Юлиана фон Менгден своей подруге, принцессе Анне Леопольдовне, встречается крайне редко. Благодаря этому качеству Юлиана и вошла в историю. На более высокую роль в ней она и не претендовала.

Могла стать императрицей

Придя к власти в результате дворцового переворота, отстранившего от престола законного государя Ивана VI, императрица Елизавета Петровна сразу же задумалась о своем будущем наследнике. Вопрос о ее замужестве с каким-нибудь европейским принцем даже не ставился, так как Елизавета, всю жизнь ходившая в «девицах», находилась в неофициальном браке с фаворитом, графом Алексеем Григорьевичем Разумовским, и даже имела от него как минимум одного ребенка. Но узаконивать собственное потомство она не собиралась.

А прецедент был! Петр Великий «прижил» Елизавету и ее старшую сестру Анну вне брака и только потом узаконил их рождение. Как мать Елизаветы — Екатерина Алексеевна, так и ее неофициальный муж — Алексей Разумовский были самого простого происхождения. Но по пути отца Елизавета Петровна идти не собиралась. Она назначила своим наследником самого близкого родственника — своего племянника, сына покойной сестры Анны Петровны.

Здесь императрица Елизавета пошла по стопам императрицы Анны Ивановны. Племянник, родившийся в 1728 году, к 1741 году был круглым сиротой; имя ему при рождении дали символическое: Карл-Петер. Карл — в честь двоюродного деда, шведского короля Карла XII, Петер — в честь родного деда, российского императора Петра Великого.

Карл-Петер был принцем из Гольштейн-Готторпской династии. По своему происхождению он мог претендовать и на российский, и на шведский престолы. Но с приходом к власти в России императрицы Анны Ивановны, враждебно относившейся к потомству Петра Великого, «русский путь» для Карла-Петера был закрыт, и его воспитывали как наследника шведского престола. Правда, на воспитание это походило мало.

Роль главного «воспитателя» исполнял гофмаршал двора, швед Брюмер. Мальчик его просто ненавидел, и было за что! Брюмер бил и оскорблял ребенка, издевался над ним. За проступки маленького принца ставили коленями на горох, на шею вешали картинку с изображением осла, пугали жестокой поркой, лишали пищи. Словом, как будто специально уродовали душу будущего государя. Зато охотно прививали солдафонство. Карл-Петер рано привык к муштре, грубым армейским выходкам, уже в десять лет пристрастился к алкоголю. И вот такого юношу императрица Елизавета Петровна решила сделать своим преемником. Она прекрасно была осведомлена о его наклонностях, называла его «чертушка», но не видела иных кандидатов на русский престол после своей смерти. Вероятно, у Елизаветы теплилась надежда, что характер племянника возможно исправить — надо только срочно «выдернуть» его из лап горе-воспитателей. И в 1742 году Карл-Петер был привезен в Петербург. Он принял православие и стал называться великим князем Петром Федоровичем.

В России процесс воспитания наследника престола выгодно отличался от голштинского. Его обучали русскому языку и различным предметам. Преподаватели отмечали у наследника определенные способности, хорошую память, склон-

ность к точным наукам. Но страсть к военным экзерцициям сохранилась, да и грубые привычки, приобретенные с детства, не исчезли.

Физически Петр Федорович не был крепок. Имел самую заурядную внешность, которую к тому же портили следы оспы, которой он переболел.

В 1745 году императрица женила племянника на принцессе Ангальт-Цербстской Софье-Фредерике-Августе, в православии — Екатерине Алексеевне. Петру в то время было семнадцать, а Екатерине — шестнадцать лет. Очень скоро между супругами возникло отчуждение, а затем и взаимная вражда. И это неудивительно. Они были совсем разными людьми. Позже в своих «Записках» Екатерина II не пожалела черной краски при описании характера и пристрастий мужа. Петр Федорович предстает в них глупым, жестоким и грубым недорослем, проводившим время в обществе пьяных офицеров и слуг, обожавшим игру в солдатики, которой он придавал самое серьезное значение. Однажды Екатерина в кабинете мужа увидела повешенную «огромную крысу». На удивленный вопрос жены муж ответил, что «крыса эта совершила уголовное преступление и по военным законам подверглась жесточайшему наказанию». «Преступление» крысы заключалось в том, что она съела двух сделанных из крахмала солдатиков. Петр Федорович любил играть на скрипке, но, по отзывам Екатерины, «его игра раздирала слух, и нередко слушателям приходилось сожалеть, что они не смеют заткнуть себе уши». Но это еще не все! Главное — Екатерина II убеждала читателя, что Петр Федорович не исполнял своих супружеских обязанностей. Она писала, что «как скоро мы были в постели, великий князь принимался играть (в игрушки. — А. Д.) до часу или до двух утра». Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся.

Екатерина также утверждала, что императрица Елизавета «на счет племянника своего... была одинаковых со мной мыслей... Уже с давних пор не могла провести с ним нигде четверти часа без огорчения, гнева или даже отвращения

к нему». Венценосная тетушка не стеснялась в выражениях по адресу «чертушки»: «проклятый мой племянник», «племянник мой — урод» и т. д. Разумеется, главной целью «Записок» Екатерины II было показать, каким никчемным, пустым и жестоким был ее муж, и тем самым оправдать его отстранение от власти. Более беспристрастные современники отмечали, что Петр Федорович увлекался чтением романов и музицированием (причем неплохо, как они, в отличие от Екатерины, утверждают, играл на скрипке), любил итальянскую музыку, живопись. У него имелась по тем временам большая библиотека, которая досталась в наследство от отца и была привезена из Киля. В 1745 году Петр Федорович стал правящим герцогом Голштинским. Однако следует признать, что и по характеру, и по уму, и по знаниям, полученным в основном в результате самообразования, Екатерина Алексеевна намного превосходила мужа, который к тому же совершенно не удовлетворял ее как мужчина.

Великий князь был чрезвычайно влюбчив. Екатерина Алексеевна отмечала, что он «беспрестанно влюблялся в ее фрейлин». И хотя она мужа ненавидела, это оскорбляло ее женское достоинство. Поэтому она не случайно была придирчива к своим фрейлинам. Те, в свою очередь, жаловались Петру Федоровичу. А когда он пытался урезонить жену, между ними случались «страшные перебранки».

Со временем императрица Елизавета обеспокоилась тем, что Екатерина Алексеевна никак не забеременеет. Причину этого она видела в увлечении Екатерины верховой ездой. Через своих наперсниц государыня стала вторгаться в супружеские отношения Петра и Екатерины. Затем, через представленную к Екатерине Марью Чоглокову, и вовсе со всей откровенностью предложила великой княгине на выбор двух любовников: Сергея Салтыкова и Льва Нарышкина. Екатерина сделала выбор в пользу Салтыкова.

В своих «Записках» Екатерина II прозрачно намекает, что камергер Сергей Васильевич Салтыков и есть истинный отец родившегося в 1754 году цесаревича Павла Петровича — бу-

дущего императора Павла I. Этого мнения придерживаются некоторые исследователи. Тем более что великий князь Петр Федорович, как считают многие, в принципе не мог быть отцом, так как страдал бесплодием. У него было немало любовниц, но ни одна из них не родила. Правда, Павел I совсем не похож на предполагаемого отца Сергея Салтыкова. Зато он был почти копией родного брата Сергея — Петра Салтыкова, своего вероятного дядюшки. Науке известны факты подобной передачи наследственных признаков. Как бы то ни было, Салтыкова императрица вскоре после рождения Павла надолго отправила за границу на дипломатическую службу, чтобы он, как говорится, «не мозолил глаза».

Не обошли заботами по части сексуального образования и Петра Федоровича. Та же Чоглокова по распоряжению императрицы подыскала ему вдову, которая стала наставницей великого князя в науке любви. Он, судя по всему, оказался способным учеником. Некоторые «симпатии» Петра Федоровича известны: это принцесса Курляндская (дочь Э. Бирона), фрейлины Лопухина и Карр, М. И. Шафирова, девица Теплова, вдова Грот, какая-то певичка Леонора. Но самая длительная и прочная связь была у великого князя с фрейлиной Елизаветой Романовной Воронцовой. Она и есть героиня этой новеллы.

Дворянский род, к которому принадлежала Елизавета Воронцова, имел древнее происхождение. Его основатель был московским тысяцким (главой ополчения) при великом князе Иване Калите в XIV веке. В XVII — первой половине XVIII века Воронцовы не были в числе первых родов русского государства. Их стремительное возвышение целиком связано с воцарением Елизаветы Петровны. Одним из ее ближайших сподвижников стал Михаил Илларионович Воронцов, личный секретарь, которому Елизавета, по утверждению ряда современников, доверила вместе с Лестоком арестовать правительницу Анну Леопольдовну с семейством в ходе дворцового переворота 1741 года. После этого Михаил Воронцов сделал быструю карьеру, став вице-кан-

шлером Российской империи и одним из наиболее влиятельных вельмож. По представлению императрицы римский император пожаловал ему титул графа.

Брат Михаила Воронцова — Роман Илларионович тоже выполнял в 1741 году ответственное поручение: сопровождал брауншвейгскую фамилию в ссылку. Он и был отцом Елизаветы Воронцовой, которая родилась в 1739 году. При дворе Воронцова появилась в одиннадцатилетнем возрасте. Как пишет Екатерина II, Елизавету «отдали» ей, то есть наша героиня стала фрейлиной великой княгини. Тут же автор «Записок» дает нелестную характеристику любовнице мужа: «Это была девочка, очень невзрачная, оливкового цвета лица и до чрезвычайности нечистоплотная». Конечно, мы должны понимать, что хороших слов от женщины по поводу «симпатии» собственного мужа мы не дождемся. Однако действительно Елизавету Воронцову трудно было назвать красавицей. Сохранился ее портрет. На нем изображена женщина заурядной внешности со спокойным, даже флегматичным выражением лица и с «двойным» подбородком, хотя изображена она в возрасте всего лишь двадцати — двадцати с небольшим лет!

Разумеется, Петр Федорович мог найти себе (и находил!) более миловидную фаворитку. Но в Елизавете Воронцовой его привлекала не внешность — он ее просто любил. Причины подобного чувства нередко сформулировать чрезвычайно сложно. Один из исследователей, А. М. Песков, приводит такое объяснение: «Елизавета Воронцова была девица рыхлая телом и рябая лицом. Чем она его приворожила — неизвестно: может, просто тем, что она одна на всем свете жалела несчастного государя?»

Елизавета Воронцова действительно любила этого неоднозначного, нескладного, мало кому симпатичного человека. Любопытно, что великая княгиня Екатерина Алексеевна, как только узнала, что Воронцова стала «любимицей» мужа, предприняла попытку расстроить этот союз. В своих «Записках» Екатерина II пишет, что она рассказала Петру Федо-

ровичу про «неумеренные речи», которые произносил отец фрейлины Роман Илларионович Воронцов по поводу его персоны. Великий князь «взбеленился», стал разговаривать «с великим гневом» и сказал, что его жена просто хочет повредить «Воронцову и его дочерям». Однако когда выяснилось, что действительно Воронцов имел о нем «дурное понятие», Петр Федорович на некоторое время «удержался» от связи с Елизаветой Романовной. Но его снова потянуло к фаворитке, и она вновь сделалась его «любимой султаншей». Вскоре отношения великого князя и фаворитки стали вполне открытыми. Более того, его жена, Екатерина Алексеевна, столь же открыто виделась со своими фаворитами. Случалось, что Петр Федорович ужинал в покоях жены в компании Елизаветы Воронцовой и графа Станислава Понятовского, любовника великой княгини. А после ужина пары свободно уединялись.

Следует отметить, что Петр Федорович, будучи наследником престола, нес вполне определенные обязанности. Помимо занятий по управлению Голштинией он с 1759 года был главным директором Сухопутного шляхетского корпуса. Причем к своим обязанностям по корпусу великий князь относился серьезно: инспектировал занятия кадетов, решал финансовые вопросы, поддерживал издательскую деятельность этого учебного заведения. По различным вопросам своего главного директорства он не раз обращался в Сенат. Кроме того, Петр Федорович много внимания уделял обучению отряда голштинских войск в 1,5 тысячи человек, привезенного в Россию с разрешения императрицы.

С вступлением в 1757 году России в Семилетнюю войну Петр Федорович был введен Елизаветой в высший орган управления военными действиями — в конференцию при высочайшем дворе. Надо сказать, что великий князь, будучи горячим поклонником прусского короля Фридриха II, сразу же выступил против военных действий с Пруссией. Он демонстративно не посещал заседаний конференции и открыто критиковал внешнеполитический курс империи, считая,

что союзники действуют в России «подкупом» (империя) и «обманом» (Франция).

Позиция Петра Федоровича помимо пропрусских симпатий объяснялась и тем, что как раз при поддержке Пруссии и Великобритании он стремился расширить территорию Голштинии за счет Шлезвига. И в дальнейшем Петр Федорович был склонен не только увязывать интересы России с интересами своего герцогства, но и подчинять первые вторым, что вызывало возмущение у влиятельных придворных кругов, а также у генералитета и офицерства.

Между тем царствование императрицы Елизаветы подходило к концу. В 1758 году графы Александр и Петр Шуваловы и Михаил Воронцов наконец-то «свалили» бесменного главу российской внешней политики, своего главного соперника во влиянии на императрицу канцлера графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. Отныне Михаил Илларионович Воронцов становится первым чиновником империи и руководителем ее внешней политики. Извлек выгоду из возвышения брата и Роман Илларионович. В 1760 году он и его семья были пожалованы римским императором графским титулом. Теперь фаворитка великого князя почтительно именуется графиней Елизаветой Романовной Воронцовой.

Падение Бестужева негативно сказалось на положении великой княгини Екатерины Алексеевны, ведь она была тесно связана с канцлером. Екатерина оказалась как бы в изоляции. Но поскольку уличить ее в государственной измене, в чем обвиняли Бестужева, не смогли, то все для нее кончилось «драматической» беседой с императрицей Елизаветой. Помимо Александра Шувалова и фаворита императрицы Ивана Шувалова свидетелем беседы был великий князь Петр Федорович. Он обвинял жену в различных грехах, надеясь, что тетушка-императрица вышлет Екатерину из страны. Уже в то время Петр Федорович обдумывал возможность жениться на Елизавете Воронцовой. Однако императрица лишь сурово «пожурила» великую княгиню.

Вместе с тем умная и честолюбивая Екатерина Алексеевна окончательно поняла, что, как только ее муж станет императором, он с ней разделается: либо вышлет с сыном из страны, либо заточит в монастырь. И великая княгиня всерьез решила создать собственную «партию». Вскоре у нее уже были две группы сторонников, правда неравнозначные. В первую входили гвардейские офицеры во главе с братьями Орловыми: ее любовником Григорием Григорьевичем и Алексеем Григорьевичем. Вторую группу, состоявшую из придворных, возглавлял влиятельный вельможа, воспитатель царевича Павла Петровича — Никита Иванович Панин. Если гвардейцы были готовы идти до конца ради возведения Екатерины на престол (что позже и произошло благодаря в первую очередь их усилиям), то Панин со сторонниками собирались вместо Петра Федоровича провозгласить императором Павла, а Екатерину Алексеевну сделать регентшей до совершеннолетия государя-ребенка.

Тем временем великий князь Петр Федорович становился все более непопулярной фигурой в армейских и гвардейских кругах. Ходили упорные слухи, что он посылал «записочки» командующим русскими армиями в кампании с Пруссией, где прозрачно намекал на неприятные для них последствия, когда он придет к власти, в случае их слишком активных действий против его кумира — короля Фридриха II. К тому же постоянно обсуждались факты, свидетельствовавшие об «утечке» секретной информации о планах русского командования. Вину за то, что Фридриху такие планы становились известны, возлагали на Петра Федоровича.

25 декабря 1761 года скончалась императрица Елизавета Петровна. На престол вступил Петр Федорович под именем Петра III. Хотя Екатерина Алексеевна в официальных документах и именовалась императрицей, муж-император тут же отодвинул ее на второй план. Петр III предпочитал же не общество Елизаветы Воронцовой и «возил ее с собой аки предрагое сокровище». Воронцова при этом не упускала случая подчеркнуть свое особое положение при дворе. Так, во

время одного из смотров войск, когда императрица Екатерина Алексеевна сопровождала Петра III верхом, она вскочила в седло и заняла место непосредственно за высочайшими особами, а когда императрица приказала фаворитке мужа отъехать на подобающее ей по ее придворной должности место, Воронцова не сдвинулась с места.

Однако это вовсе не значило, что между императором и его фавориткой царили только «мир да любовь». Случались и ссоры. Причем их виновником, по существу, был Петр, который все чаще проявлял худшие черты своей натуры. Если принуждение вельмож прыгать на одной ножке и битье их коленом «пониже спины» можно считать невинной шалостью монарха, то почти ежедневные пьянки не могли не вызвать протеста даже у такой терпеливой подруги, как Елизавета Романовна. Пьяный Петр был ужасен и вполне мог поднять на нее руку.

При всем этом умная Екатерина Алексеевна прикладывала усилия к тому, чтобы между мужем и его фавориткой сохранялись хорошие отношения. Ей важно было выиграть время, пока заговор не оформился окончательно. Кроме того, молодая императрица ждала ребенка от связи с Григорием Орловым. Церемония похорон императрицы Елизаветы и сорокадневный траур по усопшей давали ей возможность вести уединенный образ жизни, чтобы скрыть беременность от посторонних глаз.

Елизавета Воронцова чувствовала себя хозяйкой дворца. Некоторые, прежде всего окружавшие Петра III голштинские офицеры, обращались к ней столь же почтительно, как к императрице. Этому способствовал сам император, который наградил любовницу женским орденом Св. Екатерины, которым ранее награждались лишь особы императорской крови или принцессы иностранных государств. Можно сказать, что Елизавета Воронцова была в шаге от короны русской императрицы. Когда на торжественном обеде в честь заключения мирного договора с Пруссией Петр III демонстративно не сел рядом с императрицей, что было положено

по этикету, и затем публично, в присутствии высших российских чиновников и иностранных дипломатов, обозвал жену «дурой», а вечером сгоряча приказал ее арестовать (правда, окружающие уговорили его отменить приказ), всем окончательно стало ясно, что Екатерину ждет опала. И сама она поняла, что нужно торопиться с переворотом.

Петр III, процарствовавший, по подсчетам историков, всего 186 дней, совершил роковые ошибки, которые и привели его к краху. Он не только прекратил войну с Пруссией, в которой практически уже была одержана победа, но и возвратил Фридриху II все завоеванные Россией территории без всякой компенсации. Даже канцлер Михаил Воронцов не смог уговорить императора учесть интересы России и согласовать свои действия с союзниками. Петр III предпочел отстранить Воронцова от дел и самостоятельно заняться переговорами с прусской стороной. Текст мирного договора был составлен прусским посланником.

Мало того, император решил начать войну с Данией за милый его голштинскому сердцу Шлезвиг. Причем Петр III собирался направить на войну гвардию, чтобы удалить из столицы враждебную себе, как он правильно понимал, силу. Тем самым он окончательно настроил против себя большинство армейских и гвардейских офицеров.

Петр Федорович рассорился и с православным духовенством. Он позволял себе пренебрежительно высказываться по вопросам веры, а также возмутительные выходки во время церковной службы; наконец, он издал указ о секуляризации (то есть об отъеме) церковного имущества.

К плюсам его царствования можно отнести указ о ликвидации страшной Канцелярии тайных и розыскных дел. Было сказано, что зловещая формула «Слово и дело» отныне ничего не значит. Не раз высказывавшийся в пользу широкой веротерпимости, император прекратил преследование старообрядцев. А манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 года, разрешавший дворянам не служить и свободно выезжать за гра-

ницу, открывает собой «золотой век» российского дворянства.

Однако минусы все-таки пересилили плюсы. У Екатерины Алексеевны появлялось все больше и больше сторонников, а Петр III к лету 1762 года мог рассчитывать лишь на свой голштинский отряд. Развязка наступила 28 июня. Накануне власти арестовали одного из гвардейских офицеров — участника заговора. Это послужило импульсом к началу переворота. Алексей Орлов отправился в наемной карете в Петергоф, где в то время находилась императрица Екатерина Алексеевна. Ее срочно доставили в Петербург, где ей присягнули гвардия и придворные. В это время, как пишет в своем письме к Станиславу Понятовскому сама Екатерина II, Петр III «жил и пьянствовал в Ораниенбауме». Император ни о чем не подозревал и к полудню в окружении свиты отправился из Ораниенбаума в Петергоф на торжества по поводу дня святых Петра и Павла. Однако выяснилось, что Екатерины в Петергофе нет. Это обстоятельство сразу насторожило Петра III и его окружение. Кроме того, поползли слухи, что императрица находится в Петербурге и уже приняла присягу гвардии.

Петр III направил в столицу нескольких высокопоставленных особ из своей свиты, включая канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова. Им было поручено удержать в повиновении войска и начать переговоры с Екатериной. В отличие от остальных, Воронцов пытался образумить императрицу, уговаривал ее остановить «восстание». В ответ Екатерина распорядилась посадить канцлера под арест.

Петр III бесплодно прождал весь день; к вечеру он почувствовал упадок сил. С ним даже случился обморок. Елизавета Воронцова хлопотала над ним как заботливая нянька. Все это время она не только не отлучалась от императора, но и всячески старалась поддержать и успокоить его. Вечером Петр III решил со свитой плыть на галере в Кронштадт. Но там уже командовали сторонники Екатерины Алексеевны, и галера императора вернулась в Ораниенбаум. Петр III впал в глубо-

кую депрессию; у него опустились руки. Как говорили очевидцы, сидевшая рядом с ним фаворитка плакала. В Ораниенбауме Елизавета уложила своего Петрушу на диван и всю ночь провела у его изголовья.

29 июня в Ораниенбауме появились сторонники императрицы Екатерины с солдатами. Петр III даже не попробовал сопротивляться: преданные ему голштинцы были в абсолютном меньшинстве, да и настоящий боевой дух у них отсутствовал. Известно, что император направил жене два собственноручных письма, где обещал отречься от престола и просил разрешить ему отбыть с Елизаветой Воронцовой в Голштинию. В Ораниенбауме Петр Федорович подписал подготовленный текст отречения от престола. После этого он вместе с фавориткой и двумя ближайшими сторонниками выехал в карете в Петергоф под конвоем верных императрице Екатерине частей. Как писала С. Понятовскому Екатерина II, ее муж просил оставить с ним «свою любовницу, собаку, негра и скрипку». Но с любимой Елизаветой Воронцовой Петра Федоровича разлучили. Его увезли в Ропшу, где он вскоре был убит.

Елизавета Воронцова рвалась поехать с возлюбленным и разделить его участь, однако была отправлена в Петербург. Существует мнение, что ее привезли в дом дяди-канцлера, который находился под арестом. Но вот княгиня Екатерина Дашкова, активная сторонница императрицы Екатерины, сообщает, что, когда она после переворота посетила отца, графа Романа Илларионовича Воронцова, у него в доме находилась и ее сестра, графиня Елизавета Романовна. Отец досадовал по поводу того, что его продержали сутки под арестом «как государственного преступника», и жаловался на присутствие в доме дочери — фаворитки свергнутого государя.

Конечно, Елизавета Воронцова беспокоилась за свою судьбу. Сестра Екатерина уверила ее, что «замолвит словечко» за нее перед императрицей, и сообщила, что «у государыни были самые благожелательные и великодушные наме-

рения по отношению к ней». Единственно, императрица не хотела видеть бывшую соперницу при дворе.

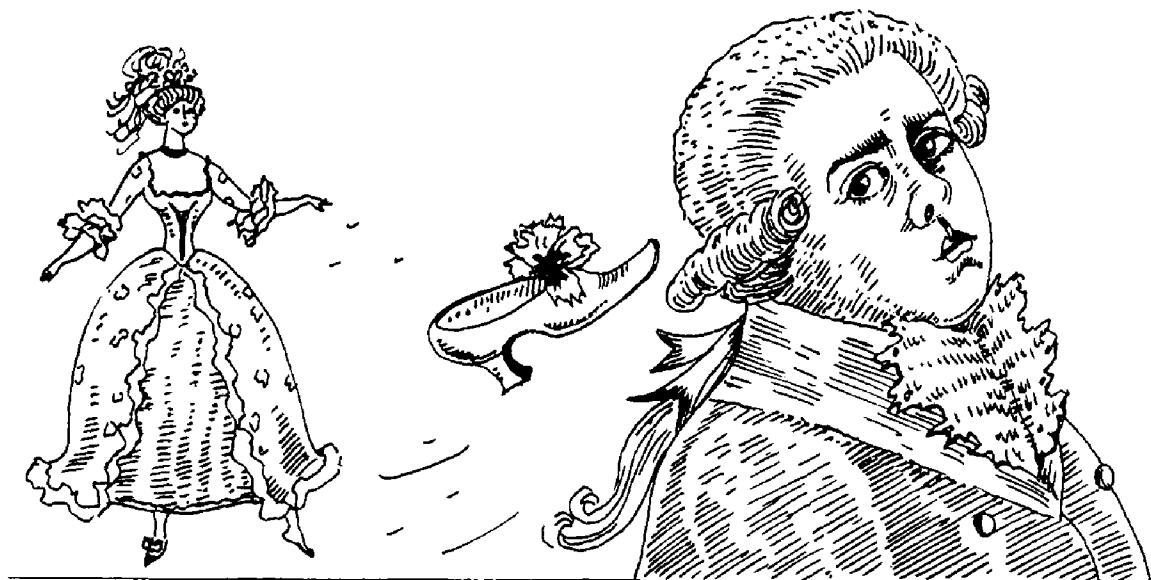
Екатерина II — умная женщина и дальновидная государыня — не стала преследовать не только Елизавету Романовну, но и ее родню. Михаил Илларионович Воронцов сохранил должность канцлера. Правда, особым влиянием он уже не пользовался и вскоре вышел в отставку. Роман Илларионович был отправлен в Москву и лишился некоторых поместий. Но вскоре был назначен Екатериной II наместником и едва не разорил три находившиеся под его началом губернии. За безудержную страсть графа к обогащению императрица называла его «Роман — большой карман».

Как же сложилась дальнейшая судьба нашей героини? Пожив в доме отца в Петербурге, Елизавета Романовна отправилась в одно из подмосковных имений графа Романа Воронцова. Затем она жила в Москве, пока не вышла замуж за статского советника Александра Ивановича Полянско-го. Муж был человеком богатым, у него имелись дома в Петербурге и поместье в столичной губернии. Чета Полянских поселилась в Петербурге. Простила Екатерина II Елизавету Романовну или нет, но императрица согласилась быть приемницей сына бывшей фаворитки своего мужа. Княгиня Дашкова пишет, что, когда она после долгого пребывания за границей вернулась в Петербург, ее сестра Полянская с дочерью посетили ее. Причем Елизавета Романовна «горячо желала», чтобы ее дочь стала фрейлиной. И сестра упростила Екатерину II устроить племянницу при дворе.

Елизавета Романовна Воронцова (Полянская) бесхитростно любила императора Петра III. В первой половине жизни она едва не оказалась на троне, а затем вышла замуж, стала матерью и тихо дожила свой век.

Умерла Елизавета Воронцова в 1792 году, прожив пятьдесят три года.

Павловские любимицы

Личность императора Павла I до сих пор оценивается по-разному. Одни считают его деспотом, гонителем всего оригинального, самостоятельного, не предусмотренного «артикулами», другие — «русским Гамлетом» и даже революционером на троне. В нашу задачу не входит обстоятельная оценка его государственной деятельности. Для нас интересно выяснить, как раскрывался характер вначале цесаревича, затем императора Павла Петровича во взаимоотношениях с любимыми женщинами.

Но прежде о самом Павле. Родился он в 1754 году. Уже говорилось, что с большой долей вероятности цесаревич был плодом любовной связи его матери, великой княгини Екатерины Алексеевны, и камергера Сергея Васильевича Салтыкова. Во всяком случае, официальный отец мальчика, великий князь Петр Федорович, никаких отцовских чувств к нему не испытывал и даже впоследствии обдумывал возможность той или иной формы развода с женой и удаления ее с сыном от двора. Поэтому стремление Павла Петровича, особенно после воцарения, всегда подчеркивать почте-

ние к отцу и его упреки, обращенные к матери, Екатерине II, в организации переворота 1762 года и гибели мужа не во всем логичны; они несут в себе изрядную долю идеализации образа Петра III.

Хорошо известно, что новорожденного Павла императрица Елизавета сразу же изолировала от родителей. И если Петру Федоровичу было все равно, то мать, Екатерина Алексеевна, всю жизнь страдала из-за допущенной по отношению к ней несправедливости. Первые годы жизни цесаревича прошли в чрезвычайных, даже порой избыточных хлопотах по поводу его здоровья. Императрица Елизавета распорядилась содержать младенца в своих покоях и, как писала Екатерина II, «прибегала к нему на каждый крик», требовала, чтобы Павел находился в теплом, даже жарко натопленном помещении, укутанный теплыми одеялами, подбитыми мехом. Ребенок потел, и неожиданный сквозняк грозил простудой. Впоследствии это сказалось на здоровье цесаревича. Множество мамок и нянек, приставленных к мальчику, по мнению Екатерины II, своими бестолковыми и излишне усердными хлопотами испортили характер Павла, который в более поздние годы отличался нервозностью и раздражительностью.

Возможно, Екатерина II просто задним числом, когда уже возникло глубокое отчуждение, пыталась объяснить поведение сына. Но, так или иначе, чрезмерное усердие приносило свои отрицательные плоды. Частые шумные появления императрицы Елизаветы в комнате малютки пугали мальчика, и государыня, заметив это, сократила подобные визиты. Вообще Павел Петрович с детства был склонен к страхам и припадкам. Отмечали, что он прятался под стол, когда сильно стучали дверями. Да и кормили цесаревича без должного внимания к особенностям детского организма; поэтому он с молодых лет страдал частым расстройством пищеварения.

В четырехлетнем возрасте Павла Петровича стали обучать грамоте, но истинные перемены в воспитании произошли еще через два года — в 1760 году. В шестилетнем возрас-

те к нему приставили Никиту Ивановича Панина, который был назначен обер-гофмейстером и руководителем процесса обучения и воспитания мальчика. Поначалу Павел встретил нового человека, по своему обыкновению, испугом и плачем. Но с течением времени страх цесаревича прошел, и Панин обрел уважение и доверие Павла Петровича.

Никита Иванович Панин сам формировал программу обучения своего подопечного и набирал соответствующих учителей. Среди них был и Семен Андреевич Порошин, воспитатель и учитель математики, оставивший «Записки», где подробно, день за днем, описаны занятия, досуг и привычки десяти-одиннадцатилетнего цесаревича. Надо сказать, что благодаря Н. И. Панину и педагогам великий князь, обнаруживший способности к учению, особенно к точным наукам, получил хорошее образование. Порошин отмечает при этом склонность цесаревича к суете, неоправданной спешке. Он как бы постоянно торопился в своих поступках и суждениях.

Подметил Порошин и упрямство Павла. Его подчас весьма трудно было переубедить. Например, десятилетний отрок с чьих-то слов крайне негативно оценивал деятельность М. В. Ломоносова. Когда Порошин сообщил ученику о смерти почитаемого в России ученого, то Павел сказал: «Что о дураке жалеть, казну только разорил и ничего не делал». Многих усилий стоило Порошину, да и другим, чтобы цесаревич, услышав фамилию Ломоносов, не употреблял при этом слово «дурак».

Довольно рано Павел пристрастился к средневековой европейской романтике. Не случайно позже, будучи императором, он принял на себя обязанности гроссмейстера Мальтийского ордена.

С. А. Порошин пишет и о первом увлечении Павла Петровича. «Любезной» десятилетнего цесаревича стала фрейлина Вера Чоглокова. Мальчик поделился с наставником, как он на одном из вечеров много с ней танцевал и разговаривал. Даже признался ей, что «всегда хотел быть вместе с ней». Чоглокова же ответила, что хотела бы поцеловать у цесаревича

руку, а Павел сказал, что он еще больше желает поцеловать ее руку. А когда подростки ехали во дворец в разных санях, они украдкой «бросали» друг другу воздушные поцелуи. Разумеется, первое детское увлечение носило самый невинный характер. Порошин также отметил вполне взрослое высказывание своего подопечного о браке: «Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется». Как видим, Павел, в отличие, скажем, от Петра III, не желал терпеть измен будущей жены.

Дворцовый переворот 28 июня 1762 года, приведший к власти Екатерину II, обозначил новый период в жизни Павла. Как уже говорилось, деятельный участник заговора Никита Иванович Панин и поддерживавшая его придворная группировка намеревались объявить императором восьмилетнего цесаревича. Но Екатерина, опираясь на гвардейских офицеров во главе с братьями Орловыми, смогла переиграть Панина и сама стала полновластной императрицей. Павел Петрович был объявлен ее наследником.

По мере взросления цесаревич все больше отдалялся от матери. В нем крепло непоколебимое убеждение, что Екатерина II занимает его место. Те же настроения исходили от Панина, который был оставлен воспитателем и наставником Павла. Императрица, по собственному признанию, не решилась вырвать сына из рук Никиты Ивановича, весьма влиятельного при дворе человека, ставшего еще и руководителем внешней политики империи. Между тем Павел Петрович вырос в подверженного припадкам, психически неуравновешенного юношу с некрепким здоровьем, затаившего глубокую обиду на мать-императрицу и все больше проявлявшего склонность к военной муштре и парадомании.

В 1772 году, когда цесаревичу исполнилось восемнадцать лет, ему устроили связь с одной вдовой, в результате которой у него родился внебрачный сын. Стало быть, цесаревич был «готов» к браку. Интрига ряда лиц из окружения Павла Петровича, пытавшихся заявить по достижении им совершеннолетия о его правах на престол, как и следовало ожидать,

не дала положительного результата. Причем умный Панин в этом не участвовал. С совершеннолетием наследника он потерял статус его наставника. И хотя Никите Ивановичу были пожалованы и новый чин, и богатые имения, и пенсия, и жалованье и оставлено руководство Коллегией иностранных дел — его влияние при дворе неуклонно уменьшалось.

В 1773 году цесаревича Павла женили на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской, принявшей в православии имя Наталья Алексеевна. Надо сказать, что Павел Петрович выбрал себе жену по любви: в Петербург привезли трех сестер и наследник воспылал страстью к средней из них. Екатерина II в письмах к своим европейским корреспондентам расхваливала невестку: она «наделена прекрасными качествами, я ею крайне довольна, муж ее обожает и все любят, она кротка и любезна, я люблю ее, и она того заслуживает». Но вскоре мнение императрицы о Наталье Алексеевне переменилось: «Великая княгиня постоянно больна... Все у этой дамы доведено до крайности... Спустя полтора года и более не говорит ни слова по-русски» и т. п.

Павел Петрович, по всему видно, не охладел к своей супруге. Говорили, что он подчинялся ее влиянию. Со временем Наталья Алексеевна даже стала диктовать мужу, с кем общаться и кого приглашать к себе. Правда, некоторые деспотические черты поведения великой княгини можно объяснить ее беременностью. Роды в 1776 году закончились трагически. Из-за повреждения в детстве «спинной кости» Наталья Алексеевна не смогла родить — и она, и младенец умерли.

Трагедия в личной жизни усугубилась для Павла Петровича еще и невозможностью участвовать в управлении государством. Известно, что в 1773 году Екатерина II специально приглашала к себе сына на «чтение докладов» руководителей различных ведомств, чтобы наследник приобщился к государственным делам. Но Павел критиковал политический курс матери. Окончательно «развела» их политические взгляды в 1774 году записка цесаревича, касавшаяся вопросов внешней политики и реформы армии. С крайним раздраже-

нием Павел Петрович относился к фаворитам матери, а когда на российском политическом небосклоне взошла звезда Г. А. Потемкина, который позже стал фактическим соправителем Екатерины II и ее венчанным с соблюдением строжайшей тайны мужем, Павел был окончательно отстранен от каких-либо серьезных дел.

Вдовцом двадцатидвухлетний цесаревич пробыл недолго. В том же 1776 году он был послан императрицей в Берлин для свидания с новой невестой, принцессой Софьей-Доротеей Вюртембергской. Павел Петрович был «восхищен» будущей женой. Сговор произошел быстро еще и благодаря посредничеству прусского короля Фридриха II, принимавшего наследника русского престола с большим радушием.

Софья-Доротея, к радости императрицы Екатерины II, приехала в Россию буквально вслед за цесаревичем. После того как невеста была обращена в православие и получила имя Мария Федоровна, состоялось бракосочетание. Новая великая княгиня была тихой, скромной, сентиментальной женщиной, буквально созданной для семейного счастья и материнства. Она имела весьма приятную внешность, была полной и высокой блондинкой с величественной осанкой. А самое главное — она влюбилась в Павла Петровича и готова была ревновать его к любой хорошенькой фрейлине. И неспроста! Павел был подчеркнуто любезен с последними, а одна из них надолго стала его фавориткой.

Все в том же 1776 году во фрейлины императрицы Екатерины II была зачислена выпускница Смольного института благородных девиц Екатерина Ивановна Нелидова. Родилась она в 1758 году и, следовательно, в придворную службу поступила в восемнадцатилетнем возрасте. Дворянский род Нелидовых вел свое начало от предка, выехавшего в XIV веке из Великого княжества Литовского на службу к великому князю Московскому Дмитрию Донскому.

Известный портрет кисти Д. Г. Левицкого дает хорошее представление о ее внешности. Это была невысокого роста, веселая, бойкая девица со смуглой кожей, темными во-

лосами и блестящими черными глазами. Среди выпускниц Смольного института Екатерина Ивановна выделялась прежде всего своими артистическими способностями.

При этом существует мнение, что Нелидова была некрасива и даже «дурна». Когда великой княгине Марии Федоровне стало известно о фаворе и она пожаловалась императрице Екатерине II, та подвела невестку к зеркалу и заметила, что она — настоящая красавица, а Нелидова — «маленькое чудовище». Однако современники признавали, что Екатерина Ивановна Нелидова была до того «умна и любезна», что при разговоре с ней на ее внешность собеседники даже не обращали внимания. Умение вести «умный» разговор и живость в общении, вероятно, и привлекли внимание великого князя.

В декабре 1777 года Мария Федоровна родила первенца Александра — будущего императора Александра I. Со временем она стала матерью десяти детей: четырех мальчиков — Александра, Константина, Николая (будущий император Николай I) и Михаила — и шести девочек — Александры, Елены, Марии, Екатерины, Ольги и Анны. Как видим, в течение двадцати лет Мария Федоровна в среднем раз в два года была беременна. При этом, естественно, почти все ее внимание было приковано к детям.

Известно, что Павел Петрович не сразу увлекся Екатериной Ивановной Нелидовой. Между тем она была назначена фрейлиной его жены и находилась в свите супругов во время их длительного вояжа по Европе в 1781–1782 годах под именами графа и графини Северных. После этой поездки, очевидно, и произошло в 1783 году сближение цесаревича и Нелидовой. Затем, в течение пятнадцати лет, Екатерина Ивановна оказывала огромное влияние на Павла и, по отзывам современников, даже «умела править и умом его, и темпераментом».

Павел Петрович был влюблен в Нелидову, но была ли она в то время его любовницей или только «слыла» ею — большой вопрос. Так, известно письмо цесаревича Екатерине II в 1790 году, где он оправдывается, очевидно, после упомяну-

той нами жалобы жены — убеждает мать-императрицу, что его связь с Нелидовой «исключительно дружеская», и клянется, что их «соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая». Павлу вторила сама Екатерина Ивановна. Передаются ее слова цесаревичу: «Разве я искала в вас для себя мужчину? Клянусь вам, с тех пор, как я к вам привязана, мне все кажется, что вы моя сестра».

Последнее утверждение современному человеку может показаться весьма странным, но люди конца XVIII столетия, воспитанные на чтении сентиментальных романов, вполне могли чувствовать подобное. Наша героиня воспринимала свою роль при дворе в мистическом ключе. Она считала, что Бог определил ей быть «ангелом-хранителем» Павла.

В начале 1790-х годов для Павла Петровича настали воистину тяжелые времена. Императрица Екатерина II, окончательно в нем разочаровавшись, стала обдумывать возможность назначения своим наследником внука и старшего сына Павла — Александра Павловича. С самого начала воспитание старших сыновей цесаревича — Александра и Константина — шло под пристальным вниманием бабки-императрицы. Она повторяла политику императрицы Елизаветы, от которой сама в свое время много страдала: отстранила Павла Петровича и Марию Федоровну от воспитания мальчиков. С кончиной в 1791 году тайного мужа и ближайшего сподвижника Г. А. Потемкина Екатерина II, которой в то время исполнилось уже шестьдесят два года, стала острее чувствовать приближающийся исход отпущенных ей судьбой дней и начала готовить необходимые документы. Ведь нужно было официально объявить о снятии с сына Павла статуса наследника престола и возложить его на внука Александра.

Все это, разумеется, в общем плане доходило до Павла Петровича. Он с женой проживал в то время в Гатчине, на изрядном удалении от екатерининского двора, ежедневно ожидая от матери опалы, ссылки, а может быть, и тюремного заключения. В подобной ситуации «нервической», как тогда говорили, натуре Павла, как воздух, требовалась поддержка

такого человека, как Екатерина Нелидова, — его «ангела-хранителя». Но постоянно усиливавшееся влияние фаворитки на цесаревича вызывало у его жены, казалось бы склонной к покорности и непротивлению, настоящее возмущение. Сообщали даже, что окружение Павла Петровича расколосось на сторонников одной и другой женщины. И как будто «партия» Нелидовой победила. Попытки Марии Федоровны искать защиты у императрицы к положительным результатам не привели.

Павел стал избегать общения с женой и почти все время проводил в обществе Нелидовой. Но та вдруг приняла неожиданное решение — видимо, на нее сильно действовало крайнее напряжение в великокняжеской семье и часто случавшиеся истерики Марии Федоровны — и в 1793 году обратилась к императрице с просьбой сложить с нее обязанности фрейлины и разрешить поселиться в Смольном монастыре. Таким образом, Нелидова проявила истинное благородство: не стала «добивать» соперницу и вести дело к полному разрыву цесаревича с женой.

Разрешение Екатерины II было получено. Известно, что при этом Павел упросил мать разрешить Екатерине Ивановне бывать у него, что, однако, не помешало ему в это же время вспылать страстью к фрейлине Н. Ф. Веригиной. Нелидовой это не понравилось. Чего-чего, а уж характера Екатерине Ивановне было не занимать — и она перестала навещать Павла.

6 ноября 1796 года Екатерина II скончалась. Павел Петрович стал императором Павлом I. И хотя Екатерина II имела намерение передать престол Александру Павловичу, тот не выказал никакого желания бороться за престол; подготовленные же Екатериной документы были переданы графом А. А. Безбородко Павлу и сразу уничтожены.

Новый император тут же отстранил от власти почти всех екатерининских вельмож. Только Безбородко сохранил руководство внешней политикой, был произведен в канцлеры и пожалован княжеским титулом. Живые участники переворота 1762 года подверглись опале. Досталось от Павла и кня-

гине Екатерине Романовне Дашковой. Ей, пожилой больной женщине, император приказал жить в новгородском имении ее сына. Правда, императрица Мария Федоровна, с одной стороны, и Нелидова, с другой, смогли смягчить гнев Павла, который все же разрешил Дашковой вернуться в ее собственное калужское имение, более удобное для проживания.

Павел Петрович привел к управлению страной новых лиц, выросших из офицеров его гатчинского отряда (А. А. Аракчеева, П. Х. Оболянинова, Ф. В. Ростопчина), а также князей Куракиных и др. Особое влияние на государя приобрел его воспитанник, пленный «турчонок», И. П. Кутайсов, верно служивший Павлу Петровичу брадобреем, гардеробмейстером и получивший затем графское достоинство. Именно Кутайсов затеял впоследствии интригу, которая привела к падению Екатерины Ивановны Нелидовой.

Но это потом.

А пока, в 1796 году, Екатерина Ивановна продолжала жить в Смольном монастыре и не сразу поддалась настойчивым уговорам Павла I снова занять место рядом с ним. Она переселилась в особые покои в Зимнем дворце, как говорили, после оказанной ее родне большой милости.

Довольно характерна в этом смысле стремительная карьера брата фаворитки Аркадия Ивановича Нелидова. Как писал граф Е. Ф. Комаровский, к моменту прихода Павла к власти он был поручиком гвардии, но 1 января 1797 года уже стал полковником, в марте того же года — генерал-майором и генерал-адъютантом, а в день коронации был награжден орденом Св. Анны I степени и получил имение с тысячей крепостных душ.

В это же время произошло примирение Нелидовой и императрицы Марии Федоровны, и не просто примирение — между ними установился союз, и Нелидова стала наперсницей жены Павла I.

Обе женщины — и вместе, и порознь — пытались благотворно воздействовать на монарха, поскольку в нем все сильнее проявлялись отрицательные черты характера. Он

не терпел возражений, требовал точного и немедленного выполнения своих распоряжений, пусть самых нелепых, по всякому, даже незначительному поводу учинял форменный разнос и был весьма скор на расправу. Павел хотел, чтобы в империи установился «порядок», в отличие от беспорядка, господствовавшего (в чем он был убежден) во время правления его матери. Под «порядком» он понимал прежде всего единообразие. Единообразие во всем: от архитектуры и окраски зданий определенными цветами, одежды и распорядка дня подданных вплоть до мыслей последних. Идеалом порядка император считал армию: уж где-где, а здесь-то единообразия достичь проще всего! Причем армия, по Павлу, должна была выглядеть согласно прусскому образцу — от фрунтовых приемов до покроя мундиров. Государь любил присутствовать на плац-парадах, где с удовольствием распекал офицеров за малейшую оплошность. Последние выходили на очередной парад с дрожью в коленках и с изрядной денежной суммой в карманах, поскольку можно было прямо с парада по личному государеву приказу угодить в ссылку.

В такой обстановке много было обиженных, отставленных от службы или ожидавших монаршей грозы. Мемуаристы приводят примеры заступничества Екатерины Ивановны Нелидовой за конкретных лиц или же когда она просила отменить какое-либо нелепое распоряжение императора. Так, наша героиня дважды упрашивала Павла не ликвидировать орден Св. Георгия — наиболее ценимую русскими военными награду. Наряду с неоднократным заступничеством за саму императрицу Марию Федоровну Нелидова смягчала гнев Павла I на придворных во время балов и других официальных мероприятий (например, на адмирала А. С. Шишкова) и, наоборот, вместе с императрицей способствовала удалению всем ненавистного Н. П. Архарова с поста петербургского военного губернатора и т. д.

Говорили, что Екатерина Ивановна была в те годы чуть ли не «владелицей двора». Ее почитали как первейшую персону, и придворные заискивали перед ней. Нелидовой было

уже около сорока лет, и расхваливать ее красоту казалось не вполне удобным (впрочем, как и в более молодом возрасте). Поэтому кавалеры восхищались ее танцевальными талантами — благо она смолоду любила танцевать и блистала изяществом и грацией. Павел I в угоду фаворитке, любившей зеленый цвет, распорядился одеть придворных певчих в зеленые одежды.

Еще раз отметим, что мемуаристы подчеркивают «платонический» характер отношений государя с фавориткой. По представлениям того времени она была вполне бескорыстна: не выпрашивала у государя ни денег, ни поместий. Поиному, вероятно, отношения «ангела-хранителя» и его подопечного строиться и не могли.

Справедливости ради скажем, что очевидцами описаны и сцены, типичные для повздоривших любовников. Так, Н. А. Саблуков, служивший в то время офицером в Конногвардейском полку, часто стоял с караулом во внутренних покоях дворца. Он пишет в мемуарах, что офицерская караульная комната находилась у кабинета государя, а рядом располагалось помещение для рядовых солдат караула. Здесь на посту стоял часовой, который вызывал караул, как только император входил в коридор, ведущий к кабинету. Однажды по вызову часового Саблуков выстроился со своими солдатами. И тут «дверь коридора открылась настежь и император... поспешно вошел в комнату, и в ту же минуту дамский башмачок, с очень высоким каблуком, полетел через голову его величества, чуть-чуть ее не задевши. Император через офицерскую комнату пошел в свой кабинет, а из коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак и вернулась туда же, откуда пришла. На другой день, когда я сменился с караула, его величество подошел ко мне и шепнул:

- Друг мой, вчера у нас случилась размолвка.
- Так точно, государь, — ответил я».

Швырять башмачком в Павла I в то время во всем государстве могла позволить себе только Екатерина Ивановна.

Но судьба переменчива. Будучи в 1797 году в Москве, Павел I на балу обратил пристальное внимание на двадцатилетнюю девицу Анну Петровну Лопухину. Современники сообщали, что это обстоятельство вызвало «некоторое волнение» у Нелидовой и императрицы Марии Федоровны. Тогда это мимолетное знакомство последствий не имело. Но обер-гардеробмейстер И. П. Кутайсов взял Лопухину на заметку. Именно Кутайсов, человек хитрый и честолюбивый, страдавший от того, что его, как ему казалось, обошли заслуженной наградой при воцарении Павла Петровича, затеял интригу, которая привела к падению Нелидовой и отстранению императрицы на второй план.

Естественно, и при павловском дворе соперничали различные придворные группировки. Кутайсов, враждовавший с группировкой Нелидовой и Марии Федоровны, получив, как ему казалось, козырь в руки, вскоре перешел в атаку. В намерении покончить с влиянием этих женщин на императора он нашел сильного союзника в лице не менее хитрого человека — канцлера графа А. А. Безбородко. Близок к ним был и Ф. В. Ростопчин.

Весной 1798 года Павел I снова выехал в Москву (ни Нелидова, ни жена его не сопровождали). Во время этой поездки Кутайсов умело внушал государю мысль о том, что он позволяет Нелидовой, императрице, князьям Куракиным руководить собой. Обер-гардеробмейстер прекрасно изучил все «струны» души своего господина и умело на них играл. Между тем Павел I опять встретился на балу с Анной Лопухиной. Она смотрела на государя во все глаза, и кто-то вовремя сказал Павлу, что девица из-за него «голову потеряла». Император «клюнул» на наживку, и вот уже Кутайсов конфиденциально договаривается с мачехой Лопухиной относительно условий переезда семьи из Москвы в Петербург и перевода отца, сенатора П. В. Лопухина, в северную столицу.

Когда позже Нелидова и императрица встретились с Павлом Петровичем в Тихвине, они, по отзыву современницы, «были поражены переменою его отношения к ним». Обе

женщины пытались остудить пыл императора, Мария Федоровна, узнав о причине «перемены» даже послала возмущенное письмо Лопухиной, но оно было перехвачено и передано Павлу. Император страшно разгневался. Между ним и женой произошел «крупный» разговор. Та поняла, что мужа уже не остановить, и просила, чтобы к ней он относился почтительно хотя бы на людях. 25 июля 1798 года скандальное объяснение супругов повторилось, но уже в присутствии цесаревича Александра Павловича. Последний защитил мать в прямом смысле «своим телом», и Павел I в конце концов просто запер жену в комнате. Тогда к рассерженному императору отправилась Нелидова и начала упрекать его за такое обхождение с императрицей. Разойдясь в своем гневе не на шутку, она позволила себе назвать государя «тираном» и «палачом» и, видимо, перегнула палку.

Император, уже готовый к разрыву отношений, прогнал Нелидову и тут же распорядился, чтобы она покинула его дворец. В прощальном письме бывшая фаворитка напомнила Павлу Петровичу, что свою жизнь посвятила исключительно любви к нему, а почестей и блеска не искала. Екатерина Ивановна прямо обвиняла Кутайсова в очернении и ее, и императрицы. В начале сентября того же года Нелидова уехала из Петербурга в Эстляндию. От своих должностей были также отставлены близкие ей люди: князь Алексей (бывший генерал-прокурор) и Александр (бывший вице-канцлер) Куракины, брат Аркадий Нелидов и другие. Только в 1800 году Нелидова вновь оказалась в Петербурге. Она поселилась в Смольном монастыре и более при дворе не появлялась.

Некоторые современники связывали последующую гибель Павла I с ее падением и умалением влияния на императора Марии Федоровны. Екатерина Ивановна, не простившая Павла Петровича, якобы «не спасла его». В какой-то степени это, может быть, и верно. И Нелидова, и императрица старались удержать Павла I от необдуманных и скоропалительных действий, убеждали его не налагать опалу, беречь талантливых помощников, инстинктивно чувствуя, что

озлобление придворных и гвардейских офицеров может вылиться в очередной дворцовый переворот. И что же? Избавившись от опеки любящих его женщин, Павел I постепенно окружил себя раболепствовавшими ничтожествами и пал жертвой трагических ошибок собственной политики.

Что же до новой фаворитки императора — Анны Петровны Лопухиной, то она принадлежала к тому же роду, что и первая жена Петра Великого — царица Евдокия. Лопухины, таким образом, уже во второй раз благодаря женщинам взбирались на вершину власти. Родилась Анна Петровна в 1777 году. Она не была писаной красавицей, однако ее большие черные глаза и черные, как смоль, волосы были хороши. Ценители женской красоты отмечали также «прекрасные зубы, приятный рот, маленький вздернутый... доброе и ласковое выражение лица» фаворитки. Если при первой встрече Павел I нашел, что Лопухина «забавна и наивна», то позже он влюбился в нее, как «двадцатилетний юноша», то есть сорокачетырехлетний император в проявлении своих чувств сравнялся в возрасте со своей любимицей. Павел Петрович беспрестанно говорил о своей страсти старшему сыну, цесаревичу Александру, признавался, что при упоминании одной только фамилии Анны Петровны испытывает учащенное сердцебиение. Так Александр Павлович невольно стал поверенным отца в его любовных переживаниях.

Смена фавориток произошла молниеносно. 5 сентября 1798 года Нелидова отбыла в Эстляндию, а 6 сентября Анна Петровна Лопухина стала камер-фрейлиной. При этом ее мачеха Екатерина Николаевна получила почетное назначение в статс-дамы, а отец Петр Васильевич был произведен в генерал-прокуроры. 3 октября Лопухины впервые присутствовали на придворном ужине.

Любимый цвет Лопухиной — малиновый — возлюбил и государь (прежде в фаворе был зеленый, нелидовский). Современники отмечали, что наша героиня не вмешивалась в политику, но нередко ходатайствовала перед влюбленным императором о различных «милостях» и прощении людей,

познавших его гнев во время частых проявлений «дурного настроения». Причем Лопухина прибегала к чисто женским приемам — плакала, капризничала, вынуждая Павла Петровича выполнять ее просьбы.

Смиренная императрица Мария Федоровна и ее дочери в угоду императору должны были обращаться с фавориткой со всей предупредительностью. Склонный к рыцарственной позе, Павел I возвел Анну Петровну в кавалеры Мальтийского ордена (вообще-то чисто мужского), ездил с ней дважды в день по городу и окрестностям в карете, украшенной изображением мальтийского креста. Он подарил ей большой дом на Дворцовой набережной.

Фаворитка обожала балы, ей даже был разрешен ее любимый вальс, до сих пор считавшийся танцем неприличным. Сочувственно относившийся ко всякого рода символам и символике вообще, Павел I увидел особое предначертание судьбы в том, что имя его любимой женщины — Анна. Это имя переводится с древнееврейского как «Благодать». Воодушевившийся предначертанием свыше, император приказал поместить слово «Благодать» на знамена полков, флаги кораблей и шапки гренадеров. После этого офицеры мрачно шутили, что они ходят под именем государевой фаворитки.

Однако Лопухина не любила императора, и он скоро в этом убедился. В 1799 году Павел I получил рапорт А. В. Суворова о победах в Италии. В рапорте также говорилось, что полководец посылает майора князя Гагарина в Петербург с захваченными у французов знаменами. При чтении рапорта присутствовала фаворитка, которая при упоминании имени Гагарина заметно смутилась. Это не ускользнуло от внимания Павла, и он добился, чтобы Анна Петровна рассказала ему правду. Она бросилась к ногам императора и сказала, что они знакомы с князем, ее ровесником, еще с Москвы и что он в нее влюблен, а она сама разделяет это чувство. Павел I, проявив великодушие, решил поженить влюбленных. По прибытии князя из армии в феврале 1800 года состоялась свадьба. Анна Петровна стала носить фамилию мужа — княгиня Гагарина.

Надо заметить, что некоторые мемуаристы настаивают на платонических отношениях Анны Петровны и Павла I, утверждая, однако, что после замужества фаворитки император не только не прекратил, но и усилил свои домогательства в ее отношении, а она якобы всячески сопротивлялась возможной близости с государем. При этом в 1801 году от связи императора с другими, менее щепетильными фрейлинами будто бы родились две девочки, вскоре умершие.

Во всех этих противоречивых сведениях разобраться невозможно, но ясно, что отношения Павла и Анны Петровны в том или ином виде продолжались. Она часто делала что-то наперекор императору, и из-за этого у них случались ссоры. Как-то княгиня Гагарина даже тайно уехала из Царского Села, где находился двор, в Петербург. Но все ссоры кончались примирениями. Когда 1 февраля 1801 года император с семьей переехал в только что построенный Михайловский дворец, он приказал Анне Петровне поселиться там же. Ей пришлось подчиниться и разлучиться с мужем. Ее разместили в комнатах под императорским кабинетом, соединенным с ними винтовой лестницей.

Отношения их закончились в ночь с 11 на 12 марта 1801 года — с убийством Павла I. С приходом к власти Александра I князь П. Г. Гагарин был направлен посланником в Сардинское королевство, и Анна Петровна уехала вместе с ним. Вернулись они в Россию в 1803 году. Гагарина не намного пережила Павла I — она скончалась в двадцативосьмилетнем возрасте от послеродовой горячки. Рожденный ею ребенок также вскоре умер.

А Екатерине Ивановне Нелидовой была отмерена долгая жизнь. Знаменательно, что сын Павла, император Николай I, всерьез увлекся племянницей Екатерины Ивановны — Варварой Аркадьевной Нелидовой. Причем государь проявлял заботу и о бывшей фаворитке отца, выезжавшей на лето в Царское Село. Скончалась Нелидова в 1839 году в возрасте восьмидесяти одного года.

Фрейлина-интеллектуалка

Фрейлина, графиня Роксандра Эдлинг, по рождению — южанка. Место ее рождения — Константинополь, столица Оттоманской Порты. На свет она появилась 12 октября 1786 года. Ее родители принадлежали к молдавской знати. Отец — князь Скарлат Стурдза, был молдавским господарем, мать — княгиня Султана Стурдза происходила из рода князей Мурузи (ее отец также был молдавским господарем). Сложись жизнь по-иному, семья господаря Стурдзы (в ней было пятеро детей) так и владела бы землями в пределах Османской империи. Резкий поворот в ее судьбе произошел после завершившего русско-турецкую войну мирного договора 29 декабря 1791 года, заключенного в Яссах. Хотя граница Российской империи и была передвинута до Днестра, занятые русскими войсками Молдавия и Бессарабия возвращались Турции, и в 1792 году семья Скарлата Стурдзы покинула родину.

Роксандра в качестве причины эмиграции в Россию указывает на «нелады, возникшие между матушкой и ее старшим братом». Но что это за «нелады», она не открывает. Яс-

но, что ее дядя, князь Дмитрий Мурузи, как-то влиял на решения ее отца, князя Скарлата Стурдзу. С одной стороны, возможно, что два этих видных молдавских аристократа придерживались разной политической ориентации. Стурдза — пророссийской: ведь мемуаристка замечает, что ее отца русские «дипломаты и генералы» «приглашали» переселиться в Россию. Князь Мурузи же остался на турецкой территории. Кроме того, Роксандра дает повод предположить, что дядюшка не прочь был прибрать к рукам «огромное состояние» Стурдза в Молдавии. Речь шла, разумеется, о земельных владениях семьи. Недаром она отмечает, что хозяйство их, «будучи оставленным на чужие руки, в скором времени расстроилось».

Как бы то ни было, в 1792 году пятилетняя княжна Роксандра Стурдза, вместе с родителями, двумя братьями и двумя сестрами, прибыла в Россию. Семья вначале поселилась в Петербурге. Все свое движимое имущество Стурдза захватили с собой, но этого оказалось недостаточно для ведения петербургской столичной жизни семейством столь высокого уровня. Отец, князь Скарлат, явно не принадлежал к числу оборотистых дельцов. Роксандра отмечает его природную «склонность к меланхолии». Потеряв при вынужденной эмиграции свое политическое положение и большую часть состояния, Скарлат Дмитриевич «стал предаваться горести». Вначале он «для спасения остатков своего богатства пускался в дальние и трудные поездки». Но прошел год, «спасти богатство» не вышло, и князю стало ясно, что необходимо менять столичную жизнь на провинциальную, более дешевую. По всей вероятности, семья Стурдза не смогла адаптироваться к жизни в России в той степени, в какой рассчитывала при переезде. Не случайно Роксандра бросает в начале своего повествования многозначительную фразу: ее родители «потом нередко сожалели» об отъезде из Молдавии. Но пути назад уже были отрезаны!

Разумеется, кое-какие деньги (и, в общем, немалые!) у семьи остались. На них было куплено имение в Белоруссии,

в тридцати верстах от Могилева, куда и переехало семейство господаря, на восемь лет обосновавшись в деревенской глуши. Петербургский свет оценивал поступок Стурдза как «добровольное заточение», но сами они так не считали. Любопытно, что, описывая деревенскую жизнь, Роксандра как бы удаляет из нее отца. Непонятно даже, жил ли он в то время с семьей (возможно, «дальние и трудные поездки» по имущественным делам продолжались). Сообщив, что отец купил «красивую усадьбу», Роксандра пишет, что «матушка поселилась в этом поместье с пятью детьми». И далее все ее внимание сосредоточивается на матери — Султане Стурдза, о которой Роксандра отзывается с большим уважением и говорит, что она обладала «живым и настойчивым умом».

В имении княгиня Султана «принялась за новую для себя деятельность». Она увлеченно занималась садоводством, и вскоре ее «сады с произрастениями разных климатов» стали известны «в окрестных селениях», жители которых специально приходили, чтобы посмотреть на диковинные растения. Княгиня, хотя и могла похвастаться обширными познаниями в разных областях, в деревне продолжала заниматься самообразованием. Она сама обучала детей, а позже, когда дети подросли, им выписали лучших учителей, среди которых были и обязательные в то время французы-эмигранты.

Роксандра замечает, что пребывание семьи в «глуши» никак не отражалось на образовании и развитии способностей младшего поколения Стурдза. К своим учителям мемуаристка, уже будучи взрослой, продолжала испытывать благодарность, вспоминая, как их присутствием в доме «оживлялись даже долгие зимние вечера» (впрочем, о «великой северной природе» у нее, южанки по происхождению, тоже нашлись добрые слова). При этом всем в доме руководила мать; именно ее усилиями жизнь в доме текла «правильно».

Правда, Роксандра не удержалась и от критических замечаний по поводу полученного ею воспитания. Ничего хорошего не захотела сказать она о «мрачной восторженно-

сти», приобретенной отпрысками семьи Стурдза, которая «странно» противоречила «мягкости и подвижности их южного происхождения». И даже позволила себе сделать прямой упрек матери. Султана Стурдза направляла интеллектуальную жизнь их «мирка» в сторону бесконечных «с утра до ночи» толков о Французской революции — очевидно, высокообразованная матушка находилась под влиянием просветительских идей. Она живо интересовалась французскими событиями, устраивала диспуты с участием учителей, а дети все это слушали и впитывали. Роксандра замечает, что «заманчивые» разговоры, чтение философских трудов и книг по древней истории привели детей к «восторженному и неверному понятию о том, что происходило на свете». В результате старший брат, «сторая славолюбием», возмечтал о военной карьере (очевидно, как Андрей Болконский в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, он рассчитывал на «свой Тулон»); причем мать поощряла мечты сына, что не нравилось Роксандре, которая словно предчувствовала, что все это может привести к трагическому концу. Самое же большое несчастье она видела в том, что младшие Стурдза начали терять христианскую веру, в которой под напором идеологии Просвещения они стали «сомневаться вопреки самим себе». Это было следствием влияния именно матери, поскольку мемуаристка подчеркивает, что «искренне благочестивый отец наш с ранних лет внушал нам уважение к религии». Правда, с возрастом, «когда рассудок начал разгонять туманы, которыми были окутаны головы» Роксандры и других детей, они все, за исключением старшего брата, вернулись к вере.

Но вот добровольное восьмилетнее «заточение» семьи Стурдза закончилось, и в 1801 году она, «покинув мирную усадьбу», переехала в Петербург. Роксандра оценивает царствование Павла I как «мрачное и гибельное для России». В этом она имела, да и имеет сейчас, много сторонников. В то же время, когда император был убит, «люди честные», к которым она причисляет и себя, «оплакивали совершившееся преступление», хотя их сердца, да и сердце Роксан-

дры, «отверзлись для радости и надежды». Понимание противоречивости начала царствования Александра I (к добру через зло) характерно для мемуаристки, которой в то время шел пятнадцатый год. Стурдза приехали в столицу уже при новом императоре, и характерная для части общества восторженность передалась и нашей героине, которая замечает, что «Александр I вступил на престол для счастья России и человечества».

Родители, по словам Роксандры, решили вернуться в Петербурге к светской жизни. Кроме того, и детей надо было ввести в свет, завершить их образование, а старшего брата определить на военную службу. Но беда в том, что Стурдза не сохранили нужных «связей» и им «пришлось заводить новые знакомства», от которых молоденькая Роксандра была далеко не в восторге. «Многочисленный» круг новых знакомых, по ее словам, «не отличался ничем замечательным». Стурдза, как она утверждает, было в петербургском свете «скучно». Трудно сказать, было такое восприятие столичного общества свойственно всей семье, или Роксандра приписала собственные впечатления всем остальным. Свет же упрекал Стурдза за «одичалость». Что ж, ситуация вполне понятна! Хорошо образованные молодые Стурдза, привыкшие к научным диспутам в деревне, конечно, не могли, по крайней мере сразу, стать своими в свете, который был занят в основном интригами и сплетнями. С другой стороны, у них не было светского лоска, они не имели привычки проводить время впустую, девушки не умели кокетничать. Роксандра считает все это свидетельством «изящества вкуса» семейства Стурдза. Впрочем, спустя два года жизнь в Петербурге наладилась, и Роксандра, по ее словам, «научилась познавать ничтожество жизни».

Но вот Стурдза решили поехать на лето в имение. Время шло «быстро и очень приятно», но тут неожиданно заболела и вскоре умерла старшая сестра Роксандры, самый близкий ей человек, «спутница жизни». Вокруг нашей героини «образовалась пустота». Она ощутила одиночество. Старший брат все внимание свое уделял военной службе, а младшие брат

и сестра были еще очень молоды. Мемуаристка приоткрывает существенные черты своего характера, когда подмечает, что тогда она «находила себе отраду в грустных мечтаниях». Причем «к грусти примешивалась некоторая сладость, так как я страдала с самоотречением». Конечно, чувствительность и грусть были тогда в моде под влиянием романов, написанных в эстетике сентиментализма. Но у Роксандры подобные черты были наследственными — вспомним об ее отце, склонном к меланхолии. Впрочем, она, несмотря на все «самоотречение», все же хранила надежду на лучшее. И поскольку у нее не было обычной в таких случаях подружьи-корреспондентки, поверяла свои «грустные мечтания» бумаге, не надеясь на благодарного читателя.

Несчастной оказалась судьба старшего брата Роксандры — Константина. Брат был личностью неординарной: хорошо воспитанный и образованный, благородный, он в то же время обладал пылким, «славолюбивым», впечатлительным и раздражительным характером. В 1805 году, находясь в Берлине, он застрелился. Что произошло, мы не знаем. Мемуаристка лишь замечает, что князь Константин Стурдза впал в меланхолию и в посмертной записке написал, что этот поступок спасет его честь. Роксандра осталась теперь «единственной опорой» для стареющих родителей. Отцу, князю Скарлату, сообщили о том, что случилось с сыном, но мать осталась в неведении относительно подробностей гибели Константина.

Две смерти близких людей выбили Роксандру из колеи. С тех пор ее жизнь «потекла в ежеминутных заботах и страданиях». По ее собственным словам, ею овладело «тяжкое уныние», она «таяла» на глазах. Но причиной этого была не только потеря близких. Жизнь, казалось, скользила мимо Роксандры, она жаждала деятельности, однако оставалась в стороне от каких бы то ни было событий. Ее родители все правильно поняли и выхлопотали ей место фрейлины при дворе. Так девятнадцатилетняя девушка вернулась в свет, но неожиданно, несмотря на знатное происхождение, столкнулась с се-

рьезными проблемами. «Иноземка по происхождению», она быстро поняла, что, «не имея ни покровительства, ни богатства, ни замечательной наружности», будет играть в обществе «скромную роль». Честолюбивую девушку это «удручало». По своей должности фрейлины Роксандра появлялась при дворе раз-два в неделю. Служба необременительная, но и незаметная. Ее и в самом деле, казалось, никто не замечал...

На глазах Роксандра взрослеет. Она начинает понимать, что семья Стурдза «оставалась чужой в России» и от нее лично, как самой старшей из нового поколения, зависит будущее брата и сестры. Она ставит задачу «нажить себе благоприятелей» и сделать карьеру, чтобы затем уже покровительствовать младшим. Но как это сделать?! К счастью, ум и характер у нее имелись. Роксандра умела хорошо «осваиваться» в незнакомом обществе. Поведение и манеры ее подкупали: она была «благожелательна, откровенна и проста в обращении», никогда «не совалась вперед, но нередко привлекала к себе внимание удачным словом, движением, взглядом». Благодаря этим качествам Роксандра быстро овладела «искусством» «снискания уважения и дружбы нужных ей людей».

Не по годам проницательная, она «начала» с приобретения расположения «старухи графини Ливен». Оценивали графиню в свете по-разному, но то, что она в течение сорока лет была «гувернанткой императорского семейства» и одной из самых влиятельных придворных дам, говорило в пользу сближения с ней. Мемуаристка сообщает, что Ливен ей «нравилась и у нее можно было говорить обо всем». Девушка смогла создать о себе весьма благоприятное мнение, и старая графиня «отлично отзывалась о ней в обществе императрицы-матери» (Марии Федоровны). После этого Роксандру в толпе придворных девушек стали «отличать» великие княжны. Впрочем, она по-прежнему была одинока: не имела подруг, а среди знакомых отсутствовал мужчина, с которым было прилично появляться на придворных праздниках — по этикету такое сопровождение считалось обяза-

тельным. Отец ей сопутствовать не мог (Роксандра не сообщает, по какой причине, но, вероятно, дело было в болезни), и, значит, следовало каждый раз искать такую персону, которая не компрометировала бы молодую девицу.

Роксандра не посвящает нас в свои душевные тайны того времени. Она уже достигла брачного возраста, но о возможной партии — ни слова! Что же до мужчин, с которыми она тогда общалась, то первым Роксандра называет адмирала Павла Васильевича Чичагова, состоявшего в должности морского министра. Она знала адмирала с детства, поскольку он был соседом Стурдза по имению. Чичагов не скрывал (и это важный штрих к характеристике нравов высшего общества в начале александровского правления!), что является «горячим поклонником Французской республики и Наполеона». При этом флотоводец «не щадил» англичан, хотя сам был женат на англичанке. Русских, впрочем, адмирал тоже не жаловал — по словам мемуаристки, он «не скрывал величайшего презрения к своей стране и своим соотечественникам». Но для Роксандры все это имело мало значения, хотя она вряд ли одобряла революционную «франкофилию» Павла Васильевича (позже, как замечает Роксандра, побывав в Париже, он разочаровался и во Французской революции, и в Наполеоне). Она изображает адмирала человеком «замечательного ума», но при этом странным, непоследовательным, пылким, весьма неудобным в общении. Ценен он был девятнадцатилетней фрейлине прежде всего тем, что по должности министра принимал «общество» и у него в доме можно было познакомиться с «нужными» людьми.

Особо теплого отношения Роксандры удостоились роялисты, графы Жозеф и Ксавье де Местр. Вообще она по своим взглядам тяготела к православному консерватизму (с «сомнением» времен ее деревенского детства было покончено), поэтому «дружба» с консервативным идеологом и литератором Жозефом де Местром была ей «приятна». Годившийся Роксандре по возрасту в отцы знаменитый философ неожиданно нашел в молоденькой девушке единомышленника. Правда,

он был ревностный католик и мечтал об объединении церквей под эгидой папского престола, а для верной православию Роксандры это было неприемлемо. С сожалением она пишет, как пронырливые иезуиты, пользуясь попустительством властей, смогли заручиться высокими покровителями в петербургском свете и совращают в католичество «самых знатных дам». Причины успеха католической пропаганды она видела, с одной стороны, в галломании высшего света, а с другой — в пассивности и «бедности» русского духовенства. Но стоит заметить, что «совращение в католицизм» было характерно, скорее, для столицы, но никак не было замечено в огромной русской провинции.

У Чичагова Роксандра «ближе познакомилась» с французским послом, герцогом Арманом де Коленкур. В отличие от де Местров, иммигрантов и сторонников поверженных Бурбонов, Коленкур представлял Наполеона. Странная на первый взгляд складывалась картина. Непримиримые враги посещали одни и те же гостиные в Петербурге и «дружески» беседовали. Коленкур импонировал девушке: он принадлежал к французской аристократии, был благороден и великодушен. Однако, по ее мнению, он вряд ли смог выполнить поручение Наполеона по изучению «свойств русских людей», самой России и ее государя, поскольку судил обо всем на основании салонных впечатлений, то есть поверхностно. «Не доискивающийся до истины» наполеоновский посланник в первую очередь был «занят любовными похождениями, своей конюшней и своим богатством».

Эти знакомства укрепили положение Роксандры в свете. Ее начинают считать своей, она теперь больше знает об окружающих, больше понимает и постоянно записывает свои наблюдения. В своих мемуарах она много внимания уделяет императорской чете: Александру I и Елизавете Алексеевне. В начале своей придворной карьеры двадцатилетняя Роксандра «питала восторженную патриотическую приверженность» к государю и сожалела, что он «не выражал ей своего внимания». Она обращается к детским и юношеским

годам Александра I, пользуясь, разумеется, не личными впечатлениями, а рассказами знакомых ей лиц. Роксандра пишет, что молодой царевич, любимец бабки Екатерины II, имел с детства задатки «высоких доблестей и отличнейших дарований». Но как «возвышенная душа» он рано стал ощущать одиночество посреди екатерининского «испорченного двора». Александру приходилось скрывать, угождать таким разным — и бабке, и отцу Павлу I, которого Роксандра считала негодным правителем и царствование которого «извиняла» лишь его «умственным расстройством». Существовая в такой атмосфере, натура «благожелательная, чистая и великодушная», Александр под воздействием окружавшего его «притворства и пронырства» стал «втихомолку питаться философскими химерами», под которыми Роксандра явно понимает просветительские идеи, которые внушал будущему царю его учитель швейцарец Лагарп. Правда, она признает пользу Лагарповой проповеди «отвращения ко злу» и «уважения к человеческому достоинству». Но либеральные взгляды швейцарца Роксандра одобрить не могла.

Неизвестно, с чьих слов наша героиня описывает начало супружества Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны. Но ясно, что рассказы Елизаветы Алексеевны прямо отразились в мемуарах. Четырнадцатилетняя принцесса Баденская, обладавшая наружностью Психеи (Александра и Елизавету поначалу окружавшие так и называли: «Амур и Психея»), восторженная, любившая «историческую славу своей родины», буквально «трепетала от мысли, что ей придется подчинить свою будущность произволу молодого варвара». Елизавета Алексеевна якобы даже «силилась выскочить из кареты», увозившей ее в неизвестность, «в отчаянии простирала руки к прекрасным горам своей родины и раздирающим голосом прощалась с ними».

Все это выглядит слишком театрально. Современный читатель это чувствует. Но в то время воспитанные на сентиментальных романах и рассказчица Елизавета Алексеевна, и передавшая ее рассказ Роксандра ничего «ходульного»

в подобных выражениях не находили. Впрочем, как заметила мемуаристка, принцесса Баденская «не была равнодушна к соблазнам величия, ... возвышенная душа ее была создана для престола». И вот в 1793 году состоялось бракосочетание четырнадцатилетней Елизаветы и шестнадцатилетнего Александра. С сочувствием Роксандра описывает первые годы их супружеской жизни. Сердце Александра «было заполнено» юной Елизаветой, «он сторал потребностью любви». Но «романически воспитанная» великая княгиня не могла удовлетворить всех «потребностей» своего супруга, который «заводил шалости» на стороне.

Мемуаристка не говорит прямо, но мы знаем, что великий князь Александр Павлович в молодости искал и находил любовные приключения и при дворе, и вне его в компании с молодыми аристократами. Все это «омрачало благополучие» Елизаветы Алексеевны. Вместе с тем наша героиня не преминула отметить благородные порывы Александра. Так, его огорчил и даже вызвал «отвращение и негодование» раздел Польского государства. «Негодование» вызвало якобы и намерение бабки, Екатерины II, передать ему престол в обход отца. Будто бы Александр даже намеревался бежать с женой в Америку. Вступление же на престол отца повлекло для Александра Павловича «многие горестные испытания». Павел I «управлял своей семьей столь же насильственно, как и своей империей». Он не только намеревался заточить в крепость свою жену, но «едва не погубил великую княгиню Елизавету», которую, по словам мемуаристки, спасло исключительно «благородное сопротивление» Александра.

Говоря о приходе Александра Павловича к власти, Роксандра не обходит вниманием личную трагедию, которая преследовала его до конца жизни: ведь он оказался «в среде губителей своего отца». В первые месяцы на троне ощущение причастности к смерти Павла I у Александра было крайне обострено. Мемуаристка передает слова самого Александра I, сказанные ей позже, что, когда ему становилось совсем не-

выносимо, он заперся в отдаленной комнате дворца и там, «предаваясь скорби, испускал глухие стоны, сопровождаемые потоками слез». В эти тяжелые дни Александр Павлович пытался сблизиться с женой, «высказаться и поделиться горем». Однако Елизавета Алексеевна «не поняла его». Вероятно, молодая императрица не смогла отрешиться от обид, причиненных мужем в период его бурных любовных увлечений. Женской чуткости Елизавете не доставало. И вот тут-то государь нашел утешение у другой: его «оскорбленное сердце отдалось Нарышкиной», и Мария Антоновна Нарышкина на долгие годы стала фавориткой Александра I.

При всем сочувствии государю Роксандра совсем не жаловала его окружение первых лет царствования. Близкие ему «молодые люди», по ее мнению, были лишены «дарований и опытности». Особенно отрицательно она относится к князю А. А. Чарторыйскому и Н. Н. Новосильцеву: упрекает их в «напускной» значительности и отказывает им в государственном уме, сетуя при этом на превозносившее их в те годы общественное мнение. Эта оценка не случайна. Консервативные взгляды Роксандры, естественно, повлияли на ее отношение к деятелям «либерального» периода царствования Александра I. Однако ее отношение к самому государю оставалось неизменным всегда, что подтверждается «искренним негодованием», обращенным против тех, кто критиковал Александра за Тильзитский мир 1807 года с Наполеоном.

А что же личная жизнь нашей героини, которой перевалило за двадцать? Адмирал Чичагов с женой уехали в Париж, и Роксандра уже не могла пользоваться их домом как «площадкой» для общения и «нужных» знакомств. Но в это время ее родители стали дважды в неделю «давать обеды», и молодая фрейлина получила возможность принимать гостей. Роксандра отмечает, что бывавшие в их доме лица отличались и любезностью, и нравственными достоинствами. Двух из них, южан, она выделила особо. Родственник Стурдза, сын валашского господаря князь Александр Ипсиланти, одноле-

ток ее младшего брата, был «осыпан милостями государя». Роксандра относилась к нему как старшая сестра, «журила» его за легкомысленные шалости и «леность», уживавшиеся с «живым умом и превосходным сердцем». Молодые люди увлекались модной тогда идеей освобождения Греции от османского ига. Их «восторженные чувства» в этом вопросе разделял граф Иван Антонович Каподистрия, грек на русской дипломатической службе, — позже он даже руководил Министерством иностранных дел. Роксандра явно увлеклась Каподистрием. Она пишет, что знакомство с таким человеком «составляет эпоху в жизни». Иван Антонович получил великолепное образование, имел «прекрасную наружность, отмеченную печатью гения», ясный и тонкий ум, отличался добротой, кротостью и «благоволением». В семье Стурдза Каподистрию окружали «лаской и расположением» — ведь он, как и они, оказался на чужбине, вдали от семьи и родных. Как знать, может быть, Роксандра увлеклась графом как мужчиной? Но никакого намека на роман в своих мемуарах она себе не позволяет.

В 1808 году ее брат, семнадцатилетний Александр, поступил на службу в российский МИД, ему покровительствовал сам канцлер граф Н. П. Румянцев. Но вот длительная болезнь младшей сестры (видимо, нагнавшая страху на семью из-за воспоминаний о ранней кончине старшей дочери) и отъезд в русское посольство в Вену графа Каподистрии не лучшим образом повлияли на самочувствие Роксандры. Она замечает, что без Ивана Антоновича в их доме «стало пусто» и сама она ощутила одиночество. Это чувство заставило нашу героиню искать новое поприще для деятельности. И тут она сблизается с графиней Варварой Николаевной Головиной. У той было подруга, в свое время бывшая придворной дамой казенной французской королевы Марии-Антуанетты, — принцесса Л. Э. Тарант. Надо сказать, что обе эти женщины были намного старше Роксандры: Головина на двадцать, а Тарант — на сорок с лишним лет. То есть первая годилась ей в матери, а вторая — в бабушки.

С одной стороны, мы видим, что Роксандра явно тянется к тем, кто старше ее. Она как будто не слишком привечает ровесников. С другой стороны, двадцатидвухлетняя фрейлина, уже знакомая с петербургским светом, не могла не знать о неоднозначной оценке в обществе поведения графини Варвары Головиной. Она прямо пишет о «привязанности» Головиной к императрице Елизавете, даже об «обожании и любви», и что их отношения расстроили «придворные происки». Головиной и императрице Елизавете Алексеевне даже приписывали скандальную связь, и Александр I имел по этому поводу «крупный» разговор с женой. Возможно, конечно, что все это досужие сплетни, но кружок Головиной—Тарант ординарным явно не назовешь. Роксандра пишет, что Головина привлекла ее внимание «любезностью, изяществом и дарованиями». Тарант же была «странной женщиной», в наружности и приемах которой «было что-то отталкивающее», а «сильный характер соединялся с самым узким умом».

Поведение и «слава» этих дам отнюдь не коробили молодую княжну Стурдза. Что было больше в мотивации ее поведения в их обществе: искреннего интереса или расчета? Как нам представляется, имело место и то, и другое. Роксандра утверждает, что «приноровилась» к склонной к «предрассудкам» принцессе, поскольку «питала уважение к ее несчастьям и верности королевскому семейству». «Восторженная» Головина казалась ей и трогательной, и смешной, и забавной. При этом единственным практическим результатом общения с ними мемуаристка представила возникший у нее глубокий интерес к императрице Елизавете Алексеевне. Протекции знакомых помогли молодой фрейлине «поместиться» при жене Александра I. Роксандра замечает, что графиня Ливен легко могла бы определить ее на место при императрице-матери Марии Федоровне. Но Роксандра, оказавшись перед выбором, который она называет «трудным», захотела быть фрейлиной Елизаветы Алексеевны. Она объясняет это чисто моральными причинами, стремлением помочь «несчаст-

ной», покинутой мужем (ради Нарышкиной). В своих романтических мечтах девушка желала стать Елизавете Алексеевне «другом» и «готова была посвятить себя ей».

Время, проведенное ею при государыне в качестве фрейлины (1811—1816 годы), — самое важное в ее жизни, а наблюдения, сделанные и занесенные в дневник, — самое ценное, что в нем есть.

При всей мечтательности Роксандры мы не можем не обратить внимания на ее практицизм. Чуть раньше сообщения о своем романтическом порыве она пишет, что ее родители уехали в деревню, а младший брат остался на службе в Петербурге. Молодой и неопытный, он нуждается в поддержке старшей сестры, которой, в свою очередь, дабы эта поддержка была действенной, следует занять при дворе более прочное положение, что и определило необходимость стать приближенной одной из императриц. Трудным же выбор «патронессы» был потому, что придворные обеих императриц соперничали между собой, равно как и соперничали свекровь и невестка, в том числе и во влиянии на Александра I. Ливен, давняя знакомая Роксандры, была подругой императрицы-матери и «выразила свое огорчение», когда узнала, что Роксандра хочет стать фрейлиной императрицы-невестки. С ее подачи Мария Федоровна желала видеть княжну Стурдза в своем окружении. В то же время Елизавета Алексеевна благодаря рекомендациям Головиной тоже пожелала приблизить к себе нашу героиню и, по словам Роксандры, «была очень довольна» тем, что смогла опередить свекровь. Возможно, борьба за Роксандру двух императриц несколько преувеличена, но ясно, что даже намек на нее «льстил» самолюбию фрейлины.

Вот как передает наша героиня свои первые впечатления о Елизавете Алексеевне, которую имела возможность наблюдать в течение целого дня. Утром обязательны были длительные пешие прогулки, а по вечерам в покоях собирались приглашенные. Елизавета Алексеевна предстала перед княжной натурой противоречивой: «воображение — пылкое

и страстное, а сердце — холодное и неспособное к настоящей привязанности». Из-за этого, по мнению Роксандры, императрица не могла «возвратить» себе супруга-императора. Роксандра же «в молодых мечтах» надеялась на примирение августейшей четы, хотя реальный взгляд на вещи побуждал ее признавать невозможность такого примирения. Александр I вообще «любил общество женщин», «любезничал» со всеми представительницами прекрасного пола. Его избранница Мария Антоновна Нарышкина затмевала всех своей «идеальной красотой», достойной кисти Рафаэля. Подчеркнуто просто одетая, она «украшалась лишь собственными прелестями».

Роксандра утверждает, что за эту связь государя в обществе «осуждали», а его супругу — «жалели». Мемуаристка считает, что «народ» желал видеть в Александре I и Елизавете Алексеевне «счастливую семейную пару, окруженную детьми». Мы понимаем, что «народ» в представлении княжны Стурдза — это все то же петербургское общество. Но вся трагедия этой семьи в том, что рождавшиеся дети скоро умирали. То же можно сказать о детях Александра I от Нарышкиной. Можно предположить, что «виной» тому был сам император. С годами он стал воспринимать это как Божью кару за свою вовлеченность в заговор против отца. Елизавета Алексеевна могла бы попробовать «вернуть» мужа, проявив чуткость, отзывчивость. Но государыня была горда, неприступна, не желала сделать первый шаг в нужном направлении, к тому же на нее оказывали «дурное влияние» придворные кумушки из ее окружения.

Наступил 1812 год, началась война с Наполеоном. В Турции по обвинению в связях с Россией были казнены дяди Роксандры, князя Дмитрий и Пайонт Мурузи. Брат Александр был причислен к свите адмирала Чичагова, отправившегося командовать Молдавской армией. Вместе с Чичаговым в армию отбыл и князь Скарлат Стурдза. Роксандра осталась в Петербурге одна (мать и младшая сестра находились в имении). Она жила на так называемой «летней даче»,

во дворце на Каменном острове, где находилась резиденция императрицы Елизаветы Алексеевны. Роксандру поражали простота дворца и его живописные окрестности. Для нее было странно, что «дача» не охранялась и «злоумышленники» при желании легко могли проникнуть в помещение.

«Общительная и словоохотливая» государыня делилась со своей фрейлиной тревогой по поводу отступления русских войск. «Недостаток равновесия в характере императрицы» порой передавался и ее собеседнице. Роксандра очень боялась за мать и сестру, поскольку боевые действия приближались к их имению. В конце июля в Петербург вернулся из армии Александр I. Именно в эту пору состоялся первый разговор Роксандры с государем, пожелавшим познакомиться с новыми лицами, живущими на каменноостровской даче. Как всегда, Александр Павлович был любезен. Молодой фрейлине запомнились его слова о недостатке у него «опытности и нужных дарований» для руководства военными действиями. Зато император не сомневался в наличии у себя «твердой воли», желания «не падать духом», что, вкупе с народным «усердием к великодушным жертвам», должно победить наполеоновское нашествие. Этот первый разговор Роксандры с императором возвел ее в число «самых чистых» приверженцев Александра I на все последующие годы.

Однако были люди в императорской семье, поведение которых Роксандра не одобряла. Вот великий князь Константин Павлович, испытывавший «ужас» от приближения наполеоновской армии, твердил, что надо немедленно заключать мир с французами. Вообще мемуаристка весьма жестко отзывается о государевом брате, не только увлекавшемся в молодости «оргиями» и связанном с «людьми без правил», но и страдавшем «полным отсутствием отваги», испытывавшем «отвращение» к своей стране. В суровые дни Константин, «одинаково боявшийся и неприятеля, и своего народа», неожиданно заговорил о вероятности восстания, в ходе которого престол может перейти от Алек-

сандра I к его жене, императрице Елизавете. И только вмешательство Александра I урезонило его брата. Питавший к невестке «постоянное отвращение», великий князь, по словам Роксандры, после этого стал к ней очень внимателен. Не столь резко, но все же критично Роксандра оценивала поведение в эти дни и государевой любимой сестры — великой княгини Екатерины Павловны (герцогини Ольденбургской), проживавшей в Твери. Отдавая дань ее уму и талантам, она подчеркивает, что Александр I поступил правильно, когда не поддался ее уговорам покинуть столицу и укрыться в провинции.

Напряжение было велико. Смена главнокомандующего (М. Б. Барклай-де-Толли на М. И. Кутузова) не привела к прекращению отступления. Когда же в Петербурге узнали о сдаче Москвы, то, по словам мемуаристки, «дворянство винило Александра в государственном бедствии» и «сильный ропот» заставлял «ждать волнений». 15 сентября, в день коронации, который обычно торжественно отмечался в стране, кареты государя и сопровождавших его лиц были встречены «несметной и мрачно-молчаливой толпой». В эти трудные для Александра I дни даже жена потеплела к нему и старалась его утешить. «Нежность и предупредительность» супруги тронули государя и как-то поддержали его душевные силы.

Роксандра по поручению Елизаветы Алексеевны включилась в агитационную работу по опровержению в обществе «нелепых слухов» о дворе и императорской семье. Вести ее было тем легче, что поведение Александра I было безукоризненным. Внешне он излучал спокойствие и твердую уверенность в победе над врагом. Но Роксандра, наблюдавшая государя вблизи, подметила сдвиг в его духовном мире именно летом 1812 года. По ее словам, воспитанный на идеологии Просвещения, император до этого момента «оставался деистом», но под влиянием «гибели Москвы» обратился к «истинному православию». В известном смысле этому способствовал друг юности Александра Павловича — князь

А. Н. Голицын, с которым они в свое время предавались всевозможным забавам. Князь «остепенился и стал читать Библию» — вот и Александр I как-то попросил супругу дать ему Библию, чему та несказанно удивилась. Собственноручные пометки на полях книги и позже слышанные мемуаристкой личные признания императора свидетельствовали, что чтение Священного Писания «укрепило» дух и «сделало христианином» русского царя.

Известие об освобождении Москвы и отступлении Наполеона захватило «сердце и голову» Роксандры. Она «трепетала», волнение ее «облегчалось потоками слез». Глубокое потрясение двадцатилетней фрейлины выплеснулось в «чувство благородной любви к отечеству». Она рассказывает о разговоре с Александром I перед его отъездом в действующую армию. Государь, по словам Роксандры, сам пожелал побеседовать с ней, оценив ее достойное поведение в тяжелые летние дни 1812 года. После рассуждений о противоречивом характере Наполеона, с которым русский император познакомился в 1807 году в Тильзите, Александр Павлович высказал твердое намерение закончить войну в Париже.

В 1813 году Роксандра хотя и жила «уединенно», но по своим обязанностям продолжала состоять при императрице Елизавете Алексеевне. Продолжались их долгие прогулки, но уже по царскосельским окрестностям. Кроме того, государыня занялась благотворительностью, в частности вспомоществованием размещенным в окрестностях столицы военнопленным наполеоновской армии. Роксандра предпочитала уединиться от взаимных «пикировок» дворов Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны (последняя проживала в Павловске). Она признается, что свет ей внушал чувство «горечи». Ее «сердце... мало-помалу вяло», ей приходилось расставаться с дорогими ей мечтами. Кроме того, семейство «было совсем разорено войною». К довершению напастей отец, получивший было должность бессарабского губернатора, тяжело заболел. Тут опять проявился практицизм Рок-

сандры. Пользуясь близостью ко двору, она сумела выхлопотать у Александра I «пенсион» для отца и место в русском посольстве в Вене для брата.

Жизнь ее текла скучно. Единственным «увлечением» в это время стала дружба с Софьей Петровной Свечиной, которая в ранней юности была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, а позже прославилась литературными трудами и тем, что, позже приняв католичество, исключительно ревностно исповедовала новую веру, и, когда она умерла, ходили слухи о ее канонизации католической церковью. Почти ровесницы, они ощутили «согласие вкусов и наклонностей, взаимное сочувствие, сладостное созвучие душ». В заботах, выпавших тогда на долю Роксандры, эта дружба ее «утешала». А забот хватало: осенью того же года в Петербург приехали отец и мать. Родители дряхлели, отец с трудом ходил. Все хлопоты по уходу за престарелыми родителями легли на плечи Роксандры.

Ее положение при дворе становилось «нерадостным». Вокруг были интриги, придворные недолюбливали ее за близость к императрице и делали все, чтобы настроить Елизавету Алексеевну против нее. Роксандра утверждает, что из-за этого «пошатнулось» ее здоровье и она даже стала подумывать об отпуске. В основе «нездоровья», вероятно, лежала обида — государыня собиралась в поездку по Европе, и был пущен слух, что Роксандр окажется вне ее свиты. Но ситуация разрешилась в благоприятную для нее сторону, и 19 декабря 1813 года Роксандра отправилась вместе с императрицей в заграничное турне. Судя по всему, ей пришлось мобилизовать весь свой ум и характер, чтобы не пасть жертвой придворной интриги.

Дальняя дорога навела на Роксандру разнообразные мысли — ведь она впервые покидала «холодную» Россию, где испытала «удовольствия и скорби». Как натуру романтическую ее воодушевлял «народный восторг», с которым встречали путешественников из России в Германии. Но при этом на моральном состоянии императрицы Елизаветы Алексеев-

ны, по ее словам, отражалось то, что она была «супругой покинутой, бездетной и безнадежной».

В Берлине Роксандра смогла впервые посетить могилу старшего брата. Описание скорби и «печального места» кажется чужеродным вкраплением в нарисованной ею картине впечатлений от виденных городов и придворных церемоний, в которых она участвовала. Между делом Роксандра упоминает о своей первой встрече с будущим супругом — министром иностранных дел Веймарского герцогства, графом Альбертом-Каэтаном Эдлингом. Он показался нашей героине «добрым и любезным» — и только! Ни он, ни она «никак не воображали» в 1814 году, что судьба свяжет их узами брака.

Княжна Роксандра Стурдза, как мы все более убеждаемся, представляла собой довольно необычное явление среди фрейлин русского двора. Ей чужды были интриги, она не разменивалась на внешнюю сторону придворной жизни, объявляла ее «пошлой и скучной». Собственно, уже в начале мемуаров она дала понять, что служба при дворе стала для нее способом занять приличествующее ее роду положение в обществе, а также помогать семье. Эта расчетливость вполне уживалась в Роксандре с отсутствием стремления к чисто женскому успеху в обществе — мужчины ее, судя по всему, мало интересовали. При этом она была глубоко религиозна. Не случайно во время европейского путешествия Роксандра с радостью общалась с лицами, «горячо и добросовестно посвятившими себя созерцанию предметов божественных».

В Бадене Роксандра «сблизилась» с мистической писательницей баронессой Варварой Крюденер, имевшей большое влияние на императора Александра I, и писателем и философом Иоганном Генрихом Юнг-Штиллингом, которые, как пишет она, «полюбили» ее. Роксандре это было «особенно дорого», поскольку в их обществе она могла «спасаться от пошлости и скуки двора». Причины подобной «любви» Крюденер (годившейся ей в матери) и Юнг-Штиллинга (подходившего ей в деде) в их общей склонности к сверхъестественному. Причем Крюденер (которая, с подачи многих

мемуаристов, вошла в историю с клеймом ханжи) в представлении Роксандры была наставницей нищих, убогих, детей и «некоторых светских людей» в «исканиях Бога». Добавим, что Александр I сблизился с баронессой именно на этой почве. Правда, Роксандра признает, что Крюденер не избегла «заблуждений», но всегда отличалась добротой и участием к страданиям ближних. Юнг-Шиллинг — душа «горячая и чистая», жил, как она считает, по-христиански, но, будучи протестантом, проявлял склонность к «фантастическим теориям». Роксандра особо отметила вечера в его доме, которые были гимном духовности; ее сердце, когда она оказывалась там, «расширялось». Умевшая похлопотать за нуждающихся, фрейлина упростила императрицу выделить Юнг-Шиллингу пенсию, а через князя А. Н. Голицына император Александр I оплатил долги писателя.

На почве общего увлечения творчеством баронессы Крюденер и Юнг-Шиллинга общение Александра I и фрейлины приобрело оттенок интимности. Александр Павлович, беседуя, порой «с нежностью» брал ее за руку... Мемуаристка замечает, что память о «благородных и чистых» отношениях с государем для нее «сладка».

Что же до придворной службы, то она все больше тяготила Роксандру. Она скучает во время официальных церемоний и обедов и с нескрываемым презрением отзывается о царедворцах. Дошло до того, что однажды, во время разговора с Александром I, она откровенно заявила, что «в глубине души республиканка, терпеть не может придворной жизни и не придает никакой цены чинам и происхождению». Государь оценил откровенность собеседницы и даже позволил себе заметить, что за это признание полюбил ее «еще больше», а также сознался в аналогичных мыслях. В самом начале царствования Александра I такие высказывания не вызвали бы удивления, но теперь выглядели по меньшей мере странно. Накануне Венского конгресса 1814 года и в перспективе — Священного союза (акт подписан в 1815 году), суть которого была во всемерной поддержке легитимных монархий, сочув-

ствие Александра I республиканизму вряд ли могло быть искренним — вероятнее всего, он просто подыгрывал молодой восторженной фрейлине.

Говоря с императором, Роксандра не преминула представить государю в выгодном свете графа И. Каподистрию, которого он уже начал приближать к себе. В мемуарах она замечает, что регулярная ее переписка со старым знакомым дала повод обществу обсуждать их возможный брак, и отвергает эти домыслы, добавляя, что в основе их переписки лежало желание способствовать освобождению Греции от турецкого господства. Эта проблема в какой-то момент всецело захватила Роксандру. Не случайно ее следующий разговор с императором касался судьбы другого греческого патриота — князя А. Ипсиланти, как мы знаем, родственника княжны Стурдза.

В Вене Роксандра испытала «великое счастье» от свидания со своей семьей: здесь собрались отец, мать, младшая сестра, а брат продолжал здесь служить в русском посольстве. Мало того, сюда приехал князь А. Ипсиланти. В доме Стурдза собирались «многие греки, замечательные своим патриотизмом и дарованиями». Наконец-то она оказалась в родной для себя среде.

Роксандра пишет, что близкие «радовались ее положению в свете». Оно и в самом деле было высоким: она даже сумела устроить посещение Александром I и Елизаветой Алексеевной греческой церкви в Вене, где собрались «все греки», в том числе А. Ипсиланти и И. Каподистрия.... Разумеется, это был символический жест — русский император демонстрировал таким образом поддержку православных единоверцев. При этом княжна Стурдза одержала маленькую победу над венским двором, пытавшимся помешать этому визиту, который наделал «много шума». Роксандра была «счастлива», и ее настроение не омрачило даже явное недовольство Александра I, который постфактум понял, что его подставили и это событие может вызвать осложнения во взаимоотношениях с Австро-Венгрией. Фрейлина чувствовала расположение духа государя, но все же решила пойти дальше. Она по-

дала ему записку о греческом вопросе, написанную братом. Возвращая ее Роксандре, Александр Павлович, «в печальном настроении», заметил, что время греческого освобождения «еще не пришло». Кстати, недоволен демонстративной встречей русского государя с греками в церкви был и Каподистрия. Он не разделял энтузиазма княжны Стурдза и ее окружения в вопросе освобождения своей родины и даже позволил себе «резкий» тон.

Роксандра пишет, что сердце ее «было оскорблено». Горечь ее, вероятно, усиливалась тем, что она испытывала к тридцативосьмилетнему Каподистрии явную симпатию. Роксандра сама пошла на объяснение и предложила ему, так сказать, остаться друзьями, несмотря на «письма, желание семьи, друзей и толки общества относительно их брака». При этом Роксандра сообщила, что «не выйдет замуж в России», и посчитала разговор оконченным. Но вскоре, однако, он получил неожиданное продолжение. О замужестве с фрейлиной заговорил Александр I и начал с сожаления, что княжна Стурдза собирается выйти замуж не в России. Надо полагать, узнал это император от Каподистрии. Сказав, что услышать такое ему было «горько», Александр Павлович заметил, что желал бы, чтобы Роксандра «устроилась» вблизи него и поэтому он подыскал ей «достойного» и близкого себе человека, который способен ей «составить счастье». И назвал имя Каподистрии... Но фрейлина решительно отвергла посредничество царя.

«Гений» Каподистрии, по выражению мемуаристки, весьма пригодился императору Александру в нелегких дискуссиях на Венском конгрессе. Отчаявшись добиться желаемого на переговорах, самый последовательный соперник русской дипломатии, австрийский канцлер князь Меттерних, пытался, как пишет Роксандра, подсылать «искусных пособниц» к Александру Павловичу. Однако тот, хотя и «любезничавший со всеми женщинами», не поддавался чарам венских обольстительниц. Из-за обилия приемов, балов и праздников Роксандре казалось, что все «забыли цель, ради которой при-

ехали» в Вену. Она тяготилась подобным времяпрепровождением и по возможности избегала участия в официальных церемониях, но, к ее «изумлению», императрица Елизавета Алексеевна была всем довольна. По вечерам наша героиня бывала у матери, где от Каподистрии можно было узнать новости о происходящем на конгрессе. Кроме того, она познакомилась с родней Наполеона: его второй женой Марией-Луизой и ее сыном, а также с пасынком — Евгением Богарне.

Хотя и наметилось некоторое охлаждение императрицы Елизаветы Алексеевны к Роксандре, она все же в очередной беседе с Александром I, который «оставался неизменен в милостивом к ней расположении», затронула тему его взаимоотношений с женой — благо государь был склонен время от времени «изливать свою душу» перед княжной Стурдза. Упомянув о разрыве с Нарышкиной, Александр Павлович как будто подал надежду на сближение с супругой, и Роксандра, улучив удобный момент, сообщила императрице об этом разговоре, надеясь, что та «оценит ее преданность».

Императрица, однако, обращалась к услугам Роксандры все реже, и тем больше у нее становилось свободного времени, которое она тратила на популяризацию общества в поддержку греческой культуры «Друзья муз». Ей удалось вовлечь в члены общества многих влиятельных особ и даже саму императрицу, которая, как и другие, сделала взнос в пользу общества. «Щедрые», как пишет Роксандра, пожертвования шли и от Александра I.

Тем временем баронесса Крюденер, писавшая ей из Парижа, предрекала скорое падение Бурбонов и, как часто с ней бывало, не ошиблась. В 1815 году Наполеон покинул остров Эльба; начались последние сто дней его правления. Зашедший было в тупик Венский конгресс, где Россия и Пруссия, с одной стороны, никак не могли договориться с Австрией, Англией и Францией Бурбонов, сразу двинулся к благополучному финалу: напуганные Наполеоном англо-австрийские союзники пошли на уступки России в надежде, что она окажет им помощь. Императрица (и Роксандра вместе с ней)

в эти дни отправилась в Мюнхен, где было решено переждать тревожные дни неизбежного нового столкновения с Бонапартом.

Верная своей привязанности к сверхъестественному, Роксандра в Вене подружилась с «ясновидящей» и даже мысленно «передавала» ей информацию — например, сообщила, что уезжает. Затем обе обменялись мыслями, что «в Боге они останутся неразлучны». В отношении этих телепатических сеансов нам остается только верить мемуаристке, но, как бы то ни было, очевидно, что ее привлекали «страшные тайны внутреннего нашего бытия».

В это же время в Гейльбронне происходит встреча Александра I и баронессы Крюденер. Император остановился в этом городе по дороге из Вены. Здесь он вспомнил об известных со слов Роксандры предсказаниях баронессы (признаться, довольно темных и поддающихся разным толкованиям), и в этот момент по странному совпадению ему доложили, что Крюденер просит ее принять. Склонявшийся в зрелых годах к мистике император увидел в этом особый знак. Позже он поведал Роксандре, какое «утешение и успокоение» излучала проповедница и предсказательница при этой их встрече.

В дальнейшем общение императора и баронессы стало регулярным, а в Гейдельберге, где некоторое время находилась Главная квартира русской армии, Александр Павлович и вовсе навещал Крюденер ежедневно. Он беседовал с ней о Боге, но, по сути, это была исповедь. Баронесса, как пишет Роксандра, «не льстила» государю, но «умела говорить правду, не оскорбляя».

Разумеется, далеко не всем нравилось влияние, которое имела Варвара Крюденер на русского императора. Появились нелепые слухи об интимных отношениях между ними. Баронесса была старше Александра Павловича на тринадцать лет (самому ему, к слову, было уже под сорок) и стала духовной наставницей, а отнюдь не любовницей императора. Однако, как пишет Роксандра, Крюденер «поддалась не-

чистому влиянию лицемерия». Иначе говоря, к ней быстро прилепился кружок лиц, желавших воспользоваться ее популярностью в корыстных целях. Княжна Стурдза предупреждала баронессу об этом, но та должных выводов не сделала. (Проницательная княжна предвидела скорое негативное отношение многих мыслящих людей России к Крюденер, называвших ее шарлатанкой.) Крюденер последовала за императором Александром в Париж и в письмах к Роксандре сообщала о дипломатической борьбе, развернувшейся там с целью определить будущее Франции. Любопытно, что Роксандра сообщает о дипломатических усилиях графа Каподистрии и ее брата Александра в деле сохранения Франции как единого государства, чего желал русский император в противовес стремлению своих союзников, желавших раздробления этой державы.

Всегда питавшая слабость к Александру I, наша героиня подчеркивает его великодушие и благородство по отношению к поверженной стороне. Вместе с тем, пишет она, к нему пришло «разочарование в людях», «сердечное одиночество», сознание «новых испытаний и обязанностей», и поэтому последние же годы его жизни «заволоклись печальными облаками». По утверждению мемуаристки, государь осознавал необходимость перемен в управлении Россией («приблизить к престолу население» и «определить пределы собственной власти») и считал, что надо каким-то образом ограничить крепостничество («ввести дворянство... в границы справедливости и человеколюбия»), но его «ужасала мысль об опасностях и смутах, которые могли бы постигнуть» страну на этом пути.

Вскоре после заграничной поездки княжна Роксандра Стурдза покинула придворную должность. Объясняя это решение, она заметила, что «независимые характеры обычно подвергаются превратным толкам в свете». При дворе признавали ее «одаренность», но вокруг нее множились всевозможные сплетни. Поначалу Роксандра не обращала на них внимания, надеясь на близкие отношения с императрицей,

но Елизавета Алексеевна, очевидно, легко поддавалась «зложелательству». Словом, все шло к тому...

К тому же следовало-таки устроить личную жизнь, а фрейлиной, согласно установленным правилам, не могла быть замужняя женщина. В 1818 году Роксандра вышла замуж за графа Альберта-Каэтана Эдлинга, министра иностранных дел Герцогства Веймарского, с которым, как мы знаем, познакомилась за четыре года до этого. Нам не известны подробности ее супружеской жизни. Но мы знаем, что с 1824 года она живет в России — то в Одессе, то в своем бессарабском имении. Относительная близость мест ее пребывания к Таганрогу позволила ей стать очевидицей части событий, связанных со смертью Александра I.

В Таганроге «утомленный людьми и жизнью» Александр I и больная Елизавета Алексеевна надеялись обрести необходимый покой. Но перед этим, будучи в Крыму, государь подхватил лихорадку. Состояние здоровья императора изо дня в день ухудшалось. Мемуаристка обращает внимание на факторы, усугубившие его подавленное состояние: пришли известия об Аракчееве (после убийства крестьянами его любовницы вскрылись проявленные им страшные злоупотребления и жестокость), а также письмо, свидетельствовавшее о намерениях «заговорщиков» (будущих декабристов). 19 ноября 1825 года Александр I скончался.

Роксандра приехала в Таганрог 15 декабря. Печальная императрица находилась в «невозможном» положении одиночества. Утешения нашей героини помогли Елизавете Алексеевне. Обе женщины долго беседовали о покойном государе, и Роксандра пишет, что «была глубоко растрогана» этими разговорами. Графиня Эдлинг оказалась в числе тех, кто провожал гроб с телом Александра I, когда его повезли из Таганрога в Петербург.

Умерла Роксандра Эдлинг в Одессе 16 января 1844 года, в пятидесятивосьмилетнем возрасте. Высокообразованная и умная, она выделялась в русских аристократических кругах, и, конечно же, не было делом случая, что импера-

тор Александр I удостаивал ее столь откровенных бесед. Ее не прельщала обычная светская жизнь, а придворные церемонии вызывали скуку, зато в обществе людей талантливых она чувствовала себя своей. Мужчины, с которыми она общалась, вошли в историю как люди выдающиеся. Ее подруги и приятельницы почти все занимались литературной деятельностью и высоко ценились в творческой среде. И сама она оставила замечательные мемуары и явила собой пример интеллектуалки в эпоху, когда умственные занятия считались для представительниц прекрасного пола совсем не обязательными. В этом смысле Роксандра Эдлинг (Стурдза) явно опередила свое время.

Несостоявшаяся фаворитка Александра I

Графиня София Шуазель-Гуфье была фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, и вдовствующей императрицы Марии Федоровны, матери Александра I. Историческая романистка, одна из первых писательниц в истории Литвы (правда, писавшая на французском языке), она оставила весьма интересные мемуары. Особый интерес представляют личные впечатления графини Софии от встреч с Александром I и Наполеоном.

Прежде всего отметим, что в 1812 году, когда София впервые была представлена Александру I, она носила девичью фамилию Тизенгаузен. Ее отец принадлежал к старинному голштинскому роду, переселившемуся в Прибалтику в самом конце XII века. В середине XVII века одна из ветвей рода получила от шведской королевы Христины баронский титул, а предок отца Софии в 1759 году был возведен римским императором Францем I в графское достоинство. Мать мемуаристки происходила из рода князей Радзивиллов, получивших свой титул в начале XVI века от римского императора Максимилиана I. То есть семья Софии принадлежала к поль-

ско-литовской знати, а титулы предкам давали императоры Священной римской империи (с 1809 года, под давлением Наполеона, они стали называться австрийскими императорами). Следовательно, благосостояние семьи изначально от русских государей не зависело.

София не посвящает нас в свое детство. Но очевидно, именно детство сформировало ее натуру, способность сопереживать несчастьям других и самой поддаваться романтическим порывам. Она признается, что была «очарована» романами Вальтера Скотта. Свои мемуары она начинает пересказом биографии Александра I в правление Екатерины II и Павла I, а затем останавливается на обстоятельствах переворота 11 марта 1801 года и первых годах его царствования. Поскольку сама она не могла быть очевидцем этих событий и пользовалась чьими-то рассказами, то ничего нового мы в ее повествовании не видим — оно содержит хорошо известные сведения и оценки.

С императором Александром I молодая графиня София познакомилась весной 1812 года в Вильно. Обстановка была напряженная, все ждали войны с Наполеоном. Сопровождавший брата-императора великий князь Константин расположился у Тизенгаузенов. Уступивший ему свой дом граф Тизенгаузен временно перебрался на жительство в другое место, а дочь отправил в имение друзей, графов Морикони, недалеко от Вильно. В пути София «была поражена бедностью сельских жителей», причину чего видели в неурожае и необходимости предоставлять провиант русской армии. У чувствительной девушки прямо-таки «сжималось сердце» от картин нищеты. Ее охватила «досада на императора»: «печальное зрелище» графиня связывала с военными приготовлениями Александра I.

Проживая «в тихом уединении», в имении Товяны, София «и ее приятельницы» узнали о том, что Александр Павлович должен здесь проследовать и, может быть, даже сделает остановку. Девушки стали свидетельницами необычайной суеты тех, кто по долгу службы заботился о путешествии го-

сударя — от генералов до курьеров и лакеев, и это их «крайне забавляло».

27 апреля 1812 года Александр I прибыл в имение. Его встречали престарелые граф и графиня Морикони, а также их молодые гости: две племянницы графской четы и София. Александр Павлович проявил обычные для него обходительность и любезность и сказал хозяевам несколько комплиментов по поводу их имения. А когда узнал, что девицы еще не бывали в Петербурге, тут же пригласил их в свою столицу. Молодая графиня Тизенгаузен подметила смущение императора от своего дорожного платья (ведь обитатели Товян встречали его в своих лучших нарядах). Хотя, может быть, сам факт «смущения» она несколько преувеличивает. Романтической девушке просто трудно было «представить себе государя в сюртуке». После дороги Александр Павлович выглядел слишком буднично, в нем не чувствовалось величия власти, а ведь именно величие казалось ей главным качеством государя.

Она пишет об обаянии императора, заключавшемся «в кротости выражения открытого, веселого лица». Красавцем Александр Павлович ей не показался. Девушка заметила «его плешивый лоб», некоторую близорукость и глухоту. Профиль его напомнил ей профиль бабки Екатерины II. Вообще София подробно останавливается на внешности государя, хорошо знакомой ей прежде по портретам.

В тот день Александр I пробыл в имении недолго, но через три дня приехал в Товяны ночевать. Во время второго визита разговор с обитателями имения отличался большей продолжительностью. Александр Павлович предстал меломаном, знатоком агрономии, внимательным путешественником. Когда он деликатно предложил не затягивать встречу под предлогом того, что хозяева, верно, желают отдохнуть, у Софии вырвалось восклицание, что государь считает их «совсем провинциалками» (ведь светские развлечения в столице обычно захватывали ночь). Государь ответил, что «в деревне благоразумно ложиться рано», но все же отужи-

нал с обитателями имения, а после предупредил, что утром уедет не простившись, чтобы не утруждать престарелую графиню Морикони. Однако она и девицы в шесть часов утра уже ожидали выхода императора. София пишет, что вид у него был «очень величественный», а движения «полны достоинства и грации». На прощание Александр Павлович расточал любезности дамам и оставил тысячу рублей для прислуги.

Император отправился в Вильно, где проводил смотры войскам. Три «молодые особы», с которыми он познакомился в Товянах, произвели на него, видимо, самое благоприятное впечатление. Вскоре они были назначены фрейлинами при императрицах — при матери Марии Федоровне и жене Елизавете Алексеевне. Накануне этого события отец привез Софию в Вильно, где она впервые присутствовала при православном богослужении, которое произвело на девушку впечатление «величественности», «красоты» и «божественной простоты».

Перед ней открывалась возможность стремительной придворной карьеры. Не успела она стать фрейлиной, как обергофмаршал граф Толстой во время придворного обеда подошел к графу Тизенгаузену и сообщил ему, что государь вечером собирается «сделать визит» его дочери. Предполагалось свидание с молодой фрейлиной наедине: уж не пожелал ли император обзавестись новой фавориткой? Но похоже, «император при этом не принял в расчет хозяина дома». Во всяком случае, приехавшего вечером Александра Павловича у порога дома встретил отец, предупрежденный графом Толстым. Во время беседы с Софией в присутствии отца государь попросил ее приехать в Петербург. Барышня на приглашение ответила, что «сочтет это за счастье». Тут же, однако, сам Александр Павлович заметил, что сейчас ехать в столицу «не время», но обещал потом «доставить» барышне «разные развлечения».

Описывая беседу с императором, повернувшись к политическим темам, мемуаристка дает понять, что ее семья относилась к самым лояльным подданным (а мы знаем, что да-

леко не вся польско-литовская знать этим отличалась). Граф сказал Александру I, что «литовцы сожалеют» о тревожной политической обстановке, «не позволявшей им выказать всю их преданность его величеству», который, как они знают, «хочет быть отцом своих подданных».

В кругах, близких семейству Тизенгаузен, ловили каждое брошенное государем слово, которое могло подкрепить упования на полонофилию Александра I, и, когда присутствовавшая на представлении императору среди новоиспеченных фрейлин София сказала, что она пьет чай по-английски, Александр Павлович заметил: «Лучше бы по-польски», это было сразу подмечено.

Став фрейлиной и обретя при этом не самые обременительные обязанности, София окунулась в мир светских удовольствий. Шел бал в имении Закрет под Вильно, только что купленном Александром I. После двух танцев со светскими дамами, женами генералов Беннигсена и Баркляя-де-Толли, государь танцевал с Софией. «Безграничная галантность государя не поддается описанию», — отмечает мемуаристка. В разговоре император осведомился, где она собирается жить в Петербурге, и бросил роковую фразу: «На месте графа (отца. — *А. Д.*), я никогда бы не расставался с вами». София сочла это прямым предложением стать фавориткой. А с государем, похоже, случился приступ романтизма. Когда гости оказались в саду, он заговорил о луне и сказал, что она — лучшая часть праздничной иллюминации, называя, впрочем, ее фонарем, что показалось Софии «весьма непочтенным».

Позже София узнала, что незадолго перед этим император получил известие о вторжении войск Наполеона в Россию. Может быть, война помешала состояться роману Александра I и графини Тизенгаузен? Во всяком случае, не видно, чтобы девушка решительно этому сопротивлялась, хотя ее отец явно этого не желал.

Через три дня Александр I покинул Вильно. Ушли русские войска. София пишет, что они отступили в полном порядке, и это «не было бегство, как уверяли некоторые». Двинулись

на запад и многие русские с семьями. Тизенгаузену уезжать не собирались.

В Вильно пришла наполеоновская армия. И кого же София увидела первыми? Поляков! Они бежали по городу «с веселым видом, махая своими флагами национальных цветов». В городе царило ликование. Ее «преданность его величеству» тут же куда-то исчезла. «При виде этих истинных соотечественников сердце мое умилилось, — пишет София. — Я почувствовала, что родилась полькой». Дело в том, что род Тизенгаузенов, хотя и имел немецкие корни, за столетия жизни в Польско-Литовском государстве ополячился. Правда, София замечает, что «эта чудная минута промелькнула, как миг». Минутный ее порыв сник при виде вооружившегося виленского простонародья, увлеченного иллюзией восстановления независимости, — София называет ликующую толпу под окнами «подонками населения».

Здесь необходимо пояснение. Речь Посполитая как государство перестала существовать в 1795 году, когда ее земли разделили между собой Австро-Венгрия, Россия и Пруссия. София родилась незадолго перед этим, и вся ее жизнь протекала на территориях, перешедших к России. То есть всю свою сознательную жизнь она была российской подданной. Однако идея восстановления польско-литовского государства витала в воздухе. Ею и воспользовался Наполеон, чтобы привлечь на свою сторону поляков и литовцев и использовать их как «пушечное мясо». На землях, отобранных у Австрии и Пруссии, император французов образовал вассальное герцогство Варшавское. Более того, поход 1812 года на Россию официально им был назван Польской кампанией. Поэтому поляки и литовцы по численности стояли на третьем месте (после собственно французов и немцев из многочисленных государств) в его многонациональной «Великой армии». Именно они находились в авангарде наполеоновских войск, вошедших в Вильно.

Разумеется, отрезвляюще на девушку подействовал и отец. Граф Тизенгаузен, «мудрый и осторожный... основатель-

но боялся этих патриотических движений». Он даже воскликнул: «Сумасшедшие! Безумцы!» И прибавил, что русские «в нескольких шагах» и все может перемениться. Через три дня у отца вообще «явились роковые предчувствия относительно исхода этой войны» при виде беспорядка и отсутствия дисциплины в наполеоновской армии. Бросалась в глаза «непредусмотрительность» ее вождей, скудость провианта и жизненных припасов.

В городе сразу же возник острый недостаток продовольствия. «Великая армия» не церемонилась с местным населением. Все годное для пропитания людей и лошадей реквизировалось. Обыватели, поначалу приветствовавшие наполеоновских солдат как своих освободителей, вслед за горечью разорения испытали горечь разочарования. Рассказы о мародерстве французов «ежедневно поражали наш слух и наполняли скорбью наши сердца», — пишет мемуаристка.

Наполеон, как ей кажется, «вступил в Вильно встревоженный и недовольный». Он полагал, что сразу же навяжет русским генеральное сражение. Но русские полководцы делали все, чтобы отдалить развязку. Русская армия отступала, и становилось ясно, что она выполняет какой-то план. А тут еще пришло известие, что русские заключили мир с Турцией, и Наполеон от него «пришел в бешенство». На торжественной аудиенции он «в бессвязных, туманных, неясных словах» объявил о восстановлении Польши и избрании короля.

Как видим, София без какого-либо пиетета описывает «владыку полмира». Более того, она позволила себе и фронттировать! На одном из вечеров после того, как местные дамы, развлекаясь, своими «избранниками» называли Наполеона, его братьев и маршалов, наша героиня затруднилась в выборе, заметив, что не знает этих господ. Дамы были поражены ее «глупым ответом». В другой раз, если верить мемуарам, София позволила себе прилюдно другую «наивность», заметив, что счастливы те сельские обыватели, которые еще не видели французов, намекая на разорение тех мест, где про-

ходила наполеоновская армия. Впрочем, мемуары писались после всех этих событий, когда Наполеон был разбит, и не исключено, что графиня просто пыталась представить себя в более выгодном свете.

София старается объективно оценить Наполеона. На торжественное представление императору французов в Вильно «литовских дам» графиня Тизенгаузен явилась с шифром фрейлины русского двора (то есть со знаком, представлявшим собой брошь в виде монограммы императрицы). Другие дамы стали уговаривать Софию снять шифр. Но она упорствовала, готовая к ответной, как она пишет, «резкой выходке» Наполеона. Как видим, фрондерство графини Тизенгаузен продолжалось. Но французский император никакой «выходки» себе не позволил и лишь заметил, что ее придворное отличие — «большая любезность со стороны императора Александра». «Можно оставаться хорошей полькой и носить шифр», — добавил он. София пишет: «Наполеон даже в женщине умел ценить проявления сильного характера». Она утверждает, что не испытала «внушительного впечатления» и «волнения» в его присутствии. Ведь ее романтическая натура представляла императора французов «в сверкающем образе гения», а увидела она «человека маленького роста, толстого, постоянно переминавшегося с ноги на ногу, с гладкими, прилизанными волосами, с довольно красивыми (хоть что-то хорошее сказано! — *А.Д.*), но маловыразительными чертами лица».

Спустя восемь дней пребывания Наполеона в Вильно графиня уже называет его армию «сбродом чужестранцев, которые шли на войну против собственного желания и ненавидели того, кто вел их». Она описывает бал, который ее двоюродный брат дал «в день польской конфедерации», и «роскошный пир», который посетил Наполеон, и пишет, что в это самое время «на улице человек умер с голода». В адрес кузена слов укоризны она не находит, этот резкий контраст ей важен для характеристики Наполеона — в нем она видит предзнаменование, что император французов

вскоре «похоронит свои войска в снегах России». Появление Наполеона на балу дает графине повод сказать о нем еще более нелестные слова: она изображает его существом высокомерным, никогда «не пресыщавшимся» постоянными восхищениями льстецов в свой адрес. Трудно сказать, сразу ли, прямо тогда, или же по прошествии ряда лет, когда писались мемуары, София поняла, что национальные кокарды, надетые польско-литовской знатью, — это «патриотическая побрякушка», а ее надежды на дарование Наполеоном независимости — иллюзорны.

Позже, катаясь верхом в компании знакомых, графиня Тизенгаузен как-то посетила имение Закрет, где совсем недавно она была на празднике у Александра I — по ее мнению, «самого любезного из всех государей». Теперь прекрасный дворец представлял собой груды развалин. С ностальгией София пишет, что лошади «шагали по паркету, на котором я танцевала с императором Александром... Крапива и чертополох росли теперь в тех местах, где раньше цвели розы и спели ананасы...» И в этом тоже были виноваты французы.

На фоне этих печальных картин графиня с теплотой отзывается об Александре Павловиче. За то, что «чувствительный» император отказался последовать совету генералов при отступлении «опустошить всю Литву и вывести из нее всех жителей», она называет его «ангелом». Здесь она приводит мнение об Александре, сообщенное Наполеону «старым французским эмигрантом» и ректором Виленского университета, которые характеризовали русского царя самым положительным образом. Во всем этом ощущается явное восхищение Александром. Он «мудр и осторожен», но в самые тяжелые дни для страны «твердо» решает, что императорская семья останется в Петербурге, даже если над столицей нависнет французская угроза.

Разумеется, обитатели Вильно узнавали о событиях кампании 1812 года с опозданием. Французская администрация отнюдь не стремилась распространяться о неудачах своей армии. В городе «продолжались танцы, спектакли, развлечения

ния, ибо французам прежде всего нужны удовольствия». Но вот стало известно, что мимо Вильно «секретно» проехал Наполеон, остановившись у городских ворот лишь для того, чтобы позавтракать. София описывает, как император шутит со свитой, а в это время правивший лошадьми ямщик мерзнет на морозе (вряд ли графиня лично наблюдала эту картину, но она ей понадобилась, чтобы лишний раз сказать о французском императоре недобрые слова). Для нее «хорошее настроение» Наполеона и все его поведение — верх жестокосердия: ведь три четверти французской армии погибли от истощения и холода.

Одетые кто как мог, чтобы уберечься от холода, солдаты разбитой «Великой армии», пишет графиня, «уже не признавали никакой власти». Отец Софии из «сострадания» приютил нескольких французов, но вскоре вынужден был бежать вместе с ними. Дело в том, что граф Тизенгаузен вошел при французах во временное правительство Литвы и теперь боялся расплаты. Еще раньше, опасаясь, что русские не простят им сотрудничества с французами, уехали братья Софии. Сама она, однако, осталась... В глубине души она была уверена, что ее кумир Александр I не допустит расправы над теми, кто пошел за Наполеоном.

Вступление русских войск в Вильно не вызвало серьезных проблем для графини. Разве что казаки хотели реквизировать карету, но стоило ей выйти к ним и повысить голос, как они оставили ее в покое. Через два дня в город приехал М. И. Кутузов, с которым графиня была «давно знакома». Фельдмаршал «очень хвалил» ее поведение на представлении Наполеону (оказалось, что слух об этом распространился в русской армии) и, между прочим, сказал, что напрасно граф Тизенгаузен «уехал и не доверился великодушию его величества». Мало того, Кутузов дал в честь Софии «вечер» и представил ее генералам, сказав: «Вот молодая графиня, надевшая шифр перед лицом Наполеона». Сама София называет свой поступок «простым и естественным», но окружающие явно склонны были его героизировать.

Война для обывателей Вильно закончилась, но еще долго напоминала о себе. Полиция насчитала до 40 тысяч французских трупов в окрестностях города, да и на самих его улицах можно было увидеть замерзающих наполеоновских солдат, до которых победителям не было дела. В городе началась эпидемия. София проявляла сострадание к несчастным: она приютила сначала одного француза, затем целую семью — ведь за армией Наполеона в надежде на поживу ехали целые обозы гражданских, которые теперь, брошенные всеми, оказались в ужасном положении. Она негодовала на грубую предприимчивость казаков, которые к трофеям, захваченным у французов, приравнивали детей, потерявших при отступлении наполеоновской армии своих родителей, и устраивали ими бойкую торговлю.

На пятнадцатый день в город приехал Александр I. Девушка, узнав об этом, заплакала и воскликнула: «Ангел здесь! Мы все будем спасены!» И уже днем к ней явился граф Толстой и передал «благодарность нашего обожаемого государя». Граф спросил: может ли Александр Павлович навестить Софию вечером? «Я была счастлива при мысли, что опять увижу государя», — восклицает мемуаристка. Правда, ее «смущало», что отец и братья последовали за французской армией, но «ангельская доброта» явившегося в гости государя ее успокоила. Он сказал, что «признателен» ей за доказательство преданности — имея в виду, разумеется, все тот же шифр фрейлины русского двора при представлении Наполеону. София пишет, что «безбоязненно наслаждалась счастьем видеть и слышать» Александра Павловича.

Наша героиня весьма подробно передает «приятный» разговор с русским царем в тот вечер. Вначале он со свойственной ему деликатностью заметил, что не обвиняет литовцев в их увлечении идеей свободы. К тому же многие уступили силе, став сотрудничать с завоевателями (этим он оправдал поступок отца и братьев Софии). Император коснулся военной стратегии, заявив, что отступление русской армии было оправданно, поскольку ей противостоял очень

сильный противник, ведомый прославленным полководцем. Интимность встрече придал рассказ о личных переживаниях. Александр признался, что «много перестрадал и сильно тревожился» — дескать, эта «несчастливая кампания стоила ему десятка лет жизни». Мемуаристка подчеркивает, что император-победитель назвал победоносную кампанию «несчастной». Произошло это, по ее мнению, от «великодушного сердца», которое «не могло радоваться своими успехами при виде страданий всего человечества». Графиня пишет, что, когда Александр I видел поверженных врагов (от встреч с которыми его тщательно оберегала свита, но совсем уберечь не могла), он оказывал им всевозможную помощь — и тут же сравнивает его и Наполеона, разумеется, не в пользу последнего.

Разговор продолжался. Александр Павлович стал спрашивать Софию о Наполеоне. Он отметил «удивительную смелость» девушки, не побоявшейся того, «перед кем дрожали даже мужчины». На это наша героиня ответила, что для нее «было счастьем» дать Александру Павловичу «единственное доказательство преданности, которое было в моей власти». Внешность Наполеона молодая фрейлина назвала не соответствующей его гению. Император заметил, что такое же впечатление вынес и он. Тут барышня пококотничала: «Несмотря на чрезвычайную доброту вашего величества, я испытываю большую робость в вашем присутствии, чем когда меня представили Наполеону». Александр Павлович подхватил игру: «Как... неужели я внушаю вам страх?» София продолжала: «Да, ваше величество, страх заслужить ваше неодобрение».

Затем государь стал говорить о «непредусмотрительности» императора французов, который вторгся в «опустошенную страну с шестьюстами тысячами человек без всякого провианта и жизненных припасов», что вызвало повальное неповиновение и мародерство. Досталось Наполеону и за его заблуждение, что он сможет «легко поднять русский народ, соблазнив его в разных прокламациях перспективой свобо-

ды», и за попустительство оскорблениям религиозных чувств православных. Упомянул августейший гость и о зяте Наполеона маршале Мюрате, пожурив его за пристрастие к причудливым одежаниям, а затем вынес ему приговор: императору французов, сказал он, следовало расстрелять Мюрата за то, что он «уничтожил французскую кавалерию» (под этим подразумевалась нераспорядительность маршала, который командовал резервной кавалерией и допустил повальный конский падеж).

София замечает, что, пока они говорили, она «щипала корпию». Во время войны это занятие, состоявшее в выщипывании из тряпок волокон, использовавшихся затем в качестве ваты, было чуть ли не обязательным для светских дам. Следя за ее руками, император сказал: «Хотелось бы быть раненым, чтобы пользоваться этой корпией». А чуть позже позволил себе такой пассаж: «Не знаю... что мне вздумалось читать курс морали, беседуя с хорошенькой женщиной». Брошенные как бы невзначай, эти фразы трудно истолковать иначе как попытку сблизиться с молодой собеседницей. Свидание за чашкой чая тридцатипятилетнего императора и двадцатидвухлетней графини вообще было полно прозрачных намеков на возможное развитие отношений...

Хотя это, наверное, все-таки не было главным в их беседе. София утверждает, что государь продемонстрировал хорошее знакомство с трудами мыслителей эпохи Просвещения и выказал себя «философом на троне» (так Александра I назвал Наполеон, и с этим мемуаристка согласна), который помнит об ответственности перед Богом за жизни своих подданных и печется о благе всего человечества. В то же время он не кривит душой, когда говорит: «Престол — не мое призвание». Между прочим, Александр Павлович сказал собеседнице, что «всем государям и европейским народам нужно стовориться между собой, чтобы любить друг друга и жить в братстве».

Несколькими днями позже графиня Тизенгаузен была приглашена к фельдмаршалу Кутузову на вечер, куда приехал

и Александр I. Кутузов сообщил Софии, что государь подписал указ об амнистии жителям Литвы, сотрудничавшим с наполеоновской властью. Таким образом, подданным, которые предались врагу, было обещано «забвение и прощение».

Графиня описывает свои последующие беседы с императором. Они касались посещений госпиталей. Александр Павлович пугал свою собеседницу жуткими картинами штабелей из трупов. У Софии «кровь леденела в жилах». Ее восхищало, что государь считал для себя подобные испытания обязательными. Вообще во время пребывания в Вильно русский император всячески укреплял свой светлый образ в глазах подданных: он и отец солдатам, и бесстрашный посетитель госпиталей, не боявшийся «зловредного, заразного воздуха», и попечитель пленных.

Их разговоры опять и опять касались личности Наполеона. Более всего в них затрагивались вопросы политические. Император говорил, что Бонапарт «мог дать Европе мир», но не захотел этого. Теперь же он сам намеревался как можно скорее замирить континент. Необходимо было, считал он, предотвратить восстановление мощи наполеоновской армии и решить, какой будет Франция после Наполеона.

Иногда, однако, говорили и о личном. Александр Павлович как-то раскрыл свои сокровенные мысли: «Вы не можете себе представить... до какой степени испорчены у нас нравы. Никто не верит в истинную дружбу, в бескорыстное чувство к женщине». Конечно, он вынес подобные впечатления прежде всего из великосветских гостиных. Собеседники касались и «тяжелой» для графини темы ее семьи. Вероятно, по совету императора София написала письмо отцу, в котором советовала ему вернуться. Но граф Тизенгаузен последовал дальше за отступавшими французами.

Последняя из этой серии встреч царя и графини завершилась характерными фразами. Император «самым мягким тоном» сказал: «Вспоминайте иногда обо мне». — «О, боже мой, — воскликнула я, — я это делаю во все мгновения моей жизни!»

Русское командование выделило графине Тизенгаузен охрану из казаков, и она отбыла из Вильно в имение. София испытывала тревогу, подогреваемую окружающими, что имение может быть секвестровано властями, поскольку отец все не возвращался. Однако благодаря вмешательству графа Толстого дело было улажено.

Находясь в Литве, графиня жадно интересуется пребыванием своего кумира в Париже. Пользуясь доходившими до нее рассказами, она говорит о «большом мужестве» Александра I и опять-таки о его великодушии по отношению к поверженному врагу, в том числе и в занятой войсками союзников Франции. Парижане, пишет она, приняли Александра как «возлюбленного монарха», с искренним восторгом — тем большим, что русский император настоял на предоставлении французам наиболее выгодных из возможных условий мира. Графиня объясняет это, разумеется, природным великодушием царя. Кроме того, всем членам временного литовского правительства, оказавшимся в Париже, Александр разрешил вернуться на родину и «вступить в пользование своими именами». Словом, мемуаристка не устает приводить примеры благородства и скромности русского императора в ответ на звучавшие в его честь здравицы «восстановителю европейского мира».

Бурный энтузиазм местного населения Александр I встретил и в Англии, куда направился вместе с прусским королем. Народ, когда он сошел с корабля, даже отпряг лошадей и на себе довез экипажи до резиденции. К «великому разочарованию» англичан августейшие путешественники дальше в Лондон отправились инкогнито, чтобы избежать повторения «энергичных демонстраций» восхищения. В английской столице Александр Павлович периодически вынужден был выходить на балкон, чтобы «удовлетворить желание толпы, жадно стремившейся созерцать восстановителя европейского мира». Конечно, у англичан были веские причины для восторга при виде монарха, возглавившего антинаполеоновскую коалицию. Ведь Наполеон всегда подчеркивал,

что его главный враг — Англия. Доходило до того, что продавались билеты на места вдоль улиц, по которым Александр проезжал. София отмечает разницу в приеме государя в Париже и в Лондоне. Французы были искренне признательны великодушному победителю, а англичане пышностью и великолепием подчеркивали свое тщеславие. При этом перо графини продолжало славить обожаемого государя. Он был столь скромен и деликатен, что на обратном пути, в Литве, подвез в своем экипаже вдову, которая приняла его за простого офицера. У одного дворянина, тоже его не узнавшего, Александр Павлович пил пиво и удостоился дружеских объятий. Что и говорить: русский император любил путешествовать инкогнито, без свиты, и запросто общался с обывателями.

Скромнен был государь и во время возвращения в Петербург: отверг торжественное публичное чествование своей персоны, не принял поднесенного ему высшими государственными учреждениями титула «Благословенный» и не разрешил соорудить себе в столице памятник.

Графиня Тизенгаузен особо подчеркивает великодушие, скромность и любезность императора Александра, когда он, направляясь на Венский конгресс, останавливался в Варшаве и в имении князей Чарторыйских. Среди «многих знатных лиц» на приемах и балах оказалось немало родственников Софии. Но сама она почему-то отсутствовала. Одним из результатов работы Венского конгресса стало принятие Александром Павловичем титула польского короля (с присоединением части территории бывшей Речи Посполитой с центром в Варшаве к Российской империи). «В истинно польских сердцах», утверждает мемуаристка, приписывая полякам собственное отношение к русскому царю, эта новость вызвала «радость» и «общее ликование».

Александр I снова пришлось покровительствовать французам и противостоять «алчности» союзников, когда Наполеон, покинувший остров Эльба ради ста последних дней властвования, был окончательно побежден. Графиня даже

утверждает, будто ему пришлось прозрачно намекнуть монархам Австрии и Пруссии, что он готов помочь Франции силой оружия отстоять ее статус великой державы. Под впечатлением от поступков русского императора она сочинила молитву за него, в которой просила Провидение хранить государя, поддерживать и в битвах, и в управлении империей, а также хранить от опьянения властью — столь рокового для всех правителей.

Когда в октябре 1815 года Александр I въехал в Варшаву, чтобы короноваться польским королем, он вполне ощутил энтузиазм местных жителей. В Варшаве чередой шли «блестящие празднества», где собиралось «самое избранное общество». Мать Софии жила в это время в городе и была представлена царю. Поляки имели причину радоваться: русский царь, он же новый король, даровал им конституцию, «основанную на кодексе Наполеона», сенат и право созыва сеймов (парламентов). Заметим, что русские земли Российской империи такого подарка не удостоились.

Новая встреча Софии с Александром Павловичем состоялась в Вильно. Вначале заговорили о городах. Тут выяснилось, что Варшава «не удовлетворила ожидания» императора: «Неправильно построенные здания, грязные улицы». Не лучше и Париж: «Грязный город как в нравственном, так и в физическом отношении». В Лондоне, сказал император (разумеется, в передаче графини), «нет прекрасных зданий, украшающих Париж, но там несравненно больше порядка, аккуратности и чистоты». С восхищением государь отзывался и об английских парках. Лестных слов императора удостоились поляки и польское общество. Александр Павлович даже посетовал, что еще «не выполнил... всех... обещаний по отношению к ним». Он прямо заявил, что австрийцы и пруссаки противились его планам в отношении Польши. Их же император ругал за «остервенение и жадность», за желание «воспользоваться правом мести» по отношению к поверженным французам и при этом добавил, что «надо мстить, лишь воздавая добром». В общем, сыпал сентенциями, которые

боготворящая его графиня называет «прекрасными словами в устах величайшего государя в мире».

В это время в Литве стали распространяться слухи об образовании в Петербурге «русской партии, недовольной тем вниманием, которое государь оказывал полякам». Графиня Тизенгаузен была в числе тех, кто воспринял это со всей серьезностью. Она даже упрекнула Александра Павловича в том, что «он закрывал глаза на огонь, тлевший в его собственном государстве». Действительно, преимущественное внимание Александра I после победы над Наполеоном к европейским делам, его частые заграничные вояжи, вовлеченность в дела Священного союза, заключенного с Пруссией и Австрией, а также предоставление таких политических прав Польше и Финляндии, о которых не могли мечтать коренные территории империи, — все это вызвало ропот части русского общества.

На балу они танцевали вальс; впрочем, тура с императором удостоились и некоторые другие дамы. После бала наша героиня с тетушкой и зятем сразу отправились в Товяны, чтобы подготовиться к приезду туда Александра. Граф Тизенгаузен, слишком долго колебавшийся в своих привязанностях, был холодно принят государем, а потому счел за благо дочь не сопровождать. София же, всегда готовая замолвить словечко за близких, не имела возможности попросить за отца и братьев ни в Вильно, ни в Товянах, поскольку все ее разговоры с Александром Павловичем происходили в присутствии третьих лиц. Из-за этого она была не в духе, и даже в какой-то момент, когда показалось, что дело с отцом совсем плохо, ей «едва не сделалось дурно». Ее «глаза были красны от слез», и некоторые присутствующие тут же поспешили сделать ошибочные выводы о взаимоотношениях Софии и императора. Александр же сделал вывод, что она не здорова, и помнил об этом даже спустя год, при следующей встрече.

Закрывая тему 1812 года, мемуаристка пишет о распоряжении царя разжаловать в солдаты генерала Тухлова, позво-

лившего себе в 1812 году «грабить в Литве». Разумеется, это нашло одобрение у польско-литовской знати. Не обошла она вниманием и такой чувствительный для католической Польши вопрос, как удаление из империи иезуитов. Православная церковь давно уже была недовольна их активной пропагандой, особенно в высшем свете. «Многие придворные дамы, — пишет София, — тайно от своих семейств перешли в иезуитство».

В 1816 году наша героиня снова встретилась с Александром Павловичем — на балу в Варшаве. Танцуя с ней, государь вдруг пожелал нанести ей визит. Графиня сказала, что вряд ли сможет принять его, поскольку занимает в городе «плохое помещение», но заметила, что ее мать, чьи апартаменты (заметим, в том же доме) значительно лучше, «будет счастлива заменить» ее. Можно представить изумление императора, когда он услышал это. Разумеется, он желал встретиться тет-а-тет с молодой графиней, а не с ее пожилой матерью.

Но Александр Павлович проявил настойчивость. На следующий день, приняв парад войск, он неожиданно приехал к графине. «Несколько смущенная», она надеялась, что император все-таки направится к матери. Но не тут-то было! Государь «одним прыжком с подножки кареты» вошел «в комнату рядом с моей спальней», — пишет София. «Он рассмеялся при виде моего смущения, попросил извинения за свою нескромность и сказал, что ему сообщил мой адрес его лакей». Видя нерешительность девушки, государь подал ей руку, прося указать ему дорогу. «Волей-неволей пришлось вести его в комнату, где царствовал полный беспорядок». В общем, Александр Павлович явно претендовал на интимное свидание, хотя София и пишет — вероятно, чтобы не дать повода подозревать ее в особых отношениях с императором, — что «Александр ради развлечения любил делать утренние визиты дамам, не предупредив их заранее».

Войдя в комнату, августейший гость «шутливо подал стул... собачке, которую он очень ласкал, говоря, что по справедливости

ности она должна участвовать в нашей компании». Судя по всему, император находился в прекрасном расположении духа и был настроен довольно игриво. Он начал разговор с «любезного» выговора графине, которая, посетив за прошедшее время Европу, так и не съездила в Петербург. «Я математически докажу вам, — сказал Александр Павлович, — что вы сделали более длинный путь, чем отсюда в Петербург, где вы были бы приняты с распростертыми объятиями». И тут же прямо заявил, что в последний раз заезжал в Вильно только для того, чтобы видеть Софию.

Возможно, все шло к решительному объяснению, однако оно не состоялось, поскольку интимную обстановку нарушило появление матери нашей героини. Когда девушка назвала «разнос», учиненный императором командование виленского гарнизона, «прекрасно разыгранной сценой», Александр Павлович обратился к матери и сказал: «Вы видите, как ваша дочь смеется надо мной». Та ответила: «Ваше величество, вы слишком ее избаловали».

Император стал весело рассказывать, как его старая знакомая, тетушка Софии, княгиня Радзивилл, ему «делала знаки из окна». «И в ту самую минуту», пишет София, в комнату (легка на помине!) вошла княгиня Радзивилл и начала упрекать Александра Павловича, что он не посетил ее. Завязался «забавный спор». Замечание тетушки, что он «пожаловал в такую гадкую комнату», император парировал недвусмысленной фразой: «Ведь я приехал не для того, чтобы любоваться комнатами», — явно намекая на желание «любоваться» Софией. Уезжая, Александр Павлович пообещал прислать из Петербурга «маленький приказ», чтобы тетушка приехала туда с племянницей (то есть с нашей героиней).

Следующая их встреча состоялась на «самом удачном и хорошо организованном» варшавском балу в доме сенатора, графа Станислава Потоцкого. Они вновь танцевали вместе и много разговаривали: о том, какие впечатления на местную публику производят войсковые маневры, и о том — тут солировала графиня, — что в «преданности» императору «ли-

товцы ни в чём не уступают полякам». Но надо полагать, «политическая» тема была в их беседе далеко не самой главной. Собеседники порой просто болтали и даже по-свойски обсуждали присутствующих дам. Так, они отметили немолодую госпожу Замойскую, «владевшую чарами» своего возраста так, что «всегда принимали ее за молодую девушку-невесту». «Свежей как роза» была названа княгиня Яблоновская и подмечено, что будущая княгиня Лович прекрасно танцует. Словом, Александр Павлович и София предстают в мемуарах друзьями накоротке.

Уезжая из Варшавы, Александр I «соблаговолил» специально проститься с графиней Тизенгаузен и просил напоследок «всегда считать его своим старым другом». Затем последовал вопрос, которого она не ожидала «и который страшно смутил ее». Александр Павлович спросил, не собирается ли она выйти замуж? Император проявил в этом деле неожиданную осведомленность. Оказывается, он имел беседу с тетушкой, которая сетовала, что София «отвергла все представлявшиеся партии», а Александр ответил ей, что фрейлина императрицы «имеет право быть разборчивой».

Этот последний варшавский разговор Софии и императора кажется немного странным. Он сказал, что желал бы видеть ее «счастливой», а она отозвалась «страшной глупостью» (мы, правда, так и не узнаем, в чем эта «глупость» заключалась). Александр опять пригласил ее в Петербург, а София это приглашение отвергла — на том основании, что она «существо бесполезное» (мол, будь она мужчиной, тогда другое дело — она «с радостью отдала бы свою жизнь...»). После этого император, настроенный в этот раз совсем не так беззаботно, скучно заметил, что «при добродетельном поведении за женщинами обеспечена... благородная роль. Своим примером, своими добродетелями они могут приносить обществу столько добра!». И некоторое время продолжал в таком же духе наставлять собеседницу. София завершает пересказ этого разговора сентенцией: «Без сомнения, Александр, как и многие великие люди, имел свои слабости; но душа его

проникнута была чистыми идеями нравственности и религии». А у читателя создается впечатление, что они внутренне уже отделились друг от друга...

На этом закончился целый период в жизни Софии Тизенгаузен. Она так и не стала фавориткой Александра Павловича, хотя в какие-то моменты для этого достаточно было сделать один шаг. Во всяком случае, если судить по ее мемуарам, царь не раз прозрачно намекал, что хочет этого. Но что-то, несмотря на все ее преклонение перед Александром, мешало. Не исключено, что София сомневалась в его чувствах: ведь император вообще был склонен любезничать с женщинами. Можно также предположить, что препятствием стал польско-литовский «гонор»... Однако «гонор» не помешал Марии Антоновне Нарышкиной (урожденной княжне Святополк-Четвертинской, также принадлежавшей к польско-литовской знати) долгое время быть государевой фавориткой. А может быть, все дело в характере самой Софии. Она не была заражена честолюбием, не стремилась влиять на политику и меньше всего хотела быть в центре внимания. Ее все устраивало в Литве, и она вполне была довольна жизнью в Вильно и Варшаве — провинции с точки зрения петербургского света. Фрейлина императрицы, она так и не приехала в Петербург и, пребывая, в сущности, в бессрочном отпуске, не приступила к назначенным ей обязанностям.

В 1818 году София Тизенгаузен лишилась фрейлинского статуса, поскольку вышла замуж за камергера русского двора графа Антония-Людвига-Октавия Шуазель-Гуфье. Граф оказался в России мальчиком, когда сюда во время Французской революции эмигрировала его семья. Александр I, узнав о замужестве Софии, написал ей письмо с пожеланием счастья. После свадьбы молодая чета отправлялась на родину мужа, во Францию, но эта страна, вожделенная для многих, мемуаристке не понравилась. Парижское общество, склонное к «искусственным потребностям» и «ненасытной алчности», источало «холодный эгоизм и тон ледяного равно-

душия». В сравнении с русскими и поляками, которым, по мнению графини, была свойственна «ласковая рыцарская приветливость», оно явно проигрывало. Она принялась уговаривать мужа покинуть Францию, и граф Шуазель-Гуфье стал хлопотать о месте посланника в России. Однако добиться желаемого ему не удалось, а тут еще в Литве против него начался «очень несправедливый процесс» — по поводу имений, пожалованных еще его отцу Павлом I. Суть в том, что граф, хотя и был пэром Франции, не владел там никаким имуществом — все его богатое состояние (правда, обремененное большими расходами на многочисленных родственников) было сосредоточено в Российской империи.

В 1820 году, узнав, что Александр I находится в Варшаве, графиня отправилась туда, чтобы «просить его покровительства и правосудия». Они встретились как добрые друзья, и император не только продемонстрировал «искреннее участие», когда дело дошло до семейных проблем графини, но и принял на себя обязанность быть ее «адвокатом». Кроме того, он пообещал графине — тоже, разумеется, по ее просьбе — содействовать графу Шуазель-Гуфье в получении хорошей должности во Франции. И свои обещания сдержал. Он предписал виленскому генерал-губернатору прекратить процесс против графа (таким образом, он смог распоряжаться своими имениями и получать с них доход) и направил соответствующие рекомендации в Париж.

Ну как Софии было не «испытать чувство умиления добротой этого ангела»? Стоит ли удивляться, что вылепленный ею образ Александра I почти идеален? Она и ее мать молили Бога, чтобы он ниспослал Александру Павловичу долгие лета. При этом она заметила в поведении государя очевидные изменения: «Уже не проявлялось той беззаботной веселости, которая раньше одушевляла его...»

Добившись своего, София возвратилась во Францию. Видимо, под влиянием мужа, заседавшего в палате пэров, к этому времени она стала интересоваться политикой. В то время в центре внимания Европы был греческий вопрос, и София,

как и многие, надеялась, что Россия выступит в защиту «братьев-единоверцев». От Александра I ожидали «благородного» поступка, но он обманул ожидания. Графиня Шуазель-Гуфье объясняет это тем, что в греческом восстании был «роковой революционный дух», ломающий престолы. А как раз для защиты престолов и был создан при активном участии Александра I Священный союз европейских монархов. Мемуаристка не порицает русского государя за невмешательство в греческие дела — она словно входит в его положение. Но в то же время она избегает обычных для себя восхвалений в его адрес.

Весной 1822 года, через шесть месяцев после рождения сына, София приехала в Вильно по семейным делам. Тогда же — видимо, не случайно она оказалась в этот момент в городе — сюда прибыл Александр Павлович, дабы проинспектировать войска. Император узнал о приезде графини, послал спросить: «Не беспокоит ли он ее своим посещением?» — и получил приглашение. Первым делом при встрече государь задал вопрос о ребенке. Оказывается, после родов София написала Александру Павловичу письмо с просьбой быть заочно крестным отцом. Император «со свойственной ему добротой» согласился, поручив представлять себя русскому посланнику графу Шувалову. Однако католическое духовенство воспротивилось такому обряду. Графиня очень сожалела, что побоялась взять с сына с собой и теперь «не может повергнуть его к стопам» своего государя.

Они немного поговорили о внутривосточной обстановке во Франции, а затем София все-таки упрекнула Александра за то, что он не вмешался в греческие дела, дабы «совершить великое завоевание и избавить Грецию от тяготеющего над нею ига». Император заметил, что не мог сделать этого, поскольку великая Россия и без того «возбуждает внимание и зависть других европейских держав». К тому же образ действий греков противоречил принятой им системе и неизбежно нарушил бы с большим трудом водворенный в Европе мир. Да и, по мнению императора, турки уничто-

жили бы все греческое население прежде, чем русская армия успела подойти.

Дальше произошло нечто неожиданное. «После этой интересной, серьезной беседы государь вдруг перешел к колким шуткам по поводу нежных чувств французского короля к одной придворной даме». Он с нажимом произнес, что у шестидесятисемилетнего Людовика XVIII есть «любовница»! София заметила, что «это любовь платоническая». Александр Павлович парировал: «Я и этого не допускаю. Мне сорок пять лет... а я все это бросил». Известно, что после сорока лет Александр I перешел к «платоническим» отношениям с женским полом. Словно подтверждая это, София пишет, что в последние годы Александр ведет примерный образ жизни и госпожа Н. (то есть М. А. Нарышкина) давно уже находится в Париже. Тем не менее, как видим, император не преминул придать разговору интимный характер. И в конце его опять, в который раз, посетовал, что София до сих пор не побывала в Петербурге. Она подчеркивает: император «ничего не позабыл из того, что близко касалось меня». Последняя фраза, сказанная Александром, была такой: «Будьте уверены... что в моих чувствах к вам нет ничего личного и что дружба, которую вы мне внушаете, вполне чистая и бескорыстная».

Любопытно, что на балу в честь Александра I София видела великого князя Николая Павловича (будущего Николая I) и записала свои впечатления: «Я была поражена изяществом и необыкновенным достоинством его манер и разговора, и, по правде сказать, я нашла, что молодой великий князь смотрится еще более величественным, чем сам государь, который был гораздо красивее его». Надо отметить, что и наместника в Царстве Польском великого князя Константина Павловича графиня Шуазель-Гуфье описывает в самом выгодном свете. То ли все братья Романовы, вращаясь в избранном кругу, подавали себя с самой лучшей стороны, то ли графиню очаровывала уже сама их принадлежность к императорской фамилии. Ведь известно, что современники часто критически отзывались об этих персонах.

1824 год стал весьма важным в жизни графини Шуазель-Гуфье. Начался он тревожно: зимой опасно заболел ее герой — император Александр I. Врачи даже предполагали, что придется ампутировать ногу — опасались гангрены. Но все обошлось, и государь выздоровел. Когда он впервые показался в Петербурге после болезни, «народ везде при его проезде становился на колени... и благодарил Небо, сохранившее ему отца». В первых числах июня София с мужем и сыном приехали в Петербург. Окрестности его, с множеством загородных усадеб, поразили путешественницу «великолепием». Она не преминула отметить, что «прекрасные здания, порожденные богатством или прихотью, построены на плохой почве, представлявшей некогда обширное болото». «Равным образом» наша героиня оказалась «поражена величественной и правильной красотой Петербурга». София подробно описывает достопримечательности города: по ее мнению, он не уступает Парижу (в столице Франции только больше «величественных» зданий).

Узнав, что Александр I находится в Царском Селе, графиня решила отправиться туда — с сыном, но без мужа, который остался в Петербурге. Ехала она, «охваченная чувством робости и смущения» и желанием «повергнуть... верноподданнические чувства перед обожаемым государем», что, однако, не мешало иметь и вполне рациональную цель: у Софии были к царю житейские просьбы.

Пустынный вид императорской резиденции (Александр Павлович жил тогда очень уединенно) навеял на нее мысль о возможной холодной встрече — не такой, какими были их свидания в Товянах, Вильно и Варшаве. Опасаясь неудачи, София прибегла к посредничеству близких знакомых, графа и графини Ожаровских — граф состоял при особе императора генерал-адъютантом. Он и посоветовал нашей героине встретиться с императором во время его прогулки в царско-сельском парке как бы случайно.

София так и поступила, и тут выяснилось, что ее опасения ничего не стоили. Александр I, изумленный внезапной

встречей, пожурил графиню за то, что она «не отнеслась к нему как к другу» и не предупредила о своем приезде, а затем, по обыкновению, принялся расточать «разные любезности». Узнав, что София остановилась в гостинице, он предложил ей разместиться в Царскосельском дворце и сделал соответствующие распоряжения. Переселившись на следующий день во дворец, графиня вдруг обнаружила, что он предоставлен в ее полное распоряжение — в нем, если не считать слуг, кроме нее и сына, больше никто не жил... Александр Павлович, впрочем, счел нужным поинтересоваться — довольна ли она предоставленным помещением и достаточно ли оно просторно, чтобы в нем поместился и ее муж.

София не оставила идею крестить сына в православии и вновь обратилась к императору с просьбой быть крестным отцом. А когда он подтвердил свое согласие, завела речь о тяжелом материальном положении, в котором оказалось семейство Шуазель-Гуфье. Речь шла о ссуде из государственного банка на более выгодных, чем установленные правилами, условиях. Император терпеливо выслушал историю о том, как граф Шуазель-Гуфье разделил свое состояние между детьми от первого брака, оставив лишь средства для уплаты долгов. Таким образом, ему было дано понять, что у графа «нет ничего», а у его старой знакомой — «очень мало». В этой ситуации будущему крестному отцу не оставалось, видимо, ничего иного, как «обнадежить» Софию своим «неизменным участием» и попросить предоставить ему соответствующую записку. Что ж, графиня делала все, чтобы извлечь выгоду из своего положения в интересах семьи, дела которой оказались расстроеными...

Покончив с делами, заговорили о Петербурге. Выслушав комплименты в адрес своей столицы, Александр Павлович сказал, что при всем ее великолепии графиня не найдет здесь блестящего парижского общества. На это София, которая, как мы уже знаем, недолюбливала Францию, поспешила ответить, что парижское общество, «разъединенное столь различными интересами и взглядами... представляет собой мало

привлекательного... демон политики овладел всеми французами». Вслед за этим София выдала новую серию комплиментов — на этот раз царскосельскому парку, за которым, как сообщает она в записках, ухаживала тысяча человек. Здесь же имелась ферма, где был собран крупный и мелкий рогатый скот лучших пород. Ферма слыла «одним из любимых развлечений императора», да и за полевыми работами Александр Павлович наблюдал обычно с большим интересом.

В Царском Селе Александр I вел деревенский образ жизни: двор при нем отсутствовал, а штат слуг был самый минимальный. Уединенно, отдельно от мужа, жила там и императрица Елизавета Алексеевна: при ней состояла лишь одна фрейлина и она никого не принимала. Однако для графини Шуазель-Гуфье было сделано исключение. Стройная, хорошо сложенная, сорокапятилетняя императрица «благосклонно» встретила Софию. Отмечено было «достойное» ее поведение в 1812 году (Елизавета Алексеевна, вероятно, опять вспомнила про шифр) и упомянуты сочинения нашей героини из польско-литовской истории. Императрица заметила, что прочла их с удовольствием. Собеседницы нашли общий язык: обе увлекались литературой, в частности романами Вальтера Скотта. София так расчувствовалась, что «со слезами на глазах» сказала бывшей при государыне фрейлине: «Она так заслуживала быть счастливой», то есть позволила себе прямо намекнуть на давнее отчуждение Александра I и его жены.

Позже графиня Шуазель-Гуфье была представлена в Павловске императрице-матери Марии Федоровне. О ней, как и о других членах императорской фамилии, в мемуарах повествуется в превосходных тонах: добродетели матери Александра I, по мнению графини, «служат примером и гордостью всей ее семьи», она «сохранила благочестивую и нежную память о своем несчастном августейшем супруге (Павле I. — А. Д.)». У Марии Федоровны хранились «чудные коллекции великолепных гравюр» и имелась богатая библиотека, в ко-

торой, как с удовольствием замечает София, было два ее собственных романа. Самое благоприятное впечатление на графиню Шуазель-Гуфье произвели подведомственные императрице-матери женские учебные заведения — Екатерининский и Смольный институты, к которым она проявила пристальное внимание и даже отведала тамошнюю еду.

Любезного приема удостоился и муж мемуаристки. Александр I принял графа «так приветливо, что он проникся чувством восхищения и благодарности государю». Императрица Мария Федоровна, тоже давшая графу аудиенцию, вспомнила его отца, который часто бывал во дворце при Павле I. Наконец, 22 августа 1824 года крестили сына Софии, и, таким образом, она и Александр Павлович стали кумовьями.

Самая последняя их встреча состоялась накануне отъезда Александр I в Сибирь. Император обрадовал графиню удовлетворением просьбы о займе на выгодных условиях, но вот другую ее просьбу отклонил. София пыталась выхлопотать пасынку, который служил в России, место флигель-адъютанта при особе государя. Александр объяснил ей, что не может это сделать в обход других, более старых и заслуженных офицеров. А кроме того, ему, вероятно, надоели меркантильные просьбы, исходящие от четы Шуазель-Гуфье.

Когда речь зашла о будущем путешествии, графиня стала развивать мысль о возможном расширении границ Российской империи. На это царь ответил, что Россия и так чересчур велика. Обширность ее территории, замедляющая сообщение между частями страны, по мнению императора, «тормозила укрепление общего порядка».

Наблюдая, как ласково Александр разговаривал со своим новоиспеченным крестником, София мысленно посочувствовала тому, что у него нет детей. Две девочки, рожденные в венценосном браке, умерли в младенчестве, а совсем недавно, 18 июня, император потерял дочь от М. А. Нарышкиной. Причем утешала Александра Павловича в этом горе его жена, Елизавета Алексеевна. Вопреки общему мнению, что она не любила своего мужа, София была «убеждена в обратном».

Эта встреча Александра I и его несостоявшейся фаворитки носила налет неподдельной грусти. Когда графиня пожелала государю счастья, «печальное выражение» его лица «болезненно поразило ее сердце». Случилось так, что они уже никогда больше не встретились.

В июне 1825 года Александр Павлович, будучи в Варшаве, навестил мать Софии. Никто не мог предвидеть, что через пять месяцев он умрет.

Для графини Софии Шуазель-Гуфье Александр I — «герой», «великий человек», «ангел», пусть даже и не лишенный человеческих слабостей. Она с первой же встречи представила себя восторженной подданной императора и такой осталась навсегда. Читатель, конечно, может упрекнуть графиню в наивности и недостатке проницательности, но, как бы то ни было, ее мемуарам нельзя отказать в искренности. Да и так ли уж обманывалась она насчет характеров императоров Александра, Николая и великого князя Константина? Надо помнить, что графиня Шуазель-Гуфье принадлежала к избранному кругу лиц, близких к императорской фамилии, и все события видела под определенным углом зрения. Отец ее мужа, французский эмигрант, был обласкан Павлом I и получил от него богатые имения. Муж с его большой родней жил на доходы с них. Отец Софии, несмотря на службу Наполеону, не подвергся никакому наказанию. Сама София встречала только самый любезный прием у августейших собеседников и постоянно пользовалась этим, чтобы улаживать свои семейные дела. И пусть ее рассказ о русском императоре больше походит на панегирик, но при этом он содержит интереснейшие факты из жизни Александра Павловича и служит ценным свидетельством о времени его правления.

Царствовавшая над русскими поэтами...

Александра Осиповна Россет (в замужестве Смирнова), по определению императора Николая I, «царствовала над русскими поэтами». После себя она оставила «Записки», представлявшие собой целый ряд отдельных текстов, в том числе написанных в форме диалога. Разрозненность «Записок», не предназначенных специально для печати, — это просто записи для памяти наиболее интересных событий, встреч, бесед, которых много было в жизни этой женщины, — заставили ее дочь Ольгу на склоне своих лет (в конце XIX века) заняться их систематизацией. Ольга Смирнова утверждает, что она «ничего не исправляла, ничего не изменяла». По ее мнению, «Записки» матери интересны как «живое отражение эпохи, двора, салона Карамзина, светского кружка, где встречались Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Вяземский — все, что мыслило и писало в России; интересны отношения государя (Николая I. — *А. Д.*), императрицы и великого князя Михаила Павловича к этому кружку, где был принят и юноша Гоголь, где он начинал свою литературную карьеру».

Что же это была за женщина — Александра Осиповна Россет? Она родилась в 1809 году. Ее отец, французский дворянин Жозеф де Россет, эмигрант, флотский офицер, начал служить в России еще во времена Потемкина. Осип Иванович (по традиции имена иностранцев русифицировались) участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 годов, а позже был комендантом Одесского порта. В Одессе же он женился на девице из рода Лорер (из немцев французского происхождения, прибывших в Россию при Петре III), которая по материнской линии происходила из грузинской фамилии князей Цициановых. Имение Лореров было в Малороссии, и мать нашей героини охотнее всего использовала в общении «малороссийский» язык. Как видим, Александра Осиповна вышла из семьи, характеризовавшейся причудливым смешением наций и языков.

Итак, она родилась в Одессе. Детская память хранила картинки семейного быта: сад, ровесников, с которыми играла, отца и мать. В детстве Александра жила и в малороссийском имении семьи — Галаклее и, как сама как-то призналась Пушкину, до семи лет говорила «по-малороссийски». Отец умер в 1813 году. Признавая его заслуги перед престолом, устройством детей занялась императорская семья. Александру, которой покровительствовала императрица-мать Мария Федоровна, поместили в привилегированный Екатерининский женский институт в Петербурге. Двое старших братьев поступили там же в Пажеский корпус, а двое младших остались взрослеть на попечении у дяди. Мать Александры вышла вторым браком замуж за генерала Арнольди, от которого имела много детей, так что забот у нее прибавилось.

Позже Александра Осиповна подробно расскажет в своих записках о порядках Екатерининского института, о визитах в институт членов императорской фамилии, о страшном петербургском наводнении 1824 года и о восстании 14 декабря 1825 года, которые пришлись на ее институтские годы. Так, молоденькая Александра запомнила посещение института

императорской четой по случаю концерта знаменитой итальянской певицы Каталани. Императора Александра I Россет «нашла... очень красивым; главное, элегантным и величественным». Императрица Елизавета Алексеевна выглядела «некрасивой, маленькой, худенькой, старше государя; у нее на лице красные пятна».

Кумиром «институток» была их патронесса, императрица-мать Мария Федоровна. Она называла их «дети мои». И действительно, выпускницам, «у которых не было средств», она давала «полное приданое», сама присутствовала «при операциях и приезжала даже в тех случаях, когда требовалось придать бодрости какой-нибудь девочке, которой должны были выдернуть зуб». Россет пишет, что «члены императорской фамилии платили за воспитание множества мальчиков и девочек... Великий князь Михаил Павлович экипировал бедных кадет сотнями» за свой счет.

Наводнение 1824 года Александра запомнила таким: «Мы окончили урок... Вода поднялась так высоко, что барки, переполненные народом, прибило к институтской решетке... нижний этаж был уже в воде... Ветер бушевал. Шел проливной дождь. На черной воде, покрытой пеной, плавала мебель и трупы животных. Одна из классных дам видела даже плывущий гроб». Позже великий князь Михаил Павлович «хвалил хладнокровие графа Бенкендорфа и Милорадовича. Они объезжали город на лодке. В некоторых местах волны были такие же громадные, как в море». Петербургский губернатор генерал Милорадович, по мнению Россет, «подражал государю» и «был очень смешон».

Из института Россет вышла в 1826 году, в семнадцатилетнем возрасте. «Она понравилась молодой императрице Александре Федоровне (жене Николая I. — *А.Д.*), и та захотела взять ее к своему двору». Так началась ее придворная служба в качестве фрейлины. Причем ей поначалу приходилось «дежурить при обоих дворах» — как при Александре Федоровне, так и при Марии Федоровне, — до смерти последней в 1828 году.

Александра Осиповна входила в круг избранных лиц, с которыми император Николай I, императрица Александра Федоровна, великий князь Михаил Павлович коротали свои вечера во дворце. Наша героиня нередко читала августейшим собеседникам по их просьбе произведения Пушкина и Гоголя. Много было разговоров на темы недавней истории, периода наполеоновских войн. При этом в «Записках» о своем фрейлинстве Россет порой рассказывает с некоторой долей иронии. Так, когда императрица и ее фрейлины жили в военном лагере в Красном Селе (на летних маневрах), им приходилось испытывать много неудобств: избалованным дворцовыми порядками дамам непросто было адаптироваться к почти что армейским условиям проживания на лоне природы. Наша героиня пишет: «Мы одевались как солдаты, когда бьют тревогу... Я думаю, что даже солдаты не одеваются так быстро, как мы оделись вчера; к тому же мы умирали с голоду» и т. д.

Ольга Смирнова рисует такой образ Александры Осиповны: небольшого роста, «брюнетка с классическими чертами, с чудесными глазами, очень черными; эти глаза то становились задумчивыми, то вспыхивали огнем, то смотрели смело, серьезно, почти сурово. Многие признавались мне, что она смущала их своими глазами, своим прямым, пронизывающим взглядом. У нее были черные, со стальным оттенком, волосы, необыкновенно тонкие... сложение статуи: ноги, затылок, форма головы, руки, профиль, непринужденные движения, походка — все было классическим». Не удивительно, что многие попадали под обаяние «черноокой Россети», как ее называл Пушкин: смело можно назвать любого известного литератора и интеллектуала периода царствования Николая I, кто так или иначе отдал дань ее чарам. Александра Осиповна «не была специалисткой ни в какой области, но, как указывали Вяземский и Хомяков, в ней были душевная гармония и полнота». Не удивительно, что в ее гостиной можно было встретить и поэтов — «властителей дум» тогдашней России, и членов царской фамилии, в том числе самого им-

ператора. Причем, как подчеркивает Ольга Смирнова, государь бывал «необыкновенно откровенен». «С полной искренностью и откровенностью» разговаривали «с государем и всей царской фамилией» Жуковский, Вяземский, Пушкин и другие великосветские интеллигенты. Можно поразиться умению хозяйки гостиной создать атмосферу естественного и простого общения государя со своими подданными, пусть и принадлежавшими к светскому обществу.

Центральная фигура «Записок» Александры Осиповны Россет — Александр Сергеевич Пушкин. Россет знакомится с Пушкиным в 1828 году. Разница в возрасте между ними — десять лет. Если Александра Осиповна — восемнадцатилетняя фрейлина, недавно вышедшая из Екатерининского института, то Александр Сергеевич — хорошо известный двадцативосьмилетний поэт. Между тем многочисленные записи о Пушкине (в основном это подробные изложения его взглядов на литературу, историю, политику и проч., которые он высказывал во время личных бесед с Россет или дискуссий с другими известными людьми в гостиных и на вечерах у нее дома) свидетельствуют, что общались они на равных. В то время в кругу великосветских интеллигентов было принято давать друг другу прозвища. Так, еще со времен литературного кружка «Арзамас» Пушкина обычно называли Сверчком. Жуковский называл его Фениксом, а Россет предпочитала звать Искрой. В свою очередь, у Александры Осиповны была масса прозвищ: «донья Соль», «южная ласточка», «пэри», «колибри», «дева Роза» и т. п.

Как вышло, что Пушкин общался на равных с молодой фрейлиной и часто их беседы были весьма откровенными? Разумеется, одна из причин на поверхности — оба принадлежали «к высшему обществу». Но важно и то, что Россет сразу же «обозначила» себя как умная, образованная, понимающая толк в литературе барышня. То, что она являлась поклонницей пушкинского таланта, также способствовало интересному общению. Вот как Александра Осиповна описала свою первую встречу с Александром Сергеевичем на вече-

ре у Карамзиных: «Я увидела, что вошел незнакомый молодой человек, невысокий... Меня поразило то, как он вошел, поразили непринужденность, оригинальность, развязность, прекрасные манеры... Незнакомец быстро прошел через залу, в гостиную, где сидели серьезные люди. Я заметила, что он отлично держится». Представила Пушкина «черноокой Россети» Екатерина Андреевна Карамзина — хозяйка салона, вдова Н. М. Карамзина. Александра Осиповна «согласилась» танцевать с поэтом мазурку. Тут же она «рисует» его портрет: «У него голубые глаза с серым оттенком; когда зрачки расширяются, то глаза кажутся черными. Странные глаза: они меняют цвет, глаза говорящие. Его волосы выются, но они не черные и не курчавые. Зубы — поразительной белизны... Губы полные, но не очень толстые. В нем ничего нет негритянского. Воображают, что он непременно должен походить на негра, потому что его предок Ганнибал... Но Ганнибал не негр, а абиссинец, у него были правильные черты, лицо длинное и сухое... Софи Карамзина говорила мне, что Пушкин до двенадцати лет был блондином и потемнел уже позже. Его мать белокурая, и хотя происходила от Ганнибала, но ничем не напоминала негритянку... У Пушкина прекрасные руки с очень тонкими пальцами... Он простой, но элегантный; отлично держит себя, но танцует дурно.. У него грустная и добрая улыбка; голос очень приятный: в этом голосе есть что-то откровенное. Время от времени он насмешливо улыбается».

А вот как мемуаристка отзывается о характере и таланте Александра Сергеевича. «Каждый раз, что я говорю с Пушкиным, я выношу из разговора прекрасное впечатление. Обо всем он передумал и размышлял о множестве предметов... Он какой-то всеведующий, всезнающий, и у него оригинальный взгляд на историю». Особенно привлекателен был поэт во время споров, дискуссий: «У Пушкина были целые взрывы остроумия. Когда он в ударе — это просто фейерверк. А его гомерический, заразительный смех! Во всем мире нет человека, менее его рисующегося, это большая прелесть». И еще:

«Когда Пушкин одушевляется, он горячится и делается неистощим: он никогда не банален, напротив, замечательно своеобразен». Александр Сергеевич проявлял трогательное участие к своим добрым знакомым, особенно к женщинам: к Карамзиной, княгине Вяземской, Хитрово. На этом настаивает Россет, ибо «многие воображали, что у Пушкина не было сердца — только потому, что он был насмешлив, скептически отзывался о любви, о дружбе и вообще саркастически говорил о чувствах». Как бы подытоживая свою оценку гениального поэта, Александра Осиповна замечает: «Пушкин был прежде всего человек. Он любил свою жену, своих детей, он обладал великими качествами: он был честный гражданин, патриот без шовинизма, он имел свой взгляд на государство, установившиеся убеждения... он любил народ, при всем этом в душе его звучала религиозная струна». Любопытно, что как-то Александр Сергеевич поинтересовался мнением нашей героини о себе. Та ответила: «Вы очень добры... преисполнены ума и таланта, одним словом, вы именно таковы, каким мне вас изобразил Жуковский, то есть вы — феникс». В ответ, после «гомерического хохота», поэт сказал о себе: «Я не зол, никому не желаю дурного, я не изменник, не лгун; я вспыльчив, но не злопамятен и не завистлив. Я искренен и умею любить своих друзей и быть им верным, но у меня колкий язык».

Этот «колкий» пушкинский язык много вредил поэту. У него в высшем свете имелось много недоброжелателей, а то и прямо врагов. Причиной тому часто были едкая эпиграмма, острое сатирическое стихотворение. Вместе с тем по рукам ходили произведения, так сказать, «под Пушкина». Ольга Смирнова отметила, что «Пушкину приписывали множество эротических стихотворений, эпиграмм и тривиальных сатир». Однажды он с грустью говорил Александре Осиповне Россет: «Я и так краснею за то, что написал: я хотел бы все взять назад и сжечь... мне приписывают все глупости, которые теперь ходят по рукам... Все экспромты, сочиненные мною спьяну, — записывались, переписывались и разноси-

лись. Сколько врагов создали мне мои друзья и почитатели». Иначе говоря, Александр Сергеевич — жертва собственной популярности. Мало того, что его друзья предавали гласности то, что предназначалось для узкого круга и было сказано на пирушке. Графоманы еще и сочиняли за него.

Принципиальный вопрос: отношение к Пушкину императора Николая I и императорской фамилии. Россет отмечает, что оно было не просто лояльным, но прямо-таки дружественным. Достоянием общества стала фраза, брошенная Николаем I в 1826 году в разговоре с графом Блудовым, что Пушкин — «самый замечательный человек России». Известно, что во время первой встречи с поэтом царь пожелал быть его «цензором». И действительно, Николай просматривал произведения, которые Александр Сергеевич передавал ему. Посредником в этом выступала как раз Россет. В ее «Записках» не раз говорится о том, как она передавала пушкинские работы и затем сообщала поэту мнение государя о них.

Кроме того, Пушкин нередко встречался с Николаем I во время прогулок (царь сам инициировал такие встречи), да и на вечерах в разных домах. Александра Осиповна часто отмечает, что «государь очень хвалил Пушкина». Разговоры о нем императора и императрицы в присутствии фрейлины Россет были частыми. Александра Осиповна писала: «...Государь любит Пушкина и всегда справедлив к нему». Через нее император не раз передавал «советы» Пушкину «быть благоразумнее: не задирать людей», поскольку Николаю I жаловались на поэта его недоброжелатели.

В «Записках» представлены восторженные отзывы царя о стихотворениях, поэмах «Граф Нулин», «Медный всадник», «Полтава», драме «Борис Годунов», романе «Евгений Онегин» и др. Николай I высоко ценил Александра Сергеевича, и, когда зашла речь о «Ревизоре» Гоголя, он заметил, что, «если Пушкин находит у автора талант — этого достаточно». В том же ключе о поэте высказывался и брат императора — великий князь Михаил Павлович. «Вначале он был предубежден против Пушкина», но потом переменял мне-

ние. Как-то он сказал: «Смотрите, как оклеветали Пушкина! Кроме того, что он талантлив, он вполне порядочный человек, рыцарь. Какой честный и гордый характер! Он очаровал меня». Императрица Александра Федоровна, говоря о таланте и характере Александра Сергеевича, вторила своему августейшему супругу. Она как-то передала Россет слова Николая I о первом поэте России: «Ваш поэт может быть спокоен; государь уверен в его совершенной честности и прямоте; он убежден, что Пушкин никогда в жизни не изменит им, что он ничего не сделает исподтишка, государь знает, что он вполне порядочный человек, но, к несчастью, он создал себе множество врагов. Это большая ошибка с его стороны. Но нам она доказывает его искренность и откровенность. Государь хорошо это знает».

Надо сказать, что, по утверждению Александры Осиповны, Пушкин отвечал императорской семье взаимностью. Так, незначительные поправки царя к «Графу Нулину» вызвали у поэта «восторг». Он заметил, что у государя есть «определенный вкус и критическое чутье». (Тут же Ольга Смирнова замечает, что «эта сторона характера Николая Павловича мало известна и еще недостаточно оценена».) Когда Николай I поручил Пушкину быть историографом и разрешил заниматься в архивах, Россет заметила: «Искра ничего лучшего не желает. Он в восторге». А вот сохраненные ею высказывания Александра Сергеевича, к которым нечего прибавить: «Мне хотелось бы, чтоб государь был обо мне хорошего мнения... Я ему очень предан. У него характер непреклонный, но ум — нет. Когда он убедится в чем-нибудь, он первый признает свою ошибку и дает себя разубедить. Это громадное достоинство. От этого с ним можно говорить откровенно... Меня упрекают в том, что я предан государю. Думаю, что я его знаю; и знаю, что он понимает все с полуслова. Меня каждый раз поражает его пронизательность, его великодушие, его искренность». И еще: «Он найдоверчивый из людей, потому что сам человек прямой; а это-то и страшно. Он верит в искренность людей, которые часто его обманывают».

Конечно, читатель может усомниться в том, что Александр Сергеевич так оценивал Николая I, которого российские либералы не очень-то жаловали и наградили прозвищем «Палкин» за наследственную любовь к муштре и парадам. Возможно, Россет, известная близостью к императорской семье, слишком пристрастна и не всегда точна. Современники намекали даже, что Александра Осиповна Россет была любовницей Николая I (правда, никаких подтверждений этому нет). Но по нашему мнению, отношение Пушкина к царю описано достоверно. Может, просто фрейлина знала царя лучше, чем русская либеральная общественность?

Что же касается «недоброжелателей» поэта, то самым влиятельным из них, по мнению Россет, был управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шеф корпуса жандармов граф А. Х. Бенкендорф. Сам Пушкин открыто об этом говорил Александре Осиповне. Она передает его слова так: «Человек мне наиболее враждебный — Бенкендорф; из-за “Цыган”; он защищал немца, который украл мое авторское право на второе издание; начало нашего антагонизма относится, я думаю, к этому времени; кроме того, он обладает педантичным упрямством немецкого советника, он совершенно лишен идеала, воображения и был бы прекрасным чиновником в Гессен-Касселе и всякой другой трущобе; он действует в стране, которой не знает; он исполнен тайного презрения немцев к России, он не любит Россию, не любит государя, так как совсем не понимает его... Я чувствую, что он мне вредит и будет вредить.. Это Бенкендорф настроил против меня Уварова (министра просвещения. — А. Д.), когда я написал стихотворение на выздоровление Лукулла; я нисколько не метил в Уварова». Россет на это ответила: «Не давайте на себя оружия Катону (это было прозвище Бенкендорфа, данное великосветским интеллигентским кружком. — А. Д.)... государь, которому приписывается многое, даже не подозревает, что эти вещи делаются его именем». Пушкин продолжал: «Не думайте, чтобы у меня было предубеждение против Бенкендорфа; я признаю

за ним некоторые достоинства: он усерден, честен... но у него совершенно ложный взгляд на русский характер и на приемы, с какими можно исполнять его полицейскую должность. Государю известно, что он усерден, честен, что в отношении честности он джентльмен, и его величество полагает, что честность эта распространяется и на остальные действия».

Бенкендорф был очень влиятелен. И как только Пушкин давал к тому повод, он нападал на поэта. Шеф жандармов часто представлял «большим роялистом, чем сам король» — он больше тревожился за устои самодержавия в России, чем сам Николай I! Так, он набросился на Пушкина из-за его стихотворения «Анчар», полагая в нем прямой намек на российскую действительность. В конце концов пришлось вмешаться Николаю I и взять поэта под защиту. Император поделился своими аргументами с Россет: «То был раб, а у нас крепостные. Я прекрасно понял, что хотел выразить этим стихотворением Пушкин... он совершенно прав, говоря, что прежде всего мы должны возратить русскому мужику его права, его свободу, его собственность». В другом месте «Записок» мемуаристка замечает: «Мне кажется, что ему (Бенкендорфу. — А. Д.) хотелось бы совсем упразднить русскую литературу».

Бенкендорф питал к Пушкину «антипатию» с 1826 года. Об этом Александре Осиповне говорил граф Блудов: «Государь призвал Пушкина, не посоветовавшись с графом Бенкендорфом, воображающим, что с ним следует совещаться по всякому делу. В качестве шефа жандармов он хотел распространить свою опеку на самого государя». Не исключено, что Пушкину Бенкендорф не доверял из-за его близости к декабристам. Если бы в 1826 году царь посоветовался с шефом жандармов насчет определения дальнейшей судьбы поэта, то «Катон» явно бы порекомендовал для него что-то вроде ссылки.

Читатель может задать вопрос: почему же Николай I, если он весьма положительно отзывался о характере и таланте Пушкина, не приказал Бенкендорфу оставить поэта в покое? И почему император, скажем мы, не выпускал Александра

Сергеевича за границу? Александра Осиповна несколько раз касается этой темы. Как-то Пушкин признался ей, что, провозжая одного приятеля в Кронштадт, он едва удержался от желания «спрятаться где-нибудь в каюте и просидеть там до тех пор, пока корабль не выйдет в открытое море». В 1828 году Александр Сергеевич собирался в Париж и даже написал об этом Бенкендорфу, но, как мы знаем, разрешения не получил. Позже он страстно желал посетить Англию и Италию, но и сам, похоже, не верил, что эти мечты могут осуществиться. «Это воздушные замки, друг мой», — сказал он однажды о собственных планах. Очевидно, Николай I все же прислушивался к предостережениям Бенкендорфа и ему подобных, а возможно, и сам проявлял осторожность: спокойнее было, когда Пушкин находится перед глазами и все его произведения проходят августейшую цензуру.

Судя по «Запискам», Александра Осиповна не одобряла выбор Пушкиным жены. Наталья Николаевна Гончарова, по определению нашей героини, «так необразованна; из всех его (Пушкина. — *А. Д.*) стихотворений она ценит только те, которые посвящены ей». В обществе Наталья Николаевна часто воспринималась «ребенком», которого муж «обожает и очень балует». Императрица, например, как-то заметила, что Натали «похожа на героиню романа, она красива, и у нее детское лицо». Россет пишет, что гениальные пушкинские стихи наводили «смертную тоску на его жену». Будто бы даже однажды в присутствии мемуаристки Наталья Николаевна воскликнула: «Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!» Александра Осиповна пишет, что от обиды за поэта «кусала себе губы, чтоб удержаться от вмешательства». Пушкин же отшутился: «Натали еще совсем ребенок. У нее невозможная откровенность малых ребят». В общем, Наталья Николаевна ухитрилась оставаться «ребенком», даже будучи матерью четырех детей!

Вообще отношение семьи Гончаровых к Пушкину вызывало у Александры Осиповны отторжение. Он с досадой пишет: «Семья ее (Гончаровы. — *А. Д.*) так мало способна це-

нить Пушкина, что несколько более довольна с тех пор, как государь сделал его историографом империи и в особенности камер-юнкером; они воображают, что это дало ему положение... В их глазах гениальный поэт — ничто!» Тут же Россет замечает, что «Пушкина раздражали и приятели, которые смеялись над камер-юнкером, которому за тридцать, тогда как вообще камер-юнкеры очень молодые люди». Из ее «Записок» прямо вытекает, что в основе трагедии, происшедшей с Пушкиным, лежала неспособность его жены-«ребенка» оценить гениальность мужа. Но об этом — позже.

Постоянно присутствовала в беседах Пушкина с Александрой Осиповной тема декабристов. Она вспоминала: «Пушкин приходил ко мне и показывал стихи Одоевского и письмо, присланное из Сибири. Он долго говорил о деятелях 14 числа; как он им верен! Он кончил тем, что сказал: “Мне хотелось бы, чтоб государь был обо мне хорошего мнения. Если бы он мне доверял, то, может быть, я мог бы добиться какой-нибудь милости для них”». В особенности поэт мечтал помочь Кюхельбекеру. Александр Сергеевич случайно встретил своего лицейского друга на почтовой станции, когда его везли в крепость Динабург. Пушкин собирался поговорить о Кюхельбекере с Николаем I «в тот день, когда одна из поэм очень понравится государю». Поэт хотел просить для «Кюхли» ссылку в Сибирь, которая для него была куда лучше, нежели тюремное заключение.

Когда ему сказали, что в Петропавловской крепости принято служить панихиды по погибшим или казненным здесь узникам, он попросил Александру Осиповну узнать о панихиде по пяти повешенным декабристам. Наша героиня спросила об этом у великого князя Михаила Павловича, на что брат императора ответил: «Само собою разумеется». Пушкин как-то признался Россет, что он «всегда служил панихиду по декабристам (пяти казненным. — А. Д.) в день именин их». Он расспрашивал Россет о том, что она наблюдала в Царском Селе в день казни декабристов. Александра Осиповна видела государя, который «был бледен и мрачен». Когда было по-

лучено известие о казни, Николай I «отправился в часовню и велел отслужить панихиду, на которой он присутствовал, а затем заперся в своем кабинете». В тот же день Россет стало известно, что «Бенкендорф стоял за смертную казнь для примера», то есть именно он был самым решительным сторонником казни. Причем вначале император определил расстрел, поскольку приговоренные к смерти были офицерами и по традиции именно этот вид казни был приличен для них. Но кто-то (уж не Бенкендорф ли?) настаивал именно на повешении, и царь «с трудом согласился».

Александра Осиповна обращает внимание на высказывания Александра Сергеевича о женщинах. Однажды Вяземский спросил Пушкина, «нравятся ли ему ученые женщины XVIII столетия?». Тот ответил: «Нет, они были педантки; да и вся эта эпоха меня не восхищает». Вообще же поэт считал, что удел женщины вовсе не в том, чтобы быть «только хозяйкой, или нянькой, или светской барыней». Он выделял умных женщин и говорил: «Я больше всего люблю женщин, искренне любящих поэзию... Такие женщины приводят меня в восторг, даже если они говорят, что тот или другой стих у меня плох. Это — мои друзья». Это последнее высказывание объясняет, почему он считал своим искренним другом Александру Осиповну Россет. О ней, в ее присутствии, он как-то сказал Николаю I: «Это мой самый строгий цензор; она уважает поэзию, но не поэтов. Она третирует их свысока, но у нее музыкальное и верное ухо». Именно после этого разговора император «назначил» нашу героиню быть «курьером Пушкина», то есть передавать ему его стихи. По вполне понятным причинам в «Записках» почти не приводится высказываний Пушкина о характере и способностях мемуаристки. Александра Осиповна позволила себе упомянуть лишь суждение поэта о том, как «умно» и удобно обставлены ее кабинет и будуар. Из этого он сделал заключение об «уме и вкусе» хозяйки.

Разумеется, при встречах в кругу великосветских интеллигентов, каждый из которых так или иначе участвовал в ли-

тературной жизни России, было много споров о литературе. Пушкин прекрасно разбирался в древней и средневековой литературе, в произведениях европейских и отечественных поэтов и писателей Нового времени. На вопрос Россет: «К чему дают ученикам, школьникам произведения греческих и латинских авторов, если они часто неудобны для чтения?» — поэт сказал, что такие древние авторы, как Гомер, Гесиод, Еврипид, Софокл, Вергилий и Эсхил, «вполне пристойны». Есть у древних «комедии малопрстойные, есть у них поэты вольные и циничные; но все же они неизмеримо менее развратны, чем некоторые французы». Касаясь средневекового эпоса, Пушкин заметил, что «разница невелика между Сагами, Эддами и песнью о Нибелунгах... Трубадуры Прованса старше немецких; а что касается литературы французской и английской эпохи первых трубадуров, то они вполне тождественны». Причем поэт подчеркивал, что север и северо-запад Европы всегда были более «варварскими», в том числе и с точки зрения литературного процесса. Александр Сергеевич полагал, что византийская культурная традиция отразилась на русской: «К нам проникло множество языческих легенд». Вообще для него было типично утверждение о заимствовании и сочетании у всех народов чужой и собственной культурной традиции. Говоря о славянских корнях русской литературы, поэт вспоминал сказки «своей бабушки и Арины» (то есть няни Арины Родионовны).

Обращаясь к европейской литературе, Александр Сергеевич заметил, что, читая «Божественную комедию» Данте, он понял, что «прекрасному надлежит быть величественным». Данте он сравнивал с Шекспиром: «Это два гиганта, создавшие целое человечество». Шекспира Пушкин считал «великим образцом драматурга. Посмотрите, сколько человеческих фигур он создал из разных стран, разных эпох... Шекспир — явление единственное и останется единственным». Поэт выделял французскую литературу XVII—XVIII веков (Расина, Корнеля, Мольера, Фенелона, Ларошфуко, Бомарше, Воль-

тера...). Он считал, что в XVIII веке «французский ум дошел до своего высшего расцвета».

Довольно много размышлений Александра Сергеевича приведено мемуаристкой о современных ему авторах. Особенно он почитал Байрона: «Этот человек понял Восток, Грецию, античный мир, океан, Рим, оба Рима: языческий и христианский». В то же время, будучи уже в зрелом возрасте и признанным первым русским поэтом, Пушкин пересматривал свое отношение к знаменитому англичанину. Так, реальный Мазепа — лицо трагическое, а у Байрона он трактуется в романтическом ключе. Некоторые поэмы, которыми Александр Сергеевич «в былое время так восторгался, за исключением удивительных описаний и стихов, (ему) уже мало говорят». Все же Пушкин считал «вещами единственными не только в английской литературе, но и в других» поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Каин», «Проклятие Минервы», ряд стихотворений. В качестве любимых авторов он выделял Шенье («Да — это настоящий поэт; его даже можно назвать греком»), Гейне (он — «великий лирик и в то же время очень остроумный; такое сочетание весьма редко»), Гюго с его «великим лирическим талантом». Что касается авторов исторических романов, то Пушкин больше других ценил Вальтера Скотта: «Его герои из народа; чувствуется, что это почерпнуто прямо из народного характера, в них есть свой особенный, сухой юмор...» А вот «герои Дюма — хвастунишки, но в них нет ничего подлого, ничего низкого».

В великосветском интеллигентском кружке часто вспыхивали споры о польском поэте Мицкевиче. Как утверждает Александра Осиповна, творчеством Мицкевича был «чрезвычайно увлечен» Вяземский. Пушкин называл польского поэта «великим лириком», но ему не нравилось, что он слишком подражал Байрону. Из русских авторов Александру Сергеевичу приходилось защищать Кондратия Федоровича Рылева — между прочим, от нашей героини. Александра Осиповна не была почитательницей его творчества. Пушкин же

доказывал, что в поэме «Войнаровский» «встречаются великолепные строфы». Кондратий Федорович «обладал огромным талантом, но подчинил вдохновение и воображение» своим политическим целям. Это последнее Александр Сергеевич считал ошибкой, ибо «историческая правда есть настоящая поэзия, заключающаяся в самой жизни» (этому правилу поэт, по его словам, всегда стремился соответствовать). Россет была уверена, что Пушкин восхищается стихами Рылеева «по дружбе» к нему. По свидетельству самого Александра Сергеевича, они были с Рылеевым «в переписке». Конечно, Пушкин чтит память казненного поэта, но вряд ли он оценивал Кондратия Федоровича «по дружбе», а не по его таланту.

Не менее обстоятельно говорили и об истории. Надо сказать, что целого ряда сюжетов из отечественной истории касался в разговорах с Пушкиным Николай I. Император (неожиданность для многих наших читателей) высказывался отрицательно о законодательстве по крепостному праву, которое появилось во время правления Бориса Годунова при царе Федоре Ивановиче и во время царствования самого Годунова. Николай I «не разделял мнения Карамзина о необходимости этой меры» тогда. Вообще, утверждает Россет, император собирался выкупить крепостных у помещиков, но мероприятие это проведено не было.

Конечно, крепостное право в XIX столетии было тормозом социально-экономического развития страны. Но складывалось оно в средневековой России постепенно, по мере социально-экономического развития страны, и мнение Николая I о том, что его ненужно было «вводить» (если оно, конечно, передано верно), — по сути, антиисторично.

В присутствии Александры Осиповны император высказывал императрице свои впечатления о драме «Борис Годунов». Он не верил, что Лжедмитрием I был Григорий Отрепьев (этой версии придерживались Карамзин, Пушкин, да и придерживается большинство современных историков). Аргументы императора не лишены логики: «Невозможно, чтобы Отрепьев, воспитывавшийся в Москве, мог говорить

по-польски и знать латынь. Он был послушник, а монахи тогда были совершенно невежественны». Кроме того, Отрепьева «хорошо знали в Москве». Самозванец, по мнению императора, «был литвин или галицкий авантюрист».

Как-то Александра Осиповна подробно записала за Александром Сергеевичем переданный им целый пласт рассуждений императора об истории XVIII столетия: о захоронении в Петропавловской крепости царевича Алексея Петровича и царя Ивана VI Антоновича, о происхождении так называемой княжны Таракановой, о двух детях императрицы Елизаветы Петровны от ее тайного брака с Алексеем Разумовским. Николай I советовал Пушкину «прочитать все воспоминания того времени о Петре Великом и его дневник... Он восторгался Петром Великим». Погибшего на плахе при императрице Анне Ивановне Артемия Петровича Волынского Николай I характеризовал как «человека способного, но дурно окруженного». Бирон же, по мнению царя, «отличался хитростью, постыдными пороками, страшною алчностью, холодною жестокостью и ненавистью к русским» и т. д. В оценке либерального реформатора М. М. Сперанского мнения Пушкина и Николая I сошлись. Поэт (как замечает мемуаристка, не любивший Сперанского) отдавал ему должное как человеку «умному, но с понятиями XVIII столетия». Император, который ненадолго приблизил к себе Михаила Михайловича, согласился с поэтом, сказав: «Я ошибся относительно него».

Царь часто беседовал с Пушкиным об отечественной истории после того, как назначил его «историографом». Николай Павлович, по свидетельству мемуаристки, поощрял интерес поэта к историческим изысканиям и написанию произведений на исторические темы. Вообще же из «Записок» Россет следует, что не только Николай I, но и его брат, великий князь Михаил Павлович, имели основательные познания в истории России и знали порой такие факты, которые были скрыты даже от таких ее «знатоков», как Карамзин и Пушкин. Члены императорской фамилии могли спокойно затре-

бовать любой документ из архивов, да и в личных библиотеках у них имелось немало раритетов.

Александра Осиповна также приводит меткие наблюдения самого Пушкина об истории России и об исторических деятелях. Так, о русских князьях Владимире Святом, Владимире Мономахе, Ярославе Мудром, Александре Невском поэт «отзывался с большой похвалой». Ивана III Пушкин считал «страшнее своего внука (Ивана Грозного. — *А. Д.*). Женщины падали в обморок при виде его; и при этом он был под башмаком у своей гречанки». Александр Сергеевич имел в виду вторую жену Ивана III — Софью Палеолог и, надо признать, несколько преувеличивал ее влияние на политику мужа. Важная деталь: Александр Сергеевич справедливо указывал на то, что Иван III и Иван IV Грозный были не более жестокими и кровавыми правителями, чем их европейские современники XV—XVI веков: французский король Людовик XI и английский король Генрих VIII. В этот период и в России, и в европейских государствах происходил процесс укрепления монархической власти посредством наступления на права феодалов. Отсюда подчас изощренная жестокость и кровопролитие.

Особенно Пушкин ценил Петра Великого (в этом, как мы видели, он был солидарен с Николаем I): «Он был гениален во всем, что имело отношение к будущности страны... и совершенно сын своего века в исполнении, в мелочах и в нравах». Вяземский же «с горечью порицал приемы Петра и превозносил Екатерину II». Пушкин возражал: «Я ничего не отнимаю от нее... но она явилась позже... я не могу простить ей разорение духовенства, закрепощение малороссов и то, что, когда она согласилась на раздел Польши, она не взяла Галицию и Галицкую Русь с другими русскими провинциями». Относительно оценки роли Петра Великого Александр Сергеевич часто спорил с известным славянофилом А. С. Хомяковым. Мемуаристка замечает, что Хомяков «нападал на Петра» в основном за то, что «он задавил национальную гордость, национальное чувство». Пушкин

ответил: «Ты не убедишь меня в том, что Петр не был патриотом. Я нахожу его голландское платье матроса не менее русским, чем восточные костюмы и азиатские привычки Ивана IV или чем византийский этикет старой Москвы». Наконец, Хомяков выпалил: «Он убил своего сына (царевича Алексея. — *А. Д.*), заточил в монастырь свою жену (Евдокию Лопухину. — *А. Д.*) и женился на маркитантке (Екатерине Скавронской. — *А. Д.*)». Поэт стоял на своем: «Сын его изменил России; это был негодяй. Жена его тоже была негодной женщиной... а маркитантка спасла при Пруте русскую армию, и ей мы обязаны окончанием Петербургской академии... Алексей и Дуня Лопухина не стоили Екатерины Скавронской».

Александр Сергеевич, когда однажды зашла речь о знаменитых придворных английской королевы Елизаветы I, высказался, что при дворе императрицы Елизаветы Петровны также имелось немало «личностей выдающихся и полезных, в особенности Шувалов (граф Петр Иванович. — *А. Д.*)». Хорошо известно пристальное внимание Пушкина к пугачевскому восстанию. Оно отражено в его творчестве («Капитанская дочка» и «История Пугачевского бунта»). Александре Осиповне он прямо признавался, что «влюблен в “маркиза” Пугачева» («маркизом» крестьянского предводителя называла Екатерина II. — *А. Д.*). Правда, позже поэт сказал ее мужу, что он согласен с императором, который заметил как-то, что Степан Разин и Емельян Пугачев, «в сущности, не имели ни истинных целей, ни политической задачи; задача заключалась в грабеже, в бесцельном беспорядке».

Пушкин, по словам Россет, точно подмечал, что «во всех тайных записках о России XVIII века говорится о наших варварских нравах и обычаях; они конечно не были утончены, но двор Фридриха-Вильгельма (прусского короля. — *А. Д.*) был отвратителен». Александра Осиповна подробно записала часовую «лекцию» о русской истории, которую фактически прочитал Александр Сергеевич французскому посланнику де Баранту. Последний, по свидетельству Россет, «был

в восторге». Пушкин особенно остановился на царствовании Бориса Годунова, приходе к власти Романовых, Петре Великом и Екатерине II. Он говорил о боярской думе как «совете аристократов», которая вела свое начало со времен первых князей, о земском соборе — «вроде русских Генеральных Штатов» (то есть парламента. — *А. Д.*), о крепостном праве, начавшем оформляться законодательно с правления Бориса Годунова, о «служилом дворянстве» во времена Петра Великого и т. д.

Остро стоял в то время русско-польский вопрос. Александр Сергеевич говорил о нем в историческом ключе: «Задолго до пожара 1812 года поляки осаждали, грабили и жгли Москву, отнюдь не менее татар»; не «мы одни учинили раздел Польши», — подчеркивал он. Поэту приходилось отстаивать свое мнение, поскольку не всем его знакомым нравились стихи «На взятие Варшавы» и «Клеветникам России» (ответ Пушкина на польское восстание 1830—1831 годов). Александра Осиповна Россет была в этих спорах на стороне Пушкина. Между прочим, она довольно подробно описала, как в России воспринимались польские события 1830—1831 годов. О польском восстании она, фрейлина и доверенное лицо императрицы, знала из первых рук, от членов императорской семьи. Когда пришло сообщение о взятии Варшавы, все искренне радовались, что дело идет к концу. Николай I заметил, что «поляки очень храбры». Оплакивали смерть известных лиц: «Умер Дибич, скончался от холеры и великий князь Константин Павлович» и т. д.

Александр Сергеевич как-то спросил Россет о наиболее интересующих ее исторических личностях, и она назвала тех европейских деятелей, в которых, по ее мнению, было «нечто живописное, поэтическое, героическое»: Баярда, Ричарда Львиное Сердце, Людовика Святого, Генриха IV, Карла I, Марию Стюарт, Густава Вазы и др. Поэт заметил, что все они — «легендарные герои... Современники, сложившие о них легенды, видели их такими в своем восприятии; хотя почти во всех этих легендах есть доля истины». Когда же за-

шел разговор о роли женщин в истории, он сказал, что «во все времена женщины, бывшие на престоле, отмечались необычайными дарованиями: Семирамида, Клеопатра, Мария Терезия, Елизавета Тюдор, наша Елизавета, Екатерина II и даже Екатерина Скавронская, Кристина Шведская» и др. Вообще же поэт свободно рассуждал об особенностях феодальной европейской монархии, европейскую Реформацию XVI века называл «настоящей и истинной революцией» и высказывал мнение, что изгнание гугенотов из Франции, ослабив страну, привнесло «новую промышленность в Англию» и дало «много пользы Швейцарии, Голландии, а особенно Пруссии». Интересен взгляд Александра Сергеевича на Наполеона: французский император, «быть может, и любил Францию, но он смешивал ее с собственной особой, Франция — это был он. Вот почему он не понял патриотизма испанцев, русских, немцев, англичан, того патриотизма, который наконец победил и уничтожил его». А о прусских королях он высказывался следующим образом: «Фридрих Великий создал Пруссию при помощи пушечных выстрелов, а отец его — палочных ударов, под барабан».

Александра Осиповна вспоминает, что она неоднократно обращалась к членам императорской фамилии за историческими справками, о которых ее просил Пушкин. В основном речь шла о малоизвестных фактах царствования Александра I. Особенно осведомленным оказался великий князь Михаил Павлович. Он рассказывал об отношении Александра I к Наполеону («был им очарован, но ненадолго»), к французскому министру иностранных дел Талейрану («он предал всех, кому служил»), австрийскому и английскому министрам иностранных дел Меттерниху и Кастельри (государь их не любил: «Если бы не Россия и не посредничество государя, они в 1815 году разорвали бы Францию на части») и т. д.

В обществе носились слухи о том, что Пушкин — чуть ли не безбожник. «Записки» Россет доказывают обратное. Так, она как-то раз сказала поэту: «Уверяют, что вы неверующий». Он расхохотался и сказал, пожимая плечами: «Значит, они

меня считают совершенным кретином». О Евангелии Александр Сергеевич говорил так: «Вот единственная книга в мире: в ней все есть». После этих слов Александра Осиповна записала: «Я думаю, что он серьезно верующий, но он про это никогда не говорит». С ней был согласен и Жуковский, заметивший: «Пушкин... несравненно более верующий, чем я». О постоянном чтении Священного Писания поэт говорил сам: «Я читал Библию от доски до доски в Михайловском, когда находился в ссылке... но и ранее я много читал Евангелие». Веру в Бога поэт почитал глубоко «народным» чувством, поскольку «инстинкт веры присущ каждому человеку». Вообще же «вера, надежда, любовь — естественные чувства для человека... Он чувствует, что Бог существует, что Он есть высшее существо вселенной».

Мемуаристка приводит в «Записках» слова де Баранта, сказанные великой княгине Елене Павловне, что Пушкин — «великий мыслитель, он мыслит как опытный государственный муж». Возникает вопрос: если даже внимательные иностранцы видели в Пушкине таланты «государственного мужа» (а его друзья — и подавно), то что мешало хорошо относившемуся к поэту, как это видно из текста «Записок» Россет, Николаю I назначить Александра Сергеевича на какой-нибудь видный пост? Когда делались подобные оценки, Пушкину было уже за тридцать. В то время не так уж мало было людей, которые достигли к этому возрасту генеральских рангов на военной и гражданской службе. А Пушкин всего-то успел стать камер-юнкером, над чем многие посмеивались. Ведь были прецеденты, когда крупные литераторы занимали весьма значительные должности, — достаточно назвать имена И. И. Дмитриева, Г. Р. Державина да и В. А. Жуковского. Вероятно, сам Александр Сергеевич отнюдь не стремился сделать карьеру. Но то, что Николай I назначил его историографом и при этом не предложил должность с соответствующим рангом (камер-юнкер — это скромный придворный чин), свидетельствует о совсем непростых отношениях поэта и власти. Приходится признать, что Александра Осипов-

на Россет вольно или невольно пытается сгладить имевшиеся противоречия.

В ходе одного из разговоров зашла речь о судьбе. Пушкин сказал: «Я имею предчувствие, что умру молодым». А когда Вяземский вспомнил о его «железном здоровье», Александр Сергеевич заметил, что «любимцы богов умирают молодыми». Конечно, поэт отлично осознавал свое великое предназначение. Предчувствие его не обмануло: он погиб тридцатисемилетним. Александра Осиповна уверена, что причины гибели Пушкина кроются в интриге великосветских врагов поэта и губительном для него поведении его близких. Вот Жуковский выражает мемуаристке недовольство «всеми окружающими Пушкина, его семьей... отец его им гордится, но он не понимает, что роль управляющего не к лицу его сыну, что Пушкин в этом ничего не смыслит и что это его даже раздражает... Семья Натали живет фантазиями, она воображает, что раз Натали бывает при дворе, она может выдать замуж своих сестер». Россет приводит слова одного из родственников Пушкина: «Державин был министром, хотя и писателем, ему бы (Пушкину. — А. Д.) следовало также писать, но он пишет вещи бесполезные, так как не продвигается по службе, он не имеет высокого чина. Теперь он историограф, это хоть что-нибудь; но Карамзин достиг высоких чинов, имел ордена, а Пушкин только камер-юнкер». Как видим, отец великого поэта вынуждал его заботиться об управлении имениями, а кроме того, требовалось зарабатывать деньги, думать, как пристроить замуж двух сестер жены... Неудивительно, что Пушкин, вынужденный во все это вникать, «раздражался»...

Отношения с женой Натальей Николаевной представляли собой отдельную проблему. Известно, что Пушкин ее горячо любил (это отмечает и Россет). Но Александра Осиповна пишет, что Наталья Николаевна «находится под очень дурным влиянием... Многие стараются возбудить ее ревность, а у нее так мало проницательности, что она верит всему, что ей рассказывают... Их хотят поссорить». Россет показывает, как

опытные интриганы отравляли жизнь великого поэта, используя его недалекую жену. Нам нет нужды описывать известные читателю обстоятельства, приведшие к дуэли Пушкина с Дантесом. Все это есть и в «Записках» Александры Осиповны. В тот момент, когда разыгралась трагедия (зима 1836—1837 годов), ее в Петербурге не было. Она находилась с мужем, дипломатом Николаем Михайловичем Смирновым, за границей, во Франции, и судила о событиях в столице по письмам своих знакомых.

Высший петербургский свет после трагической дуэли поделился на два противоположных лагеря: на тех, кто оплакивал Пушкина и требовал наказания Дантеса, и тех, кто Дантеса оправдывал и во всем винил поэта. В нашем случае имеет значение позиция женщин, принадлежавших к разным лагерям. Поклонницы пушкинского гения — корреспондентки Александры Осиповны — не жалели черных красок в передаче «прегрешений» Натальи Николаевны. «Бедная Натали не была ни хитрою, ни тонкою кокеткой; она передавала Пушкину все пошлости, которые ей расточали, и это невыразимо мучило его», — пишет Россет. И далее: «Ослепление Натали привело в итоге к дуэли и смерти ее мужа». Однако Александра Осиповна не была склонна винить только Наталью Николаевну. Вот какой тирадой она разразилась: «Как ненавиستن мне этот беспечный свет с его насмешливостью, этот свет, где посредственность всегда права, где сплетники всегда находят потворствующих слушателей». Россет указывает на «завистников» и «сплетников» из высшего света, но прямую вину за гибель Пушкина возлагает на «троих наиболее виновных». Это «старый Геккерен» (нидерландский посланник), отличавшийся «цинизмом поседевших развратников прежних времен», его приемный сын Дантес («проходимец», нахальный «хлыщ», «тщеславная, мелочная натура») и «хромоногий» (такую обидную кличку Пушкин дал за его физический недостаток князю П. В. Долгорукому).

Между прочим, Александра Осиповна осталась верна своему принципу: изображать Николая I горячим почитателем

Пушкина. Она передала слова императора о дуэли и смерти поэта: «Его принудили. Я видел письма, я все знаю теперь. От меня хотели скрыть истину, но она часто выходит наружу. Знай я, что происходит, я отослал бы Дантеса в 24 часа за границу и просил бы отозвать Геккерена». В свете «передавали», что государь «глубоко чувствует эту смерть».

Свидетельством подлинного расположения Николая I к Пушкину Россет считает распоряжения государя, касающиеся семьи покойного поэта: заплатить долги, очистить от долгов заложенное отцовское имение, выплачивать «пенсия» вдове и дочерям до замужества, сыновей принять «в пажи» и выплачивать им по полторы тысячи рублей до поступления их на службу, издать «на казенный счет» сочинения поэта «в пользу вдовы и детей» и выдать единовременное пособие семье — 10 000 рублей.

В другом месте Россет приводит рассказ генерала Г. Перовского, который невольно стал свидетелем заступничества Бенкендорфа перед Николаем I за Дантеса. Император как-то заметил, что мог бы упечь Дантеса в тюрьму на десять лет, но ограничился его разжалованием и высылкой за границу. А все благодаря Бенкендорфу, которого называли посланником петербургских великосветских «обожательниц» убийцы Пушкина. Вот только не вполне понятно: почему, как пишет Россет, «государь выдавал (Дантесу. — А. Д.) пенсию из собственной шкатулки»? Она повторяет эту фразу в «Записках», но никак ее не комментирует...

Другой крупнейший представитель русской литературы, с которым у Александры Осиповны Россет была тесная связь, — Николай Васильевич Гоголь. Но ее отношение к Гоголю было иное, нежели к Пушкину. С провинциалом Николаем Васильевичем — «хохло», как она его называла, — Россет обращалась снисходительно, особенно на первых порах.

В поле зрения Александры Осиповны Гоголь появился в 1830 году. Интерес нашей героини к писателю подогревал-

ся тем, что он был «малорос». Николая Васильевича впервые привели к Россет Пушкин и Жуковский. Ольга Смирнова пишет: «Пушкин и Лермонтов родились в этом кругу, они были в нем своими людьми. Гоголь... был дружески принят там с тех пор, как Жуковский, Пушкин и Плетнев признали его талант». Александра Осиповна отмечает, что Пушкин «сильно повлиял на склад воззрений Гоголя»; ей вторит Ольга: «Влияние Пушкина пронизало глубоко душу Гоголя и всецело охватило ее». И еще она же: «Достаточно Пушкину обратиться к Гоголю, чтобы тот просиял».

Россет пишет, что Гоголь слушал Пушкина «молча, от времени до времени заноса услышанное в карманную книжку. Жуковский сказал ему: “Ты записываешь, что говорит Пушкин. И прекрасно делаешь. Попроси Александру Осиповну показать тебе ее заметки, потому что каждое слово Пушкина драгоценно”». По совету Пушкина Гоголь много читал классических авторов — Монтеня, Паскаля, Монтескье, Расина, Корнеля, Лафонтена, Мольера, Шекспира, Гете.

Пушкин и Жуковский взяли на себя роль наставников молодого Гоголя и направляли его каждый по-своему. Россет пишет: Жуковский «тревожится теперь по поводу Рудого Панька (псевдоним Гоголя. — *А. Д.*), озабочен тем, что о нем скажут. Он подбадривает Гоголя. Пушкин толкует другое и говорит ему: “Если вас разбранят, тем лучше. Это докажет, что у вас есть будущность и что их беспокоит появление нового, многообещающего писателя”».

Самыми известными критиками, от которых доставалось и Пушкину, были в те годы Булгарин, Греч и Сенковский. Александра Осиповна не жалеет резких слов в их адрес: «Я видела Булгарина; мне показали это сокровище; у него препротивная физиономия. У Греча и Сенковского скучные лица педантов. Вот люди, с которыми нет охоты знакомиться. Троица скучнейших и неправдивых людей, всегда идущих кривыми и окольными путями». Пушкин называл их «вредоносной кликой». Вяземский, в свою очередь, замечал, что «вся клика, которая ненавидит Пушкина, бьет тревогу против

Гоголя». Что до самого Гоголя, то он тогда был очень застенчив и «колебался ходить» в гостиную Александры Осиповны. Она даже специально просила приводить его и говорила, что ей «так хочется поговорить с хохлом, с настоящим, слышать хохлацкий говор. Это напомнит бабушку, Гамаклею, детство». Россет казалось, что в Петербурге Николаю Васильевичу неуютно: «Северное небо давит Гоголя, как свинцовая шапка».

Пушкин, предрекавший большое будущее Гоголю-писателю, был поражен, «как много наблюдений Гоголь сделал уже на пути от Полтавы до Петербурга». Как-то он заметил: «Он будет русским Стерном; у него оригинальный талант, он все видит, он умеет смеяться, а вместе с тем он грустен и заставит плакать. Он схватывает оттенки и смешные стороны; у него есть юмор, и раньше, чем через десять лет, он будет первоклассным талантом. У него есть и драматическое чутье». Пушкин восторгался, слушая, как Гоголь читает свои сочинения. Так, когда Гоголь представил «Тараса Бульбу», «Пушкин взял его за голову, поцеловал в лоб и сказал: “Пиши, пиши, думай, работай; все, что в этой голове, должно из нее вылиться”». Послушав начальные страницы «Мертвых душ», Александр Сергеевич, ходивший по комнате взад и вперед, «остановился перед Гоголем, положил ему обе руки на плечи, долго смотрел на него и сказал: “Умница!”, затем поцеловал его в лоб в знак одобрения».

Александра Осиповна подтверждает, что сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ» были подсказаны Гоголю Пушкиным. Сама она пишет о «Ревизоре»: «Монологи Хлестакова и Осипа заставили нас смеяться до слез... Гоголь, читая, забыл все: свою робость, своих слушателей. Какой бы из него вышел актер!» После знакомства с «Шинелью» Александра Осиповна говорила, что «всякий раз, когда я вижу на улице бедного писаря, я вспоминаю Акакия Акакиевича».

Поклонником творчества Гоголя, по свидетельству Россет, был великий князь Михаил Павлович. Александра Осиповна «представила “хохла” великому князю Михаилу; он был

очень любезен и доволен вечером. Гоголь читал «Майскую ночь». Именно Михаил Павлович, когда над «Ревизором» нависла угроза запрещения, посоветовал Александре Осиповне на одном из «вечеров» у императрицы, в присутствии Николая I, завести разговор об этой пьесе. Причем предварительно Михаил Павлович охарактеризовал императору «Ревизора» «совершенно необыкновенным произведением». Николай I пожелал услышать отрывки пьесы, и Россет по памяти представила самые выигрышные из них. Как она пишет, «государь расхохотался, и я поняла, что пьеса спасена». Мемуаристка подметила, что царь при знакомстве с автором «был очень милостив к Гоголю». О том же пишет и Ольга Смирнова: «Император ценил... автора “Ревизора” и “Мертвых душ”».

Гибель Пушкина Гоголь воспринял как личную трагедию. Он тогда находился за границей, в Риме, и прислал оттуда Александре Осиповне «в отчаянии» письмо. Николай Васильевич заключил: «Мое солнце угасло». Вообще между ним и Россет происходила интенсивная переписка. Гоголь пишет ей, что много работает над «Мертвыми душами», гуляет по Риму, «переболел лихорадкой», но главное в том, что он «каждый день думает о Пушкине».

Позже Александра Осиповна встречалась с Николаем Васильевичем в Риме и Ницце. Она отмечает: «...Он был для меня незаменимым спутником и часто очень строгим советчиком... Наша дружба скорее исходит из души, чем из ума и сердца». Ольга Смирнова, вспоминая встречи семейства с Гоголем за границей, пишет: «Он был для меня свой человек». По ее словам, к писателю «в Риме привязалась малярия. После лета, проведенного им в Германии, при возвращении в Рим, с ним сделались особенно сильные припадки римской лихорадки и тот ужаснейший припадок в Неаполе, когда он чуть не умер... С 1846 года здоровье Гоголя уже не поправлялось».

Касаясь смерти Николая Васильевича, Россет начисто отвергает слухи, что он «из мистицизма уморил себя голодом».

На самом деле, утверждает она, припадок лихорадки, «осложненный гастритом, и свел его в могилу».

С Михаилом Юрьевичем Лермонтовым Александру Осиповну познакомила Софья Карамзина (дочь историка). Россет сообщает: «Жуковский находит в нем замечательный лирический талант. Он подражает Байрону и Шиллеру, даже написал как-то немецкие стихи — странная фантазия для русского поэта». Внешность Лермонтова и его манеры отнюдь не располагали: «Он некрасив: громадная голова на маленьком, плохо сложенном туловище; во всем его облике есть что-то странное. Он очень застенчив и, чтобы скрыть это, напускает на себя иногда небрежно-дерзкий вид, что, пожалуй, и не лишнее в нашем насмешливом обществе... Лермонтов — неловок, в нем нет еще простоты. Он служит в лейб-гусарах. Нельзя сказать, что это хорошая школа для поэта, там позволяют себе большие вольности и шалости». Далее следует многозначительная фраза: «Единственное, что может его спасти, — это его преклонение перед Пушкиным».

Александра Осиповна сообщает, что она «долго разговаривала с Лермонтовым. Он очень собою недоволен, жалуется, что не может сосредоточиться, так как слишком много вращается среди беспечной, легкомысленной толпы; конечно, в этом виноват он сам, но ведь он так молод».

Находясь в армейской среде, Лермонтов не мог не «гусарить», то есть совершать нелепые шалости, а положение обязывало его принимать «небрежно-дерзкий вид». Надо сказать, что сводный брат Александры Осиповны — Александр Арнольди, тоже гвардейский офицер, близко сошелся с Лермонтовым и, как считает она, оказывал благотворное влияние на поэта. По словам Россет, он говорил Лермонтову: «У тебя много таланта, но ты бестолков, не признаешь этого. Честное слово, если бы я был на твоём месте, то творил бы шедевры». Лермонтов и Арнольди доверяли друг другу «свои взаимные увлечения и изредка совершали вместе разные глупости». Так, их как-то посадили под арест на десять дней за

то, что они устроили в загородном кабачке шуточные танцы с дочками простолюдинов, сами будучи при этом в гвардейской форме. Когда Россет обратилась к великому князю Михаилу Павловичу с просьбой о смягчении им наказания, тот заметил, что в форме такие развлечения строжайше запрещены.

Читателю хорошо известно, что громкую славу Лермонтов приобрел откликом на гибель Пушкина — стихотворением «На смерть поэта», за которое был сослан на Кавказ. Вскоре после его возвращения из ссылки состоялась ссора и дуэль с де Барантом-младшим (сыном посланника). Эта история получила громкую огласку. За Лермонтова, арестованного за сам факт дуэли, вступился великий князь Михаил Павлович, который, по словам Россет, «был очень добр» к нему. Поэта она называет «безумцем», поскольку он заявил, что «убьет француза» (это была его месть французам, ведь Дантес — убийца Пушкина — француз!). История закончилась новой ссылкой на Кавказ в действующую армию, и эту весть Александра Осиповна встретила положительно: «Я надеюсь, что война на Кавказе несколько успокоит Лермонтова. Ему будет там гораздо лучше, чем в Петербурге. Какой талант у него! Что мог бы он сделать, если б только захотел работать серьезно!»

Она часто сравнивает Лермонтова с Пушкиным — разумеется, не в пользу Лермонтова: «У Лермы (прозвище Лермонтова. — *А. Д.*) чудные глаза, но выражение их совсем иное, чем у Пушкина. У него нет его поэтического, глубокого взгляда, ни его доброй, открытой, а иногда и немного насмешливой улыбки. В нем меньше души. Глаза Лермонтова грустны, во взгляде иногда сверкает презрение. Я часто спрашиваю себя, добр ли Лермонтов; может быть, его презрительная манера есть не более, как желание скрыть застенчивость и недоверчивость».

В какой-то момент Михаил Юрьевич, беспрестанно увлекавшийся петербургскими барышнями, увлекся и Александрой Осиповной. Как-то он написал ей стихи, «но не

осмелился показать... Он написал их в альбом Пушкина, лежавший на одном из столиков в маленькой гостиной». Разговаривая с Россет, Лермонтов «краснел», «смушался» и говорил, что перед нею он «более робеет, чем перед государем».

Александра Осиповна наставляла молодого человека, чтобы он был серьезнее и больше работал над стихами. Когда он прочитал своего «Демона», она восторгалась: «Вот истинная поэзия, почти совершенство! По-моему, это лучшее, что он создал». Лермонтов читал Россет также «Княжну Мэри», «Бэлу», «Тамань». Видимо, между ними произошло некоторое сближение, Россет замечает: «Мне удалось его приручить»... Далее она пишет: «Я много рассказывала Лермонтову о Пушкине. Он весь оживляется, лицо его принимает другое выражение... Он (Пушкин. — *А. Д.*) был бы Жуковским Лермонтова, имел бы на него нравственное влияние». Лермонтов «любил» Пушкина, «пожалуй, это даже единственный человек, которого он так сильно любил и смерть которого была большим горем для Лермы».

Но вот пришло известие о гибели Лермонтова в Пятигорске на дуэли с Мартыновым. Россет восклицает: «Бедный Лерма! Я точно предчувствовала, что окончит как Печорин или как Ленский». Лермонтов-дуэлянт в ее глазах напрочь уступал дуэлянту Пушкину: «Пушкин мстил за свою честь, а главное, за честь жены. Лермонтов оскорбил товарища; вина, увы, на его стороне». И уже посмертное сравнение Лермонтова с Пушкиным: «Нашего дорогого Пушкина жалели как поэта и как человека. У него были друзья, а враги его были посредством педанты, легкомысленные людишки. Лерма не имел друзей, оплакивают только поэта... сам по себе человек не внушал истинной симпатии». Как обычно, Александра Осиповна указывает на самое доброжелательное отношение членов императорской фамилии к великому поэту. Будто бы Николай I говорил ей по поводу стихотворения «На смерть поэта»: «Стихи прекрасны и правдивы; за них одних можно простить ему все его безумства. Я не за это ссылал его, а за много другое, предшествовавшее стихам». (Откро-

венен ли был царь с Россет и точно ли так сказал?) Михаил Павлович тоже «жалел Лермонтова, хотя последний и оскорблял все военные идеи великого князя».

Из литераторов второго плана в «Записках» Александры Осиповны наибольшего внимания удостоился Василий Андреевич Жуковский. Она не раз подчеркивает, что «Жуковский в высшей степени добр». В кружке великосветских интеллигентов его обычно называли «бычок». Россет часто именовала его «жук». Ольге Смирновой Василий Андреевич запомнился «очень высоким, очень полным, добрым, веселым, приятным, ласковым». Как и Пушкин, Жуковский был близким другом Александры Осиповны. Эта дружба подпитывалась и тем, какое место Василий Андреевич занимал в судьбе Пушкина — истинного кумира нашей героини: Александр Сергеевич называл Жуковского «отцом-кормильцем своей юной музы». Именно Жуковский пестовал юного и молодого поэта, именно он, человек влиятельный в придворных кругах, поддерживал Пушкина (и Гоголя, да и других), когда на них обрушивалась «клика» литературных критиков или ими было недовольно «начальство». Россет прямо говорит, что Жуковский «любит своего феникса (Пушкина. — А. Д.), как сына». Василий Андреевич сильно беспокоился, когда возникали «споры» Александра Сергеевича с Бенкендорфом. Россет приводит слова Василия Андреевича, что если бы он и другие близкие друзья Пушкина знали о дуэли с Дантесом, то они «пошли бы на все», чтобы ее предотвратить.

Наша героиня подмечает духовную близость Жуковского и Пушкина. Жуковский «смотрит на него с нежностью, он наслаждается всем, что говорит его феникс; есть что-то трогательное, отеческое и вместе с тем братское в его привязанности к Пушкину, а в чувстве Пушкина к Жуковскому оттенок уважения даже в тоне его голоса, когда он ему отвечает». В многочисленных салонных спорах оба они часто придерживались единого мнения.

Влияние Василия Андреевича Жуковского при дворе основывалось на том, что он был воспитателем наследника

престола, великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II). Как заметила мемуаристка, «государь быстро оценил его», то есть Николай I понял, что лучшего наставника для старшего сына ему не найти. В «Записках» встречаются реплики императора, что Жуковский — человек «верный» и что он и императрица его «очень уважают». Неслучайно Николай I приказал разобрать бумаги Пушкина после его смерти именно Жуковскому. Последний передал Александре Осиповне слова императора по поводу кончины великого поэта: «Его смерть — национальное горе. Для меня это страшная потеря». Жуковский отметил: «Никогда я еще не видел государя таким... с этой минуты государь стал для меня совсем особой личностью, хотя и раньше я его любил и уважал».

Читателю необходимо также познакомиться с мужем нашей героини. Им стал Николай Михайлович Смирнов. В шестнадцатилетнем возрасте, после смерти отца (мать его умерла еще раньше), дядя отправил Николая за границу путешествовать в сопровождении «менторов-эмигрантов». Юноша очень рано познакомился с Европой и европейской культурой и при этом «прекрасно говорил по-русски». Любопытно, что Смирнов был давним знакомым Пушкина (они в одно и то же время поступили на службу в Министерство иностранных дел). Александр Сергеевич говорил о нем с Александрой Осиповной. Смирнов служил по дипломатической части и долго отсутствовал на родине, но как только вернулся в Петербург, сразу же органически вошел в кружок великосветских интеллигентов, поскольку был очень образован и считался одним из лучших ценителей европейского искусства и музыки.

Пушкин так представил его заочно фрейлине: «Смирнов мне очень нравится; он вполне европеец, но сумел при этом остаться и вполне русским. Восемнадцати лет он поступил в дипломатический корпус и прожил, счастливеец, очень долго в Италии». Собой пушкинский протезе представлял «тип

англичанина или шведа». Александр Сергеевич сообщил Россет, что завтракал у дипломата, «смотрел его картины, его коллекцию редкостей искусства, его библиотеку». Оказывается, «Смирнов должен бы быть шафером Пушкина (на его свадьбе. — А. Д.), но ему пришлось уехать в Лондон курьером». Ольга Смирнова тут же приписала: «Таким образом, Пушкин заранее познакомил мою мать с моим отцом. Встретились они у Карамзиных». Отношение Пушкина к будущему мужу Россет хорошо передает его ответ на кокетливое замечание Александры Осиповны по поводу достоинств этого человека. Наша героиня притворно удивилась: «Отчего боярин, милорд, итальянец и русский — все зараз?» Поэт пояснил: «Оттого, что он говорит в совершенстве по-итальянски, что у него наружность англичанина и притом он хороший русский, потому что обожает, как и я, Петра Великого и был бы таким же прекрасным представителем просвещения в боярской думе, как и ваш покорный слуга». То есть Александр Сергеевич ясно дал понять нашей героине, что Смирнов близок ему духовно. А это, как мы понимаем, для Россет значило много.

Весьма любопытен один откровенный разговор Пушкина с Россет. Поэт приехал к ней с поздравлениями после объявления ее и Смирнова невестой и женихом. Пушкин, разумеется, одобрил ее выбор. При этом он проявил осведомленность в том, что Александра Осиповна отказалась от ряда предложений, которые сулили и «хорошие», и даже «выдающиеся партии». Поэт подчеркнул: «Я вас очень уважаю за то, что вы отказали очень блестящим женихам, потому что вы не имели к ним симпатии и слишком прямодушны, чтобы лгать... Я уважаю Смирнова, это джентльмен, у него много сердца и деликатности, и я очень доволен вашим решением». «Очень тронутая» этим обращением Пушкина, Россет сказала ему: «Смирнов вас так любит, он мне говорил, что он никого так не любил в своей жизни». Поощренный таким поворотом разговора, Александр Сергеевич решился на «нескромный» вопрос: «Почему вы отказали моему другу,

Жуковскому?» «Несколько смущенная», наша героиня ответила: «У меня была такая сильная, братская дружба к Жуковскому, что мне было бы невозможно выйти за него замуж». Поэт все сразу понял и заметил: «Дружбу зовут любовь без крыльев... Любовь еще может превратиться в дружбу, но дружба не превращается в любовь». Для Пушкина было важно, что Александра Осиповна выходила замуж по любви. То же характеризует, как мы знаем, его женитьбу на Гончаровой.

Став в замужестве Смирновой, Александра Осиповна продолжала участвовать во встречах кружка великосветских интеллигентов как в своем доме, так и в гостях. Но теперь непременным участником этих встреч был Николай Михайлович. Смирнов со знанием дела говорил о политике, в этой сфере у него был свой конек: политическое устройство и история Великобритании. Он также много рассказывал о культурной жизни Италии, где провел шесть лет на дипломатической службе. Россет отмечала, что чаще всего ее муж и Пушкин соглашались в своих взглядах на политику и культуру. Не имевший возможности выехать за границу, Александр Сергеевич «заставлял Николая рассказывать массу подробностей о Байроне, Шелли, друзей которого он встречал в Тоскане, о Сицилии и ее соборах, о театре в Турине, о Сиракузе, Неаполе, Помпеях, Риме» и т. д. Смирнов при этом неподдельно сожалел, что Пушкин не мог все это увидеть собственными глазами. Николай Михайлович прямо высказывался за отмену крепостного права и при этом высмеивал русских сторонников английского парламентаризма, не знакомых с его историей. В своем имении он отменил барщину и брал с крестьян оброк, который не увеличивался со времен его отца. Смирнов не вмешивался во внутреннюю жизнь крестьянской общины, и это вызывало жалобы его крепостников-соседей.

По сообщению Ольги Смирновой, ее отец «оплакивал всю жизнь» смерть Пушкина. Когда это произошло, Смирновы находились в Париже, куда Николай Михайлович получил назначение в посольство. Александра Осиповна передает разговор своего мужа и русского посла Киселева, состояв-

шийся вскоре после получения известия о гибели поэта. Николай Михайлович сказал, что «он отдал бы все на свете, чтобы быть в то время в Петербурге», на что Киселев заметил: «А я очень рад, что тебя там нет, ты убил бы Дантеса и старика Геккерена».

Спустя семь лет после возвращения в Россию, в 1838 году, Смирнов был назначен калужским губернатором и прослужил в этой должности шесть лет. Он имел тогда чин действительного статского советника, то есть штатского генерала. Естественно, семья жила с ним в Калуге. Губернаторство отца, по воспоминаниям Ольги Смирновой, не было простым. Оно совпало с сильной эпидемией («холера в Калуге была ужасная»), сопровождавшейся поджогами и грабежами. Смирнов предпринял энергичные меры: закрыл кабаки, «бродяг» заставил работать и «одел их за свой счет», и т. д. Местное купечество обвинило губернатора в превышении власти, но, когда эпидемия пошла на спад, всем стала очевидна благотворность принятых мер. О своих отношениях с мужем Александра Осиповна прямо не говорит, но тональность ее «Записок» свидетельствует, что жила она в ладу с Николаем Михайловичем и этот брак, давший жизнь двум дочерям, можно назвать счастливым.

Выйдя замуж, Россет покинула, согласно правилам, место фрейлины. Она могла теперь целиком сосредоточиться на муже, семье, общении с близкими по духу людьми. Впрочем, она продолжала часто бывать при дворе, встречалась в тесном кругу с императором, императрицей, великим князем Михаилом, была свидетельницей многих придворных событий.

В 1842–1844 годах Александра Осиповна путешествовала по Европе и, будучи за границей, не переставала быть в центре культурной жизни: она там встречалась с Листом, беседовала с Мериме и другими знаменитыми в то время деятелями культуры, а вернувшись в Петербург, все так же покоряла свет красотой и грацией. Она была звездой придворных костюмированных балов; сохранился ее портрет в одеянии гре-

чанки. В «Записках» она пишет, что Николай I велел «играть на придворных балах полонез и мазурку из “Жизни за царя”», и отмечает, что император высоко ценил творчество Глинки. С Глинкой Александру Осиповну связывала дружба. Тесно общалась она и с Листом, когда тот приезжал на гастроли в Петербург. Лист, записала она, «имеет бешеный успех... С ним интересно разговаривать, он умен за четверых, оригинален и никогда не позирует перед истинными любителями музыки».

В «Записках» нашлось место и деятелям культуры новой генерации. Мемуаристка наводила справки о В. Г. Белинском (хотя знакома с ним не была), о молодом И. С. Тургеневе заметила, что у него «многообещающий талант», историка С. М. Соловьева назвала «вполне серьезным человеком и усердным тружеником». Поэт Ф. И. Тютчев — «прелестный талант, но какая лень; вот уже ультрарусский и в то же время какой европеец». Поскольку он не очень заботился о сохранности своих стихов (листки, на которых они были, он «комкал и бросал в корзинку под письменным столом»), то его творчество дошло до нас во многом благодаря его родственникам и знакомым, сохранившим тютчевские строчки. Любопытны ее характеристики мыслителей-революционеров: «Герцен умен, но ум его парадоксален и ложно направлен. Своими парадоксами он ослепляет. Бакунин — большой чудак, соединение беспорядочного Прудона со слишком развязным русским. Огарев, составляющий трио с Герценом и Бакуниным, — только эхо и посредственный ум». Несколько неожиданно доброе отношение Россет к чете Нессельроде. Ведь министра иностранных дел, графа Карла Нессельроде обычно изображают ловким интриганом и человеком малоприятным. Наоборот, Александра Осиповна, однако, находила, что граф бывал в разговорах с ней «прелестен». Он доверял ей конфиденциальную информацию, считая своим человеком (может быть, из-за ее близости к императорской фамилии). А с графиней Нессельроде наша героиня была и вовсе в близких отношениях. Между прочим, Александра Осипов-

на начисто отрицает участие четы Нессельроде в травле Пушкина, а графиня в своих письмах к ней в Париж после смерти поэта неподдельно скорбит об этой трагедии.

Ольга Смирнова пишет, что Николай I был очень высокого мнения о ее матери. Он называл ее «джентльменом», что в «его устах была громадная похвала, так как он хотел этим отметить рыцарскую черту характера... как означающую человека, никогда не идущего на компромисс с принципом чести, правды, прямоты, честности, искренности, преданности».

Александра Осиповна Россет (Смирнова) прожила долгую и интересную жизнь и скончалась в 1882 году в семидесяти-трехлетнем возрасте.

Дочь знаменитого отца

Анна Федоровна Тютчева, дочь знаменитого поэта Федора Ивановича Тютчева, в течение тринадцати лет служила фрейлиной при русском императорском дворе, захватив правления Николая I и Александра II. Ее перу принадлежат краткие «Воспоминания», в которых она касается своего детства, отрочества и службы при дворе Николая I, а также «Дневник», который она вела с 1850 года. Хотя Анна и была дочерью знаменитого русского поэта Ф. И. Тютчева, но, как ни странно это может показаться читателю, православной и русской по языку и привычкам она стала не сразу. Поэт « всю свою молодость провел в Германии, на дипломатической службе ». От его первого брака с Элеонорой Петерсон родились три дочери, старшей из которых и была Анна, появившаяся на свет в 1829 году в Мюнхене. Через двенадцать лет Тютчев овдовел и женился вторично на баронессе Эрнестине Дернберг, от которой у него родились два сына и дочь.

Воспитывалась девочка в семье тетки — сестры умершей матери (отец предпочитал, чтобы дочери от первого бра-

ка находились под опекой родственников покойной жены) и три года проучилась в так называемом «Мюнхенском институте». Когда Ф. И. Тютчев вернулся в Россию, он «выписал» сюда всю свою семью. Расставание с Германией, которую она воспринимала как родину, и с любимым Мюнхеном у восемнадцатилетней Анны «навсегда оставило грустное воспоминание». Она замечает, что «меня так внезапно, как бы с корнем, вырвали из того мира, в котором прошло все мое детство, с которым меня связывали все мои привязанности, все впечатления, все привычки, — для того, чтобы вернуть в семью, совершенно мне чуждую, и на родину, также чуждую мне по языку, по нравам, даже по верованиям».

Восемнадцатилетняя девушка, воспитанная в немецкой среде, не знавшая русского языка, воспринимала отъезд в Россию как личную трагедию. Она была православной по крещению, но православной себя не ощущала. У нее «сжалось» сердце, когда она оказалась на Английской набережной Петербурга. И это первое негативное впечатление от города также осталось с ней навсегда: «Тяжеловесные, каменные громады, всегда окутанные туманной мглой и сыростью, низкое небо, серое и грязное... Великолепная и мрачная столица». Обстановка гостиницы Демута, где семья вынуждена была прожить всю зиму, тоже совсем не радовала: «Помещение очень безобразное, грязное и вонючее, с окнами на не менее грязный двор, которое, однако, обходилось нам очень дорого». Анна сравнивает его с «просторными и светлыми залами... института в Германии, окруженного свежей зеленью сада с его липами и кустами роз». Контраст между Мюнхеном и тяжеловесным, туманным, холодным Петербургом был резкий. (Заметим, правда, что, по отзывам современников, Лондон 40-х годов XIX века тоже характеризовался и туманным, и холодным, и тому подобное. Вероятно, таково было восприятие путешественниками северных европейских столиц.) Учтем также замечание мемуаристки относительно «чуждой» ей семьи. Понятно, что мачеха не могла заменить юной девушке рано умершую мать.

Младшие сестры были устроены в Смольный институт благородных девиц. Сама же восемнадцатилетняя Анна стать институткой уже не могла по возрасту, да и нужды в том не было. Она постоянно навещала сестер, и впечатление от этого привилегированного женского учебного заведения у нее сложилось однозначно отрицательное. Наша героиня то и дело сравнивает его с Мюнхенским институтом. Она утверждает, что образование, получаемое в Смольном институте, «было вообще очень слабо, но особенно плохо было поставлено нравственное воспитание». Особенно много претензий девушка предъявляла к «религиозному воспитанию», точнее — к его фактическому отсутствию. Все сводилось лишь к «соблюдению чисто внешней обрядности». В то же время в Мюнхенском институте католические пасторы стремились «привить благочестие... фанатичное, очень ригористическое», что «внушало душеспасительный страх». Иными словами, отцы иезуиты старались своими проповедями овладеть душами воспитанниц, а православные батюшки удовлетворялись внешними проявлениями религиозности смолянок.

Не нравилось Анне и то, что расположение начальницы института завоевывали прежде всего «хорошенькие ученицы, которые лучше других умели танцевать и грациозно кланяться, умели причесываться со вкусом и искусно оттенять клюквенным соком бледность лица». А дочери «богатых и сановных родителей», так называемые «аристократки», вообще могли себя вести достаточно вольно и пренебрегать дисциплиной и распорядком дня. Впрочем, Анна замечает, что ее сестры «попали в категорию аристократок» благодаря «своим хорошеньким личикам и положению родителей, а главным образом благодаря протекции великих княгинь», по которой они и оказались в институте. При этом сестры Тютчевы выгодно отличались от сверстниц знаниями, полученными в Мюнхене. Но среда Смольного института их, по мнению Анны, могла испортить, и она всеми силами старалась противодействовать этому, не давая им читать «плохие романы» и поощряя «к серьезным занятиям».

Благодаря подобным признаниям образ восемнадцатилетней Анны Тютчевой складывается достаточно определенный. Это серьезная, умная, образованная девушка, получившая строгое религиозное воспитание и совсем не похожая на насаждавшийся в Смольном институте тип светской барышни. Картину довершает откровенная самооценка: «В течение всей своей молодости я никогда не стремилась ни к развлечением, ни к нарядам... я никогда не находила удовольствия в французской литературе, в то время имевшей большой успех и оказавшей такое развращающее влияние на мысли многих молодых девушек». Размышляя над увиденным в Смольном институте, она приходит к мысли, что здешнее «поверхностное и легкомысленное воспитание» есть результат «показной цивилизации, лоск которой русское правительство, начиная с Петра Великого, старается привить нашему обществу». Это вывод уже вполне зрелого человека, равно как и утверждение, что «отсутствие воспитания нравственного и религиозного широко раскрыло двери пропаганде нигилистических доктрин, которые в настоящее время нигде так не распространены, как в казенных учебных заведениях».

Анна не просто интересовалась христианской религией, но и хорошо разбиралась в тонкостях вероучения. Она придерживалась христианско-консервативных взглядов, выросших на почве немецкой школы. По ее собственному признанию в Мюнхене «католические патеры» упорно хотели обратить ее в католичество. В чем-то они преуспели: внушили ей «несколько искусственную экзальтацию». Но в России Анна сделалась истовой православной, причем особенное воздействие на нее оказала брошюра знаменитого славянофила А. С. Хомякова. Она весьма сочувственно относилась к славянофильству (считая, правда, этот термин недостаточно корректным), считая, что оно стоит на страже самобытности России, которую только во вред «покрывать лоском английским, немецким или французским».

В течение пяти лет Анна Тютчева фактически была наставницей своих сестер, заменяя им мать. Об участии в их вос-

питании мачехи мемуаристка не говорит ни слова. Более того, отец, Ф. И. Тютчев, также как будто отстранился от этого процесса. К слову сказать, в дворянских семьях того времени воспитанием дочерей занимались матери или близкие родственницы. Мужчины, как правило, предпочитали не вмешиваться.

В эти годы Анна живет напряженной духовной жизнью, «боится» потерять хотя бы день (ведь его можно употребить на самоусовершенствование) и борется с ленью, которая побуждает ее к праздности, к «приятным мечтаниям», тогда как совесть «настойчиво напоминает, сколько меня ждет дел... она дает мне в руки самые умные и поучительные книги... мучит меня в двадцать один год переводами с русского языка и грамматикой... усаживает меня за шитье и вязание, хотя я питаю врожденную ненависть к иголке и ниткам».

Анна признается, что только в общении с сестрами ей «бывает хорошо». Но сестры обучаются в Смольном институте, свидания с ними редки, а наша героиня вынуждена жить вместе с мачехой в Москве или в имении Овстуг Орловской губернии, которым совместно владели отец и его брат. Сводные сестра и два брата были еще совсем маленькие, и Анна была второй взрослой (после мачехи) женщиной в семье. Основной лейтмотив ее дневниковых записей в это время — одиночество. «Теперь я совершенно одинока, без всякой человеческой поддержки», — пишет она. Иногда ей кажется, что она «очень несчастна».

Наблюдая жизнь, Анна все тверже приходит к выводу, что «дурна, презренна, низка и ничтожна человеческая натура без искупительной веры». «Я хочу любить Бога и следовать Его заповедям, — пишет она, — хочу непрестанно молить Его обратить и просветить тех, кто забыл Его». Порой ей хочется уйти в монастырь, «выполнять послушание, молиться, трудиться, блюсти молчание». Вместе с тем Анна подмечает «двойственность» своей природы. С одной стороны, она поклоняется «сияющему свету» божественного, а с другой — ее привлекают «земные привязанности». Правда, «земная»

жизнь в тот период особой радости не приносит: светские визиты «наводят на сердце тоску». В свете приходится говорить глупости, «упиваться болтовней и весельем, запрещать себе все серьезные и здравые мысли». Анна считает, что «нас оскверняет обыденная жизнь, мелкое, пошлое существование». Поэтому она подчас «завидует первым христианам, которые жили, как бы постоянно прощаясь с миром, с его привязанностями и тщетой».

Анна пишет, что «любит» мачеху, и в «Дневнике» называет ее не иначе как «мамá». Причина этой любви ей самой не понятна. Ведь Анна «прекрасно знает, что она (мачеха. — А. Д.) не любит, не понимает и не знает» ее. Эрнестина Тютчева, по ее словам, «совершенно не умеет любить; она испытывает некоторую жалость, видя, как я люблю ее, но ей нечем мне ответить, и она раздражается против меня». Любовь падчерицы, похоже, тяготила мачеху, но Анна — видимо, тут повлияли и ее религиозные взгляды — ничего могла поделать со своей «любовью к ближнему», которая, стоило мачехе заболеть, стала просто-таки навязчивой.

Болезнь оказалась серьезной: врачи опасались чахотки. Для семьи это создало множество проблем, поскольку именно Эрнестина вела хозяйство. «Папа так беззаботен и несведущ в этих делах», — замечает Анна в «Дневнике». В числе достоинств Федора Ивановича Тютчева отсутствовало умение поддерживать благосостояние семьи. Несмотря на то что он был камергером и тайным советником, его жена и дети испытывали серьезные материальные затруднения. Им приходилось жить подолгу в деревне, поскольку это было дешевле.

Установить доверительные отношения с отцом у Анны не получилось. Она пишет: «...Никто не знает меня хуже, чем мой отец, он пытается судить меня по себе. Он желает меня убедить, будто я люблю свет, что я могу быть счастлива, только если устроюсь при дворе». Она же приходила «в отчаяние при одной мысли об этом». В 1852 году в семье все чаще возникают разговоры об определении Анны и ее родных сестер ко двору в качестве фрейлин. Отец всю хлопоту об

этом, мачеха также желает «удалить» Анну из дома. Девушка горестно заключает: «...Я не люблю света, я нуждаюсь в ласке и в семейной жизни», но это, похоже, мало кого из ее родных волнует.

Последнее признание крайне важно для понимания двадцатитрехлетней Анны Тютчевой. В другом месте она сообщает в порыве откровения: «Я хочу любить, любить, любить, испытывать привязанность к самому малому предмету, самому ничтожному существу». Наша героиня преисполнена чувством любви. Собственно, и любовь к мачехе есть возможность хоть как-то проявить это чувство за неимением более достойного объекта. При этом Анна страдает от того, что «обречена» растрачивать свою любовь на мачеху, которая недостойна этого чувства. Читатель может заметить: «Почему же Анне Тютчевой родители не подыскали подходящего жениха?» Действительно, почему?!

В своем «Дневнике» она рассуждает о замужестве одной из своих подруг. Из этих рассуждений следует, что ей не хотелось бы «упасть на землю» после «долгого полета в голубом эфире», когда прелесть и возвышенность свиданий обратятся в прозу семейной жизни. При этом Анне вполне присуще женское желание нравиться мужчинам. Она заявляет, что «я ощущаю себя женщиной в полном смысле слова, я... бываю вполне довольна, только когда нравлюсь». То есть наша героиня отнюдь не отвергала замужества. Но отец считал, что счастье свое его дочь может найти только при дворе. Возможно, он был прав: только попав в высший свет, Анна могла рассчитывать на хорошую партию.

Она сопротивлялась отъезду в Петербург, отец и мачеха настаивали. Место фрейлины было одно. Анна считала, что ко двору следует пристроить кого-нибудь из ее сестер: совсем молодых, «хорошеньких, очень любящих свет и туалеты». Сама же она опасалась оказаться среди фрейлин «белой вороной». В сердцах она замечает: «Что за отвратительная у меня семья! У всех только одно желание — быть подальше друг от друга. А я, дурочка, все мечтала о семейной жиз-

ни, о привязанности, преданности — словом, об идиллии». Однако выбор цесаревны Марии Александровны (жены наследника престола Александра Николаевича) пал именно на двадцатитрехлетнюю Анну Федоровну Тютчеву.

Со слов Анны, «механизм принятия решения», как сейчас говорится, был таков: «Когда цесаревна узнала, что старшей из сестер Тютчевых двадцать три года, что она не хороша собой и воспитывалась за границей, то ее выбор остановился на мне». Мария Александровна не желала «иметь около себя молодых девушек, получивших воспитание в петербургских учебных заведениях»; красивые фрейлины с недавних пор Марии Александровне тоже были не нужны. Причиной тому явился громкий скандал с ее фрейлиной Юлией Гауке, ставшей любовницей брата цесаревны, принца Александра Гессенского. Заурядная внешность Анны Тютчевой служила залогом того, что на нее не позарится муж, цесаревич Александр Николаевич. Заграничное и, что особенно важно, немецкое воспитание Анны было большим достоинством в глазах немецкой принцессы Гессен-Дармштадтской, ставшей женой наследника российского престола.

Надо сказать, что двор Николая I пользовался весьма неоднозначной славой. В петербургском обществе ходили слухи о похождениях императора и великих князей, нередко выбиравших фрейлин в качестве своих пассий. До Анны Тютчевой они, конечно же, тоже доходили, и одна только мысль о возможном домогательстве членов императорской фамилии повергала ее в ужас.

Но выбора у нее не было! В Овстуг приехал отец, чтобы сопровождать дочь в поездке в Петербург. Однако когда наступила пора выезжать, с Федором Ивановичем «сделался припадок подагры, или, лучше сказать, его обуял ужас при мысли о необходимости исполнить роль компаньона и опекуна дочери, которую нужно было представить ко двору». Тут, в общем-то, частая история, когда выдающийся в своей области знания или искусства человек в семейной жизни проявляется совсем в другом свете. Вот и Федор Иванович

Тютчев предстает в мемуарах своей старшей дочери не просто человеком непрактичным, легкомысленным, но и безответственным. В результате вышло так, что Анне пришлось одной ехать в столицу, дабы поступить на придворную службу, и самой себя представлять. В свете такая ситуация считалась «неприличной», и даже Эрнестина сочла возможным сказать об этом мужу. В ответ поэт разыграл сцену удивления: как это его любимая жена «не удерживает его после полугодовой разлуки?». Последовали «тяжелые объяснения супругов». И хотя Анна испытывала «величайшее отчаяние» от мысли, что ей предстоит, она, «не желая быть причиной размолвки» родителей, «настояла на том, чтобы ехать одной». 4 января 1853 года она покинула отчий дом.

Положение несколько смягчало то обстоятельство, что и отец, и Анна (в основном по переписке) были близки семейству Карамзиных, точнее — дочерям выдающегося литератора и историка Н. М. Карамзина, одна из которых была замужем за князем Мещерским. Между прочим, письма, которые Анна писала Карамзиным, были показаны ими цесаревне Марии Александровне, что также повлияло на выбор в ее пользу.

Уже в дороге Анна начала служить, точнее, «служила» ее должность. Бывший в числе сопровождавших ее слуг управляющий тютчевским имением Василий Кузьмич на почтовых станциях важно требовал лошадей для «ее превосходительства генеральши, фрейлины Тютчевой!». Поездка не обошлась без неприятного происшествия: подъезжая к Москве, возок с Анной перевернулся, но, к счастью, она отделалась легким ушибом. В первопрестольной наша героиня не задержалась и 8 января уже была в Петербурге.

Остановилась она у Карамзиных. Когда-то в знаменитом салоне Е. А. Карамзиной собирался цвет петербургского интеллектуального общества, но, к сожалению, Анна оказалась там в последние годы жизни хозяйки, когда уже ушли из жизни и Пушкин, и Лермонтов, и другие посещавшие его знаменитости. Правда, «традиции остроумной беседы

и умственных интересов сохранялись по-прежнему». Салон, как и раньше, заполнялся «самыми хорошенькими и самыми нарядными петербургскими женщинами... вельможами, дипломатами, писателями, “светскими львами”, художниками». Особенно сошлась Тютчева с дочерью Н. М. Карамзина от первого брака Софьей, которая была душой салона. Софья Николаевна Карамзина не отличалась красотой, но обладала «женственной грацией», умом, «детским характером, умевшим горячо и глубоко наслаждаться маленькими ежедневными радостями». Жаль вот только, что вскоре, уже в 1853 году, после смерти вдовы Карамзина, салон прекратил существование.

Был назначен день представления Анны Тютчевой ко двору. Подготовка к торжественному моменту началась загодя: были сшиты соответствующие туалеты, учтена «тысяча мелочей». Но вдруг выяснилось, что цесаревна желает видеть новую фрейлину прежде официального представления. Опять хлопоты, спешка... В том, что все было подготовлено в срок, большая заслуга Карамзиных. Во время разговора с великой княгиней Анна сильно нервничала. Но Мария Александровна успокоила ее доброжелательной беседой. Тогда же Тютчева была представлена цесаревичу Александру Николаевичу. В конце аудиенции Мария Александровна познакомила ее с, как она сказала, «будущей приятельницей» — фрейлиной княжной Александрой Долгорукой, которая, судя по всему, «не была в восторге» от знакомства. Но о Долгорукой речь впереди.

В следующие дни Анна Тютчева была официально представлена ко двору. Поначалу торжественность церемоний заставляла сердце новоиспеченной фрейлины «учащенно биться» — недавняя провинциалка, вероятно, излишне робела, когда ее представляли императору и императрице, но прошло совсем немного времени, и она освоилась. 13 января 1853 года она переехала в Зимний дворец, где ей отвели две комнаты в так называемом «фрейлинском коридоре» на верхнем этаже дворца. Кроме того, ей было положено вполне

приличное жалованье — 4 тысячи рублей в год. Материально она могла считать себя вполне обеспеченной.

В качестве фрейлины Анна Тютчева ежедневно наблюдала Марию Александровну и дала в своих мемуарах подробный портрет великой княгини. Тогда ей было двадцать восемь лет, то есть Тютчева была ненамного моложе жены наследника престола. Но у той уже было пятеро детей. Анна же не изведала еще даже первой любви. Вот как она описывает Марию Александровну: «Она выглядела еще очень молодой... Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатления красавицы; но она была необычайно изящна... Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, нежный цвет лица, большие голубые, немного навывкат, глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами, свидетельствующий о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам». Душа ее «была чрезвычайно искренняя и глубоко религиозная... была из тех, которые принадлежат монастырю». При этом Анна утверждала, что натура великой княгини «совершенно лишена темперамента... Ее много судили и много осуждали, часто без основания, за отсутствие инициативы». Мария Александровна в ее описании «осторожна до крайности», «нерешительна». Она «жила исключительно своей семейной жизнью».

Подчеркнутые Тютчевой особенности характера цесаревны не могли бесконечно долго удерживать цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Он обзавелся фаворитками, а затем, как увидит читатель, и второй семьей. В то время тридцатипятилетний Александр Николаевич, по свидетельству нашей героини, «красивый мужчина, страдал некоторой полнотой, которую впоследствии потерял. Черты лица его были правильны, но вялы и недостаточно четки; глаза большие, голубые, но взгляд

малоодухотворенный; словом, его лицо было маловыразительно». «Внушительный вид», который старался принять на публике великий князь, придавал ему, по мнению мемуаристики, вид «плохой копии» его отца — императора Николая I, чьи «суровость и внушительность» были более естественны. Впрочем, Александр Николаевич обладал «добрым, горячим и человеколюбивым сердцем».

Каковы впечатления Анны Тютчевой о двух первых годах службы фрейлиной цесаревны? Ей приходилось сопровождать Марию Александровну при посещении церкви и театра, на дворцовых мероприятиях и прогулках, быть собеседницей и помощницей. Наша героиня балы не жалуется: на них ею овладевала «какая-то тоска, чувство пустоты и одиночества». Светская жизнь, которой Анна вынуждена была «предаваться» по должности, казалась ей суетной — она «не извлекает из нее никакого удовольствия». После шести месяцев придворной службы наша героиня удивленно замечает, что «ничего выдающегося не заметила. Наряды, наряды и еще наряды». Искренняя христианка, Тютчева уязвлена поведением придворных на церковных службах, они ведут себя так, как будто для них это «театр»: «болтают, шепчутся, смеются»; при этом она отмечает примерное поведение членов императорской фамилии. Она признается, что «любит от всей души» цесаревну Марию Александровну и из всего придворного быта ей милее тихие вечера в обществе великой княгини. Через полтора года после начала своего фрейлинства Анна Тютчева почувствовала себя «в милости». Она пишет: «...Во время прогулок императрица и великие княжны часто делают мне честь разговаривать со мной; у меня составила репутация говорить смешные и забавные вещи, и решено, что я занимательная». Все это «приятно щекочет тщеславие». Но, поразмыслив, она оценивает такой свой успех с иронией.

Отношение к мачехе у нашей героини не изменилось. Она восклицает: «Мне ужасно хочется видеть мамá!.. Ее печаль, ее разочарованность жизнью, ее страстные сожаления о про-

шлом и отсутствие интереса к окружающему, словом, все, что мой рассудок в ней осуждает и что мое сердце так любит и так понимает, — это-то и создает в ней обаяние и притягательную силу, которые непрестанно влекут меня». В другом месте «Дневника» Анна снова вспоминает о мачехе: «Ах, если бы она любила меня не эгоистически и сожалела бы обо мне не ради самой себя». Таким образом она отвечает на письмо Эрнестины Тютчевой, в котором та, как мы понимаем, с известной долей лицемерия проявляла заботу о падчерице и сожалела о ее пребывании вдали от дома.

Тяготившая Анну светская жизнь исторгала из ее души вопль: «Ах, как я скучаю по Овстугу, милому Овстугу, единственному месту, где я была если не счастлива, то хотя бы спокойна!» Но в то же время хотя и редкие, но все же случавшиеся встречи с семьей в Петербурге рождают невеселые мысли: «Мое несчастье — это моя семья. В ней господствует дух уныния, отрицания и сплина, благодаря которым жизнь превращается в непрерывную пытку. Никто из нас не умеет пользоваться маленькими радостями жизни, но зато мы превосходно умеем, благодаря неуживчивости и резкости характера, превращать мелкие жизненные невзгоды в настоящие несчастья». Конечно, отсутствие простого семейного счастья — вина прежде всего отца и мачехи. Выдающийся поэт и государственный деятель Федор Иванович Тютчев совсем не походил на «доброего семьянина». Анна как-то изрекла, что ее отец «весь — воплощенный парадокс». Разумеется, мачехе жить с «парадоксом» было непросто. Но она сама, при «сильно развитом чувстве долга», отличалась «крайней слабостью воли и капризным характером» вкупе с «разочарованностью жизнью». Доставалось от нашей героини и сестрам: «Они, благодаря глупому воспитанию, ими полученному, воображают, что живут на свете исключительно ради удовольствий и ради удовлетворения своего тщеславия». Анна поднимается и до обобщения причин непорядков в семейной жизни, которые, скорее всего, приложимы и к другим подобным семьям: «Мы все очень умны умом на-

шего века, разлагающим, мятежным и презрительным; во всех нас очень мало преданности, очень мало участливости и полное отсутствие сердечной простоты». Она желает жить по-другому. «Из всех членов моей семьи я более других способна к привязанности», — пишет фрейлина цесаревны. А настоящую привязанность она испытывает к людям, «преданным долгу, искренно и без софизмов движущимся по пути исполнения своих обязанностей». Кстати, именно «сильно развитое чувство долга», присущее Эрнестине Тютчевой, привлекало к ней нашу героиню.

Осенью 1853 года на горизонте замаячила война, названная позже по главному театру военных действий Крымской. Находясь при дворе, Анна была в курсе основных политических событий, в ее присутствии подчас члены императорской фамилии читали вслух конфиденциальные дипломатические депеши и военные рапорты. Или вот занятный эпизод: она сопровождала членов императорской фамилии, когда они ездили в Ораниенбаумский дворец, откуда из подзорных труб пытались рассмотреть в июне 1854 года подошедший к Кронштадту британский флот.

Анна оценивает этот конфликт по самому большому счету, как столкновение Востока и Запада, славянского и латинского миров, православной церкви не только с исламом, но «и с прочими христианскими исповеданиями». В начале войны она пишет, что Россия, которая сражается «за вечные идеи», находится «на стороне правды и идеала» и поэтому ее поражение невозможно — правда в конце концов должна восторжествовать. Здесь Анна ссылается на своего отца, который «постоянно повторяет в стихах и прозе», что «Россия призвана воплотить великую идею всемирной христианской монархии». Придворная «молодежь» воодушевлена и рвется в бой, но от внимательной фрейлины не ускользнули сильная озабоченность Николая I и чрезвычайная грусть цесаревича Александра Николаевича. Тютчева заключает: «По-видимому, мы не уверены в себе, опасаемся неудач, не чувствуем себя достаточно подготовленными».

Наша героиня негодует по поводу позиции Австрии и Пруссии, объявивших нейтралитет, расцененный как враждебный, и выказывавших тем самым черную неблагодарность России в ответ на ее помощь в период наполеоновских войн и во время революции 1848 года. По мере того как военные действия развивались, но не так, как надеялись русские, у Анны Тютчевой крепки оппозиционные историко-философские взгляды. Приложил руку к этому и ее отец, но наибольшее влияние на Анну оказали труды профессора истории М. П. Погодина. Суть погодинской оценки внешней политики России в первой половине XIX века состояла в том, что Александр I и Николай I ошибались, считая, что задачей страны является поддержка старых монархий Европы «против либеральных стремлений народов». При этом «в жертву приносились интересы» России. А теперь вместо благодарности монархические режимы Европы объединилась против Николая I. Анна бичует действующего императора: «Вот 30 лет как Россия играет в солдатики, проводит время в военных упражнениях и парадах, забавляется смотрами, восхищается маневрами. А в минуту опасности она оказывается захваченной врасплох и беззащитной». «В головах генералов... не оказалось ни военных познаний, ни способностей к соображению».

Резко критикует она канцлера, графа Карла Нессельроде, бессменного главу внешнеполитического ведомства, стоящего во главе придворной клики, которая «толкает императора на унижительные поступки... Если верить им... можно поистине думать, что призвание России — быть обществом страхования благосостояния Европы». Столь нелицеприятные оценки Анна Тютчева доверяла не только своему «Дневнику». В декабре 1854 года с легкой руки гофмейстерины княгини Е. В. Салтыковой по городу стали распускаться сплетни, в которых использовались резкие высказывания нашей героини о Нессельроде и его политике. Наверное, Тютчевой было бы несдобровать, поскольку против нее после этого ополчились влиятельные придворные силы. Но неожиданно умирает Николай I.

Прослужив при дворе Николая I два года, наша героиня составила собственное представление о его личности. Она пишет: «Никто лучше как он не был создан для роли самодержца. Он обладал для того и наружностью, и необходимыми нравственными свойствами. Его внушительная и величественная красота, величавая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд — все, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера, все дышало в нем земным божеством, всемогущим повелителем, все отражало его неизблемое убеждение в своем призвании. Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти или в законности ее. Он верил в нее со слепой верою фанатика, а ту безусловную пассивную покорность, которой требовал он от своего народа, он первый сам проявлял по отношению к идеалу, который считал себя призванным воплотить в своей личности, идеалу избранника Божьей власти, носителем которой он себя считал на земле. Его самодержавие милостью Божией было для него догматом и предметом поклонения, и он с глубоким убеждением и верою совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии — сохранить этот догмат во всей чистоте на святой Руси, а вне ее защищать его от посягательств рационализма и либеральных стремлений века — такова была священная миссия, к которой он считал себя призванным самим Богом и ради которой он был готов ежечасно принести себя в жертву... Повсюду вокруг него в Европе под веянием новых идей зарождался новый мир, но этот мир индивидуальной свободы и свободного индивидуализма представлялся ему во всех своих проявлениях лишь преступной и чудовищной ересью, которую он был призван побороть». Консервативная политика Николая I, стремление к «охранительности» во внешних и внутренних делах вылились в поражение в Крымской войне, когда армия «оказалась без хорошего вооружения, без амуниции, разграбленная лихоимством и взяточничеством начальников, возглавляемая генералами без инициативы и без знаний». К своей жене, императрице Александре Федоровне, Николай I прояв-

лял «страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому... Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке». Императрица любила, «чтобы вокруг нее все были веселы и счастливы... чтобы все женщины были красивы и нарядны, как она сама; чтобы на всех было золото, жемчуга, бриллианты, бархат и кружева». Словом, двор блистал не столько в переносном, сколько в прямом смысле. Тютчева отмечает, что вследствие неумеренных трат, в угоду Александры Федоровны, «мужчины разорялись, а иной раз крали, чтобы нарядить своих жен, а дети росли мало и плохо воспитанными, потому что родителям не хватало ни времени, ни денег на их воспитание». Как мы уже знаем, Анна Тютчева была противницей расточительной светской жизни и предпочитала живой блеск ума, а не бриллиантовый блеск туалетов.

Особенностью августейшей пары, Николая I и Александры Федоровны, было то, что, как утверждают современники, император, имея многочисленных любовниц (из числа великосветских дам, в том числе фрейлин, а иногда и простых актрис), поверял свои амурные тайны собственной жене. Долго длился роман Николая I и фрейлины Варвары Аркадьевны Нелидовой, к которой, надо сказать, Анна Тютчева относится с пониманием. Чувство к государю у Нелидовой было «глубоким, бескорыстным и искренним... хотя и греховным». Анне импонировало, что она не только «не выставяла напоказ» свой фавор, но и «тщательно скрывала его». Особенно подкупило Тютчеву поведение Варвары Аркадьевны в последние часы жизни и после смерти императора Николая. На лице фаворитки застыло «выражение ужаса и глубокого отчаяния». Тютчева замечает, что после смерти Николая I Варвара Аркадьевна «отослала в “Инвалидный капитал” те 200 000 рублей, которые он ей оставил по завещанию, и окончательно удалилась от света».

19 февраля 1855 года цесаревич Александр Николаевич стал новым императором Александром II. Положение при

дворе Анны Тютчевой сразу же изменилось: из фрейлины великой княгини она стала фрейлиной новой императрицы Марии Александровны. В «Дневнике» она подробно описывает прощание императорской фамилии и придворных с покойным императором. Обществу о смерти Николая I сообщили с изрядной задержкой, а доступ к телу государя был чрезвычайно затруднен. Все это породило различные толки вплоть до обвинений лейб-медика Мандта в отравлении монарха. Тютчева, обсуждая с приятельницами причины смерти Николая I, пришла к выводу, что «неожиданная и преждевременная кончина» стала следствием его тяжелого разочарования ходом дел, которое усугубилось инфекционным заболеванием (гриппом).

Современники отмечали, что Анна Федоровна Тютчева довольно быстро стала доверенным лицом Марии Александровны. Некоторые вообще называли ее положение при императрице «исключительным». Неудивительно поэтому, что, описывая происходящее при дворе, Тютчева считает своим долгом императрицу «защищать». Так, в одной из французских газет, в статье, напечатанной вскоре после воцарения Александра II, императрицу сравнивали с Екатериной II. Признавая, что Мария Александровна «очень умна; ум ее очень тонкий, очень чуткий, очень пронизательный», Тютчева, однако, тут же расценила этот пассаж как попытку «внушить недоверие императору к императрице и подозрение, что она может воспользоваться своим умственным превосходством над ним, чтобы подчинить его и оказать влияние на дела». Она преданно служила своей патронессе и, когда ее назначили также фрейлиной вдовствующей императрицы Александры Федоровны, расценила это как попытку «отнять» у нее Марию Александровну и «пролила несколько довольно-таки глупых слез» по этому поводу.

Близость к императрице нередко использовалась ею для передачи Марии Александровне различных проектов, выходящих из кружка Ф. И. Тютчева, которые касались преимущественно вопросов внешней политики. Считалось, что

содержащиеся в них мысли дойдут таким путем до самого императора. Но «доверительные» отношения накладывали и строгие обязательства, вынуждали вести себя определенным образом, и в какой-то момент Тютчева примечает, что «уже вступает в категорию царедворцев, которые проводят всю жизнь в воскурении фимиама государям для того, чтобы пользоваться их милостью, и у которых не хватает смелости даже в интересах этих государей пойти на опасность произвести на них неблагоприятное впечатление». И дальше замечает: «В свете... меня считают важной особой, ищут моего общества, спрашивают моего мнения и придают мне то значение, коего я не имею». Может быть, действительно, в свете преувеличивали влияние нашей героини на императорскую чету?

Как бы то ни было, Анна Тютчева делала явные успехи в придворной карьере, но характер ее не менялся, и служила она не ради «милости», а прежде всего из чувства долга. При этом она по-прежнему ощущала себя одинокой: «Одиночество во дворце, среди толпы и среди придворных интересов, одиночество несчастной фрейлины, которая проводит двенадцать часов в четырех стенах своей комнаты или же одиноко шагает по правильным и усыпанным песком аллеям, для того чтобы на час появиться за императорским чайным столом с любезной улыбкой, остроумной шуткой, не проявляя ничем ту смертную скуку, которая тяготеет над ней целый день, — такого рода одиночество имеет на нравственное состояние очень вредное влияние».

При дворе Анна не смогла ни с кем подружиться — во-первых, слишком высоки были ее интеллектуальные и нравственные запросы, во-вторых, она очень трудно сходилась с людьми. Правда, это не мешало ей ценить тех, кто, на ее взгляд, отличался высокими нравственными качествами. Так, например, она «любила и восхищалась» Эдитой Федоровной фон Раден — фрейлиной великой княгини Елены Павловны. «Это совершенно исключительная натура, которая кажется не на месте в банальной и пошлой придворной

среде. Исключительный ум, большое образование... глубокое и искреннее религиозное и нравственное чувство... Я люблю быть с ней, хотя хорошо сознаю, до какой степени она выше меня, так что равных отношений между нами быть не может. Но она внушает мне желание стать лучше».

Связанная с патриотическими кругами, Анна Тютчева не упускала случая прямо говорить императрице Марии Александровне о необходимости отставки наиболее одиозных министров прежнего царствования, виновных в той тупиковой ситуации, в которой оказалась Россия к середине XIX века. Анна была «в восторге» в 1855 году от отставки графа Клейнмихеля, управлявшего путями сообщения. О нем наша героиня говорит, что «благодаря ему у нас нет ни шоссейных, ни железных дорог, и в этой области администрации совершаются невероятные злоупотребления и хищения». В 1856 году Тютчева приветствовала отставку министра иностранных дел графа Нессельроде и военного министра князя Долгорукого, «деятельность которых привела к бедствиям этой войны и к позорному миру». Она имела в виду Парижский мирный договор, подписанный 18 марта 1856 года, и была не одинока в его оценке. По этому договору России запрещалось иметь военный флот и военно-морские арсеналы на Черном море, она уступала устье Дуная и часть Южной Бессарабии Молдавскому княжеству, которое, как и Сербия, оставалось в составе Турции; кроме того, провозглашалось свободное плавание по Дунаю. Наконец, только что захваченная крепость Карс возвращалась Турции в обмен на Севастополь и уход союзников из Крыма.

Еще только получив сведения о подготовке Парижского договора, Тютчева пишет, что она «в состоянии полного отчаяния» и «совсем несчастна». Она несколько раз откровенно говорила о своем недовольстве происходящим императрице, называя это «отголоском общественного мнения». Тютчева пыталась доказать, что Россия может и должна продолжать военные действия, чтобы довести дело до более выгодных условий мира. Мария Александровна слушала

фрейлину «терпеливо и кротко без раздражения и волнения». Она была в курсе обстоятельств, в которых ее муж император Александр II принимал решения, — и обстоятельства эти были весьма серьезны. Анна передает ответ императрицы. Во-первых, Мария Александровна сказала, что ее суждения «пристрастны», а во-вторых, заметила, что у страны нет ресурсов для продолжения войны. На это Анна возразила, что подобные выводы внушили государю негодные министры. Она прямо обвинила Нессельроде и Долгорукого в предательстве, ибо видела, как оба «с радостным видом» поздравляли придворных дам, что наконец-то можно будет снова посещать Париж и Италию. Когда мир был подписан, Тютчева воскликнула в «Дневнике»: «Россия опозорена и кем же? Теми, кого я любила всеми силами своего существа!» Ниже она признается: «Я больше не горжусь тем, что составляло мою гордость: Россией, государем, государыней».

Подобное настроение Анны, казалось бы, должно было привести ее к полному разрыву с императорской четой и, как следствие этого, к отставке. Но об этом она и не помышляет. Вероятно, гневная запись в «Дневнике» была сделана под влиянием момента. Для нее вообще характерны резкие перемены в оценках. То Анна утверждает, что у Марии Александровны «появилось какое-то высокомерие... Теперь мы не находим общего языка». И далее: «Государыня не слишком добра теперь ко мне... Я уже давно чувствую по ее манере держаться, что она хочет удалить меня от себя». То пишет об откровенных и задушевных беседах с императрицей и признается ей в любви. В общем, при всем своеобразии взглядов, которые, очевидно, могли раздражать Марию Александровну, Анна весьма ревниво следила за отношением к себе императрицы и, вероятно, в этом смысле мало отличалась от других придворных.

Надо сказать, что близость к патриотическому лагерю, деятелей которого принято было называть славянофилами, имела и свои минусы. Недоброжелателей у славянофилов хватало. Еще не потерявшие влияния деятели прежне-

го, николаевокого, царствования призывали Александра II бороться «с нашими московскими господами славянофилами». Тютчева пишет, что «лица, участвующие в правительстве, называют... красным, революционером» А. С. Хомякова, который, как и другие славянофилы, никогда не выступал за революцию, но призывал «объединиться вокруг государя» ради проведения необходимых реформ (отмены крепостного права, демократизации общественной жизни и т. п.). «Хороша же была власть, — скажем мы, — которая не отличала славянофилов от революционеров, последователей А. И. Герцена и Н. П. Огарева...»

Любопытно отношение нашей героини к определению «славянофилы». Она считает, что его «применяют к людям самых разнообразных мнений и направлений. Достаточно того, чтобы человек имел сколько-нибудь определенную индивидуальность, сколько-нибудь оригинальную мысль, чтобы он имел смелость быть самим собой, а не бледным сколком с иностранного образца, и он будет причислен к славянофилам». Видно, что и Тютчева не видит разницы между русскими патриотами и славянофилами. Она противопоставляет их «другого рода людям», тоже «культурным», которые читают иностранные газеты и французские романы, ведут светскую жизнь, а потом «уезжают в Германию на воды и, наконец, обретают центр равновесия в Париже». Мы ждем, что она вот-вот употребит слово «западники». Но этого не происходит...

26 августа 1856 года Анна Тютчева присутствовала в Москве на коронации Александра II и Марии Александровны. Она описывает поведение присутствующих в Успенском соборе: «Никто не молился; смеялись, болтали, шептали, расспрашивали друг друга о назначениях и милостях, которые должны были быть дарованы по случаю коронации. Некоторые даже взяли с собой еду, чтобы подкрепиться во время длинной службы». Словом, у ближайшего окружения императорской четы она не находит никакого религиозного чувства. Это и подобные наблюдения привели ее к чрезвычайно важному выводу: «Какое будущее ожидает народ, высшие

классы которого проникнуты глубоким растлением, благодаря роскоши и пустоте, и совершенно утратили национальное чувство и особенно религиозное сознание, которое одно только может служить ему основой, низшие же классы погрязают в рабстве, в угнетении и систематически поддерживаемом невежестве». Под этой сентенцией — разве что исключив «религиозное сознание» — подписались бы и тогдашние революционеры-демократы!

10 августа 1858 года придворная карьера Анны Тютчевой испытала новый поворот: она стала гувернанткой дочери императора — великой княжны Марии Александровны, которой было пять лет. Этот вопрос не раз обсуждался с нею императрицей Марией Александровной, которая, как видно из записей «Дневника», давно уже решила поручить воспитание дочери своей фрейлине. Ждали только, когда великая княжна достигнет определенного возраста. Анна была рада принять на себя эти обязанности. По своему положению фрейлины она не могла выйти замуж и, следовательно, иметь семью. Однако неутоленное материнское чувство требовало выхода наружу, и ее фразы о маленькой великой княжне, ее поведении, шалостях наполнены умилением и обожанием. Вместе с тем эта должность, желанная и «более серьезная, чем должность фрейлины», высветила и женскую трагедию Анны. Вот как сама она об этом пишет: «Уже давно я простилась с надеждой на личное счастье, такое, как бы я желала, но сегодня я как бы подписала свое полное отречение. Отныне я уже не буду принадлежать самой себе, я буду отдавать свою жизнь и свои силы другим, которые, вероятно, за это ничего мне не дадут и даже не будут знать, что я чем-нибудь для них жертвую. Но пусть — лишь бы я, наконец, обрела на этом пути мир и внутреннее удовлетворение, которое я так давно ищу».

«Дневник» Тютчевой не содержит каких-либо интимных подробностей ее жизни. Мы не знаем о ее женских радостях и разочарованиях. Но из этой фразы ясно, что счастья Анна уже не ждет. В соответствии с ее самоотверженным, христи-

анским образом мысли она готова на «жертву». Под «другими» же следует понимать императорскую семью. Анна как бы наперед знает, что жертвенность ее вряд ли будет оценена. Единственная надежда — на «удовлетворение» от своих обязанностей, которые теперь состояли в воспитании маленькой Маши, в участии в ее играх, прогулках, в чтении, в сопровождении ее во время официальных церемоний. Кроме того, Тютчева возглавила штат прислуги, состоявший из камер-фрау, двух девушек, двух камердинеров, трех лакеев и двух истопников; также она «руководила расходами» на нужды подопечной.

Как натура образованная, творческая и самостоятельная Анна имела свои взгляды на воспитание детей. Так, она была противницей роскоши, которая окружала отпрысков императорской семьи, и считала, что хлопоты вокруг них целого штата прислуги только во вред. Она предпочитала оставаться с великой княжной наедине, в ситуации, в которой их отношения «просты и естественны». Свою задачу фрейлина-воспитательница видела в том, чтобы девочка не стала избалованной эгоисткой и в общении с детьми придворных не «помыкала» ими.

В том же 1858 году на должность фрейлины взяли сестру нашей героини — Дарью, чтобы, как пишет Анна, «заменить» ее. Это, добавляет она, вызвало «много зависти и недоброжелательства... и много неприятных разговоров по поводу оказываемых мне милостей и моих интриг». А как же еще в свете могли расценить появление при дворе еще одной Тютчевой? Кстати, в это же время Федор Иванович Тютчев стал, как пишет Анна, «председателем петербургского комитета цензуры иностранной», то есть получил в свое ведение издание в стране иностранных авторов.

После записей Анны в «Дневнике» за 1861 год следует перерыв до 1865 года. Причиной тому, как можно предположить, стало окончательное охлаждение к ней императрицы Марии Александровны; при этом Тютчева продолжала пестовать великую княжну Марию и одновременно была назна-

чена гувернанткой младших сыновей императорской четы — великих князей Сергея и Павла Александровичей. К слову сказать, современники, имевшие возможность наблюдать Анну Тютчеву при дворе, признавая ее определенное влияние на императорскую чету как выразительницы славянофильских воззрений в период подготовки реформ 60-х годов XIX века, отмечали прямоту и чрезмерную резкость мнений, которые она порой обрушивала на императора. Придворным, бывшим свидетелями ее эскапад, становилось не по себе, но Александр II ценил эту черту Тютчевой и не ограничивал ее в высказываниях, считая, что таким образом до него доходит общественное мнение. Но очевидно, прямота и невоздержанность в суждениях могли все более и более раздражать императрицу. Так что почти наверняка к охлаждению Марии Александровны «приложила руку» и сама Тютчева.

Между тем в это время (на рубеже 50—60-х годов XIX века) разворачивался роман императора Александра II с фрейлиной княжной Александрой Долгорукой. Об императоре Анна отзывается тепло и говорит о его «добром и горячем» сердце, которое, как считала она, подвигло государя освободить крестьян, осуществить судебную и другие реформы. С княжной Долгорукой Анне пришлось годами ежедневно общаться на фрейлинской службе. Ее она определяет как «один из самых сложных и самых непонятных характеров», какие ей пришлось встретить «в течение всей жизни». Внешность княжны не производила «на первый взгляд» особого впечатления. «Но как только она оживлялась под влиянием разговора, танцев или игры, во всем ее существе происходило полнейшее превращение. Все ее существо проникалось неуловимым и поистине таинственным обаянием, которое подчиняло себе не только мужчин, но и женщин». Долгорукая была, по мнению Тютчевой, «надменной, капризной и своевольной», но при этом «изумительно одарена. Совершенно бегло, с редким совершенством говорила она на пяти или шести языках, много читала, была очень образованна». Тютчева заключает свою зарисовку с натуры утверждением:

«Понятно, что ее не любили». Сама она тоже «сдержалась» от дружбы с Долгорукой, хотя княжна «употребила много усилий к тому, чтобы пленить» ее.

В своем «Дневнике» Тютчева прямо не пишет о романе императора и княжны. Но отдельные намеки на необычные отношения между ними она все-таки делает. Вот 20 ноября 1855 года княжне «сделалось дурно», и государь проявил к этому «слишком большой интерес», а императрица перелистывала книгу с подчеркнута «полнейшим спокойствием». Известно, что императрица Мария Александровна была в курсе этого увлечения своего мужа. 8 октября 1858 года Долгорукая позволила себе рисовать карикатуры на официальном списке приглашенных в Гатчинский дворец, а «государь бросил его в камин». Упомянув о вечере 20 ноября 1858 года в тесном кругу приглашенных к императорской чете, Тютчева после фразы «княжна Долгорукая играет в карты с государем» ставит многоточие...

В обществе утверждали, что Александра Долгорукая имела влияние на государя в период подготовки и проведения реформ 60-х годов XIX века. Вообще Александр II имел привычку советоваться при принятии того или иного политического решения с близкой ему в то время женщиной: будь то жена или фаворитка. Эта особенность государя раздражала его мужское окружение, которое всячески старалось скомпрометировать близкую к царю особу. Вначале подобной мишенью была императрица, но император вскоре охладил к жене. Затем стрелы полетели в сторону Александры Долгорукой, и в конце концов фаворитка получила «отставку». Возможно, правда, в расставании княжны и царя решающую роль сыграли не столпившиеся у трона мужчины, а она сама с ее, по словам Тютчевой, «озлобленным умом». Спустя некоторое время после этого княжна вышла замуж за генерал-адъютанта П. П. Альбединского, назначенного варшавским губернатором. Считается, что Александру Долгорукую вывел в своем романе «Дым» И. С. Тургенев в образе «светской львицы» княжны Ирины Осининой.

Дневниковые записи Анны Тютчевой за 1865 год целиком посвящены обстоятельствам болезни и смерти в апреле в Ницце цесаревича Николая Александровича. Болезнь наследника престола заставила собраться там всю императорскую семью. Анна Тютчева, по должности гувернантки, сопровождала великую княжну Марию. Наша героиня обвиняет окружение цесаревича, и прежде всего его «попечителя» графа С. Г. Строганова, в долгом сокрытии от императора и императрицы тяжелого состояния здоровья их старшего сына. При этом как искренняя христианка Тютчева рассматривала смерть наследника престола как проявление Божьего гнева: «вся Россия», молившаяся о здравии Николая Александровича, не смогла его «отмолить». Она пишет: «...Я чувствовала тогда, что Господь наказывает нас за нашу пустоту и легкомысленность, за пренебрежение к нашей церкви и нашей державе». В этом «пренебрежении» она упрекает именно верхи общества, особенно придворных, о формальном отношении которых к вере говорила уже не раз. Здесь же Анна говорит вполне определенно о своих отношениях с императрицей: «За долгие годы наша пути разошлись, я растеряла то страстное юношеское чувство привязанности к ней, наши характеры слишком различны, чтобы мы могли не отдалиться».

В этом же 1865 году начался роман императора Александра II с фрейлиной княжной Екатериной Михайловной Долгорукой (с дальней родственницей Александры) — роман, который завершился морганатическим браком и принес государю настоящее человеческое счастье. Но Анна Федоровна не удостоивает его упоминания. Впрочем, ни слова не говорит она и о важнейшем событии в собственной жизни: в 1866 году она покинула придворную службу и вышла замуж за славянофила Ивана Сергеевича Аксакова. Они сошлись прежде всего на идейной почве. Вряд ли тридцатисемилетняя Тютчева, находившаяся, как тогда говорили, в «бальзаковском возрасте», вспылала романтической страстью к сорокатрехлетнему общественному деятелю. Анна Федоровна описывает

в «Дневнике» их встречу 28 февраля 1858 года: они долго беседовали как о творчестве отца Ивана Сергеевича, известного писателя С. Т. Аксакова (и Анна говорила о том, что является горячей поклонницей его трудов), так и «о многих крупных событиях... о лицах, игравших в них роль». То есть ни намек на флирт! Это был «всего лишь» заинтересованный разговор двух близких по духу людей о серьезных материях.

Современники отмечали, что при всей «страстной любви» к мужу Анна Федоровна «во многом с ним не сходилась», в частности, не во всем была привержена славянофильской доктрине. Кроме того, долго живя при дворе, она невольно восприняла привычки высшего света. Аксаков подчеркивал свою русскость, а с его женой «надобно было вести беседу на французском языке», так как она «плохо говорила по-русски». В чем супруги безусловно были близки, так это в искренней приверженности православию.

В 1870 году взяться Анну Федоровну за перо заставило важнейшее событие в сфере внешней политики: Россия объявила, что больше не считает себя связанной Парижским мирным трактатом 1856 года, в особенности в части запрета иметь военный флот на Черном море. Если петербургское общественное мнение сразу поддержало это заявление (в частности, Ф. И. Тютчев даже посвятил канцлеру князю А. М. Горчакову восторженные стихи), то московские деятели (а Анна Федоровна жила в Москве) были более осторожны. Ф. И. Тютчев даже прислал зятю из Петербурга письмо, в котором удивлялся столь «равнодушной» позиции Москвы, где высказались опасения (Иван Сергеевич и Анна Федоровна Аксаковы их разделяли), что русское правительство к такому шагу подтолкнула в своих видах Пруссия, а Англия, Австрия и Турция могут начать войну, к которой Россия была, по общему мнению, не готова.

С некоторым опозданием Московская городская дума все же поднесла Александру II адрес по поводу столь важного внешнеполитического решения. Причем его автором стал И. С. Аксаков. И тут случился страшный скандал. До-

кумент был составлен во вполне верноподданническом духе, в нем выражалась уверенность, что Россия «тесно сомкнется вокруг престола», но содержалась просьба к царю даровать народу свободы слова, совести и религий. По сути, речь шла о конституции. Это вызвало крайнее возмущение императора. Он даже запретил жене, которая ехала в Петербург из Ливадии, надолго останавливаться в Москве. Тем не менее Мария Александровна все-таки нашла время, чтобы принять Анну Федоровну. Встреча началась «очень ласково» — очевидно, по старой памяти, но прощание прошло «сухо». Анна Федоровна старалась всячески уменьшить негативное впечатление императорской семьи от адреса, написанного мужем, и тем, видимо, опять вызвала раздражение императрицы. Закончилась эта история тем, что адрес был возвращен Московской городской думе с объявлением, что причиной сему является превышение думой своих полномочий, так как она затронула «вопросы управления» страной. Кто-то из придворных (Анна Федоровна не называет его имя) передал ей в конфиденциальном разговоре слова, сказанные Александром II в сердцах, что «во всем виноваты Аксаков и Самарин», то есть ее муж и близкий ему общественный деятель.

После шестилетнего перерыва, в 1876 году, Анна Федоровна снова обращается к «Дневнику». 18 августа, когда поезд императрицы, в котором вместе с ней ехала дочь Мария (когда-то воспитанница Анны Федоровны, а теперь герцогиня Эдинбургская) с двумя своими маленькими детьми, проезжал через Москву в Ливадию, Анну Федоровну пригласили к государыне. В это время императрица Мария Александровна уже была серьезно больна. По словам мемуаристки, ее «сильно удручала политическая обстановка». Южные славяне, находившиеся под владычеством Турции, усиливали борьбу за независимость, Россия традиционно им покровительствовала, и императрица боялась нового возможного конфликта. Беспокойства ей прибавляла протурецкая политика Англии, что было особенно «больно» для государыни,

так как Мария уже два года как была замужем за английским герцогом Альфредом Эдинбургским.

Общение Анны Федоровны со своей бывшей воспитанницей, которой уже исполнилось двадцать три года, принесло сплошное разочарование. Она вложила столько сил и душевного тепла, чтобы придать «правильное» направление ее мыслям, но повзрослевшая Мария Александровна вела себя, «как балованное дитя». Главной ее заботой было, чтобы ничто «не нарушало покой и безмятежность существования». Ко всему, что не касалось лично ее, она демонстрировала черствость и равнодушие.

В это время в Сербии воевало против турок множество русских добровольцев. Общественную поддержку им в России оказывал Славянский комитет, в котором видную роль играл Аксаков; поэтому наша героиня была в курсе событий на Балканах. Анна Федоровна критикует русское правительство за его нежелание по политическим соображениям открыто вмешаться в конфликт, за его «неуклюжие и неловкие меры». Дело доходило до того, что казна тайно направляла деньги на поддержку Сербии через частные банки Москвы, чтобы показать, что подобная помощь есть проявление общественной инициативы. «Нельзя обмануть Европу», — писала Анна Федоровна. В конце концов, там все знали, что Россия не может бросить на произвол судьбы братьев-славян. Доставалось от нее Англии и Австрии, «готовым ради своих корыстных интересов задушить любые действия, направленные на обретение славянами свободы и независимости».

Бичуя власти за предательскую политику, Анна Федоровна в то же время пишет, что «весь народ поднялся, как один человек, трепеща от священного негодования перед лицом страданий наших братьев по крови и вере, избиваемых подлой Турцией». Действительно, в русском обществе наблюдался активный праславянский настрой. И еще, уже личное: «Я горжусь тем, что мой муж стоит во главе этого прекрасного движения и дал ему толчок своими замечательными посланиями», — отмечает Анна Федоровна. Аксаков развил

весьма бурную деятельность в рамках Славянского комитета и стал с точки зрения общественного мнения центральной фигурой в деле поддержки сербов. Анна Федоровна, как могла, поддерживала мужа. Ею овладевает двойное чувство: с одной стороны, она боится, что сложность и трудность «дел», за которые взялся муж, могут обернуться против него, а с другой — не понимает, почему правительство не берет в свои руки дело поддержки сербов, если «вся страна... движима поразительно единым порывом» в осуществлении помощи единоверцам. С горечью она пишет, что Александр II и Мария Александровна и их окружение «мало... понимают серьезность положения, размах народного движения в России». И заключает: «...Власть и народ... разделяет непонимание».

Но вот 31 октября императорская семья приезжает в Москву (теперь проездом из Ливадии в Петербург). Анна Федоровна получает приглашение к императрице и сначала разговаривает с Марией Александровной в присутствии императора и цесаревича с супругой, а затем и наедине. Как пишет она, государь «с очень ласковым видом» сказал ей «вполголоса», что он «полагается» на ее мужа в том, что «русские добровольцы не будут ни в чем нуждаться в Белграде». Позже, во время торжественного выхода в Кремле, Александр II произнес одобрительную в отношении московского общества речь и заверил присутствующих, что будет помогать сербам. Из личной беседы с Марией Александровной Анна Федоровна вынесла мнение, что императрица «видит почти так же ясно, как и мы... все слабые стороны правительственной деятельности... но сохраняет свою обычную сдержанность и осторожность».

Все эти встречи, однако, мало повлияли на отношение властей к ее мужу, который, по сути, сделался выразителем славянских симпатий русского общества и своей активной общественной деятельностью нажил себе немало врагов. В 1877 году он был назван автором якобы готовящегося очередного адреса Александру II от московской общественно-

сти, и из Петербурга пришла телеграмма от государя с грозным требованием «прекратить всякое действие под строгою угрозой за будущее». Анна Федоровна, которая начисто отвергает сам факт существования идеи такого адреса, помчалась в Царское Село и провела там неделю. На какие «пружины» она там воздействовала с целью смягчить царский гнев — нам неизвестно. Известно только, что она выяснила, откуда дует ветер, — это недруги мужа в высших сферах во главе с министром внутренних дел А. Е. Тимашевым воспользовались циркулировавшими по Петербургу слухами и передали их императору.

Но гроза над Иваном Сергеевичем все равно разразилась. В 1878 году Аксакова отправили в ссылку, и Анна Федоровна пожелала разделить его судьбу. Поводом к столь жестокому наказанию стала весьма резкая речь, произнесенная Аксаковым 22 июня в Москве, хотя и перед «весьма малочисленной публикой», но получившая большой резонанс. Позицию «не могу молчать» он занял после просочившихся в европейскую печать (русским газетам обсуждать это было строгойше запрещено) сведений о секретных переговорах русской делегации в Берлине с английскими, австрийскими и турецкими дипломатами. Сан-Стефанский мирный договор, заключенный Россией и Турцией 3 марта и завершивший Русско-турецкую войну 1877—1878 годов, был с радостью встречен русской патриотической общественностью. Но Англия и Австро-Венгрия, опасаясь резкого усиления России, отказались его признать. Вновь запахло порохом. Александр II понимал, что воевать с этими странами сразу после только что завершившейся войны с Турцией Россия не может, и ему пришлось согласиться с предложением Германии устроить в Берлине конгресс, где условия Сан-Стефанского договора подверглись корректировке. После совещаний, которые продолжались в течение месяца, был подписан трактат, согласно которому территории Болгарии, Сербии и Черногории сильно урезались, Австро-Венгрия получала Боснию и Герцеговину, а Англия — остров Кипр.

Уступки русской стороны в Берлине, о которых сообщали иностранные газеты «с наглым ликованием», были восприняты Анной Федоровной и близкими ей по духу людьми как следствие «безволия, глупости и, возможно, предательства» русских дипломатов. Мемуаристка бичует их в своем «Дневнике»: князь Горчаков — в ее описании — старик, «наполовину впавший в детство, для которого его общеизвестное тщеславие всегда стояло выше серьезных соображений и патриотических чувств», граф Шувалов — «хитрый мошенник... который гораздо больше озабочен тем, чтобы снискать милость Европы, чем постоять за интересы своей страны». Досталось, как всегда, и петербургским «высшим сферам», которые ради «привычного... праздного и роскошного существования» не хотят бороться за интересы братьев-славян. Хотя справедливости ради надо сказать, что критиковавшие императора и правительство за уступчивость не до конца учитывали реальные военные и политические возможности России.

Иван Сергеевич Аксаков «глубоко переживал» происходящее. Положение лидера общественного Славянского комитета обязывало его реагировать на подобную ситуацию. Он, конечно, понимал, что его открытое выступление может иметь самые серьезные последствия, и прежде чем выступить, попросил совета у жены. Анна Федоровна ответила, что России необходим его «честный, неподкупный, мужественный голос, протестующий против постыдного безволия властей» и теперь настал «момент истины», пусть даже они «могут... подвергнуться ссылке», которая будет означать, разумеется, и потерю места в банке, дававшее семье средства к существованию.

Александр II воспринял речь Аксакова как оскорбление. Ее было строжайше запрещено печатать, Аксакова сняли с поста руководителя Славянского комитета, да и сам комитет через несколько дней распустили. А 23 июля Аксакову было предписано отправиться в ссылку в имение. Анна Федоровна пишет, что «обстоятельства вынудили» их с мужем

«продать земли» и пришлось ехать в поместье сестры Анны Федоровны во Владимирской губернии. Тут мимоходом она упоминает о приюте для детей-сирот, открытом ею, который необходимо было теперь, в связи с отъездом, передать в надежные руки. Одну из девочек она взяла с собой в ссылку. Что ж, не имея собственных детей, Анна Федоровна продолжала дарить ласку и внимание чужим!

Очевидно, опала с Аксакова была окончательно снята только после гибели 1 марта 1881 года Александра II — с вступлением на престол Александра III. Аксаков, когда узнал об убийстве императора, выступил с речью, «клеившей... преступление» и предупреждавшей против «неразумных и преступных поползновений и стремлений лжелиберализма, который хочет толкнуть Россию на ложный путь конституционных реформ». Иначе говоря, патриотические консервативные круги, к которым принадлежали Иван Сергеевич и Анна Федоровна, были против либерализации страны по европейскому образцу.

Анна Федоровна сообщает, что они с мужем специально приехали в Петербург, чтобы проститься с покойным императором. В этом месте «Дневника» она впервые говорит о морганатическом браке Александра II с княжной Долгорукой, который был заключен в 1880 году, сразу после смерти императрицы Марии Александровны. Известно, что императорская фамилия осуждала Александра II за этот поступок. Анна Федоровна знала это из первых уст, поскольку общалась на этот счет со своими бывшими воспитанниками, герцогиней Марией Александровной и великим князем Сергеем Александровичем. Они подтвердили, что узнали о морганатическом браке отца как о свершившемся факте. При этом самый младший из детей Александра II, великий князь Павел Александрович, тоже бывший воспитанник мемуаристики, узнав всю правду о давней связи отца с Долгорукой, у которой уже было от царя трое детей, по ее словам, «опасно заболел».

Идеи Ивана Сергеевича Аксакова оказались созвучны царствованию Александра III. Во всяком случае, Анне Фе-

доровне в личной беседе молодой император сказал: «Я сочувствую идеям, которые высказывает ваш муж» — и назвал Аксакова «честным и правдивым человеком... настоящим русским». Зная императора с восьмилетнего возраста, пятидесятидвухлетняя бывшая фрейлина «изумилась» «полнейшей перемене», которая произошла в его поведении. Тридцатилетний Александр III поразил ее «спокойным и величавым видом, полным владением собой... твердостью и ясностью в словах... — одним словом, свободным и естественным величием», чего ранее не наблюдалось. Сравнивая сына Александра III с отцом Александром II, она явно отдает предпочтение сыну.

«Дневник» Анны Федоровны Тютчевой (Аксаковой) завершается записями 1882 года о знакомстве ее и мужа с героем Русско-турецкой войны 1877–1878 годов генералом М. Д. Скобелевым. Скобелев считал, что новый император может подпасть под влияние прогерманских кругов. Наша героиня этого не допускала (заметим, совершенно справедливо). В 1886 году Анна Федоровна лишилась супруга, а в 1889 году в возрасте шестидесяти лет скончалась сама.

Анна Федоровна Тютчева являла собой пример образованной, мыслящей, глубоко верующей женщины. Она родилась, выросла и получила образование в Мюнхене, но, оказавшись на русской почве, вдруг ощутила себя русской. Нелицеприятный, подчас суровый критик власти, она всю жизнь хранила верность патриотическим убеждениям, мечтала о величии и стремилась к благу России.

Содержание

Предисловие	5
Страшная судьба фрейлины	7
Самый близкий человек	17
Могла стать императрицей	35
Павловские любимицы.	49
Фрейлина-интеллектуалка.	66
Несостоявшаяся фаворитка Александра I.	95
Царствовавшая над русскими поэтами...	125
Дочь знаменитого отца	164

- Д30 Дёмкин А.
Истории русских фрейлин / Андрей Дёмкин. — М.: Ломоносовъ, — 2017. — 208 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-371-1

В этой книге рассказывается о судьбах девяти фрейлин. Мария Гамильтон закончила жизненный путь на плахе. Юлиана Менгден провела лучшие годы в ссылке. Елизавета Воронцова имела шанс стать императрицей. Екатерина Нелидова искренне любила Павла I, но оказалась в опале, а пришедшая ей на смену расчетливая Анна Лопухина устроила дело так, что государь осыпал ее милостями и выдал замуж за любимого человека. София Тизенгаузен (Шуазель-Гуфье), Роксандра Стурдза (Эдлинг), Анна Тютчева (Аксакова) и Александра Россет (Смирнова) обладали литературным даром. В оставленных ими мемуарах — описание важнейших событий русской истории, портреты императоров Александра I, Николая I и Александра II, их жен и членов семей, подробности придворной жизни. Объединяет всех этих женщин одно — они, натуры незаурядные, были близки к трону, а некоторые из них, возможно, даже влияли на решения верховной власти.

Андрей Дёмкин — ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

УДК 94(47)05-08
ББК 63.3(2)46-47

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.

Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Андрей Дёмкин

Истории русских фрейлин

Редактор С. Карякин
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 18.11.2016.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13. Тираж 1200 экз. Заказ № 8425.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300 Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499)270-73-59

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ

- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, ИЛИ ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ
И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 МОСКОВИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ГЛАЗАМИ ИНОЗЕМЦЕВ
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I И КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ПОКОРИТЕЛЬ АЗИИ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ

- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОНОСЦЫ. ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ: СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. Гунны
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- 99 Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ, КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- 100 Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- 101 Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ
- 102 Виктор Бердинских. ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ
- 103 Ауртни Бергманн. ТОРВАЛЬД СТРАННИК
- 104 Геннадий Коваленко. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
В ИНОСТРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ
- 105 Людмила Ивонина. ДРАМА ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ
- 106 Игорь Тантлевский. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ
- 107 Станислав Чернявский. АНТИОХ ВЕЛИКИЙ, «ЦАРЬ АЗИИ»
- 108 Георгий Вернадский. ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
- 109 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ. ОТ ГОНЕНИЙ К ТРИУМФУ
- 110 Антон Горский. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ
- 111 Вера Курская. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
- 112 Антон Горский. МОСКВА И ОРДА
- 113 Александр Васильев. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ ОТ ОСНОВАНИЯ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО ЭПОХИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.
324—1081 годы
- 114 Дмитрий Занков. РУСЬ ЗА ТРАПЕЗОЙ
- 115 Людмила Морозова. Андрей Дёмкин. РУССКИЕ ЦАРИЦЫ
И ЦАРЕВНЫ XVII ВЕКА

- 116 Виктор Бердинских. РУССКИЕ У СЕБЯ ДОМА
- 117 Михаил Мочалов, Дмитрий Полежаев. ДЕРЖАВА САСАНИДОВ.
224—652 ГОДЫ
- 118 Станислав Чернявский. МИТРИДАТ ВЕЛИКИЙ,
«ПОСЛЕДНИЙ ЭЛЛИН»
- 119 МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО XV—XVII ВЕКОВ
ПО СКАЗАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ
- 120 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.
НА ПУТИ К РАСКОЛУ
- 121 Елена Смилянская. ВОЛШЕБНИКИ, БОГОХУЛЬНИКИ, ЕРЕТИКИ
В СЕТЯХ РОССИЙСКОГО СЫСКА XVIII ВЕКА
- 122 Варвара Пономарева, Любовь Хорошилова. МИР РУССКОЙ
ЖЕНЩИНЫ: СЕМЬЯ, ПРОФЕССИЯ, ДОМАШНИЙ УКЛАД.
XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА
- 123 Андрей Дёмкин. ЛЕЙБ-КОМПАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
- 124 Лариса Печатнова. ДРЕВНЯЯ СПАРТА И ЕЕ ГЕРОИ
- 125 Татьяна Лабутина. МИР АНГЛИЙСКОЙ ЛЕДИ. ВОСПИТАНИЕ,
ОБРАЗОВАНИЕ, СЕМЬЯ. XVII — НАЧАЛО XVIII ВЕКА
- 126 Георгий Вернадский. РУССКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 127 Нонна Марченко. БЫТ И НРАВЫ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ
- 128 Наталья Петрова. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ
- 129 Дмитрий Расовский. ПОЛОВЦЫ, ТОРКИ, ПЕЧЕНЕГИ,
БЕРЕНДЕИ
- 130 Олег Ивик. ТРОЯ. ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ РЕАЛЬНОСТИ
И МИФА
- 131 Юрий Селезнёв. РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ПРИ ДВОРЕ ХАНОВ
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
- 132 Владимир Безгин. ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ
ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ
- 132 Светлана Плетнева. КОЧЕВНИКИ РУССКИХ СТЕПЕЙ IV—XIII ВЕК

ВСЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛОМОНОСОВЪ»
В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ
НА САЙТЕ

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Андрей
Дёмкин
Истории
русских
фрейлин

В этой книге рассказывается о судьбах девяти фрейлин. Мария Гамильтон закончила жизненный путь на плахе. Юлиана Менгден провела лучшие годы в ссылке. Елизавета Воронцова имела шанс стать императрицей. Екатерина Нелидова искренне любила Павла I, но оказалась в опале, а пришедшая ей на смену расчетливая Анна Лопухина устроила дело так, что государь осыпал ее милостями и выдал замуж за любимого человека. София Тизенгаузен (Шуазель-Гуфье), Роксандра Стурдза (Эдлинг), Анна Тютчева (Аксакова) и Александра Россет (Смирнова) обладали литературным даром. В оставленных ими мемуарах — описание важнейших событий русской истории, портреты императоров Александра I, Николая I и Александра II, их жен и членов семей, подробности придворной жизни. Объединяет всех этих женщин одно — они, натуры незаурядные, были близки к трону, а некоторые из них, возможно, даже влияли на решения верховной власти.

Андрей Дёмкин — ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

ISBN 978-5-91678-371-1

9 785916 783711

W7-BTV-384